

Небо на земле

Митрополит
Вениамин
(Федченков)

ДУХОВНЫЙ СОБЕСЕДНИК

**Митрополит Вениамин
(Федченков)**

НЕБО НА ЗЕМЛЕ

*О Божественной литургии
по творениям
святого праведного отца
Иоанна Кронштадтского*

Москва
«Отчий дом»
2017

УДК 265.3
ББК 86.372
В–29

*Рекомендовано к публикации
Издательским советом
Русской Православной Церкви
(ИС Р17-717-3407)*

Вениамин (Федченков), митрополит

В–29 Небо на земле: О Божественной литургии по творениям святого праведного отца Иоанна Кронштадтского. – М. : Изд-во «Отчий дом», 2017. – 176 с. (Серия «Духовный собеседник»).

В книге выдающегося иерарха Церкви, богослова, духовного писателя митрополита Вениамина (Федченкова) «Небо на земле» собраны размышления о Божественной литургии святого праведного отца Иоанна Кронштадтского. По мнению владыки, в творениях отца Иоанна – «великого служителя Литургии» – наилучшим образом раскрывается дух и смысл главного христианского Богослужения.

Книга содержит общие воззрения Всероссийского пастыря на Литургию и последовательное истолкование службы «от самого входа в храм... до выхода после причащения». Для читателя книга имеет несомненную ценность, поскольку она представляет собой собрание мыслей и личных, взятых с собственного опыта, переживаний тайнодействия Божественной литургии, записанных в своем дневнике святым праведным Иоанном Кронштадтским – и бережно отобранных, систематизированных и связанных в единое повествование горячим почитателем Батюшки и великолепным знатоком его наследия – митрополитом Вениамином. Очень важным представляется также тот факт, что митрополит был лично знаком с отцом Иоанном и сослужил ему за Литургией.

Владыка Вениамин писал книгу «Небо на земле», будучи архиепископом. В этот сан он был возведен в 1932 году, а в 1938 году стал митрополитом.

Текст настоящего издания печатается в современной орфографии, с добавлением примечаний и недостающих ссылок на библейские и богослужебные источники.

К читателям

Читатель благочестивый! Богатое и привлекательное духовное сокровище предлагается тебе! Чтобы заинтересоваться этим, нужно просмотреть хотя одно оглавление мыслей приснопамятного угодника Божия, отца Иоанна Кронштадтского (Сергиева), о спасительной Литургии, избранных из его творений. Он сам назвал ее «Небом на земле». А что может быть для христианина дороже, важнее, блаженнее Неба?! В этом — сердце нашей жизни! Но именно ради этой важности предмета, а также вследствие великого обилия мыслей и глубокого содержания духовных переживаний Божия служителя, книгу эту подобает читать не только с обычным вниманием, но и с религиозным благоговением, с молитвой, перекрестясь. И должно прочитывать и перечитывать ее не один раз; тогда лишь можно усвоить все богатство его духовного опыта; тогда вполне откроется душеспасительная польза святых мыслей и чувств Батюшки.

При этом нужно знать, что в нашей литературе лучшего изъяснения духа и смысла Литургии нет вообще, а за границей — ничего нет подобного.

Особенно же книга дорога должна быть для всякого пастыря: ему самому откроется великое сокровище, а тогда он и другим может открыть его.

За молитвы праведника пастыря, отца Иоанна, да спасет и нас Господь на земле для Неба.

Архиепископ Вениамин

1. Великий служитель Литургии

Насколько нам известна история Церкви, даже в лице святых ее, — кажется, никогда не было такого восторженного совершителя и восхвалителя Божественной литургии, как Батюшка отец Иоанн Кронштадтский (Сергиев). Правда, мы знаем еще великого светильника и отца Церкви, святого Иоанна Златоуста, превозносившего высоту и величие Евхаристии; и сам он, устрешенный безмерным значением ее, даже убежал сначала от священства, написав потом другу своему, некоему Василию, знаменитые семь слов о священстве, где он объясняет и причину своего малодушия, и высоту Пренебесного Таинства¹. Но все же, кажется, и этот великий учитель Церкви едва ли восторгался Литургией, говорил о ней,

¹ Известен трактат святителя Иоанна Златоуста «Шесть слов о священстве», написанный после 376 г., когда св. Иоанн воспротивился принятию епископского сана. Сознвая ответственность священнического служения и считая себя недостойным занять этот высокий пост, он удалился в монастырь недалеко от Антиохии. Лишь в 386 г. св. Иоанн Златоуст был посвящен в пресвитерский сан. — *Ред.*

влек к ней собственным восхищением и словом более, — чем блаженный отец Иоанн. Он совершал ее ежедневно и часть своих дивных переживаний запечатлел в своем дневнике «Моя жизнь во Христе». Читая его, неотразимо увлекаешься подобными же чувствами почитания, сознания пользы и спасительности Литургии и желанием участия в ней. И особенно ценны и убедительны его мысли потому, что все они написаны им с собственного опыта, взяты из его живой «жизни во Христе». Это не надуманные советы проповедника, не холодные размышления богослова, а пережитые восторги тайнозрителя откровений пречудесных.

А так как Церковь наша приняла его творения к употреблению, почитанием же памяти отца Иоанна как праведника освятила его мысли и чувства, то должно считать, что его суждения и переживания — вполне истинны, православны, благодатны, церковны, а значит, и для нас — несомненны, авторитетны, бесспорны.

Наконец, важно и то, что он жил в наши дни: мы его еще видели сами, созерцали его служение, служили с ним, и своими очами видели, что все, написанное им, было действительно его жизнью, его слово было делом. И нам, современникам великого служителя, особенно и дорого, и ценно, и убедительно, и увлекательно, что такой пламень веры и восхищенного опыта был в наши дни маловерия, охлаждения, безбожия, даже богоборчества. Точно пророческая молния, в лице отца Иоанна указан нам путь исхо-

да из того мрака, который надвинулся на нашу Церковь и страну еще при жизни Батюшки, — это святая Литургия.

И понятным становится, почему в дни великого гнева Божия, еще при Патриархе Тихоне¹, в России умножились случаи частого причащения Святых Христовых Таин; раз в месяц, через две недели, а иные и еженедельно. Недавно же перед Московской Патриархией поставлен был вопрос даже о разрешении мирянам ежедневного причащения².

А епископы, в частности митрополит Петроградский Серафим (Чичагов)³, и сейчас убедительно зовут паству свою именно к Литургии и Причастию Святых Таин как верхнейшему и сильнейшему средству против духовного зла и натиска неверия на нашей родине.

Пока совершается Божественная, спасительная литургия, пока люди приступают к Божественному Причащению, дотоле можно быть уверенным, что устоит и победит Православная Церковь, что не погибнут во зле греха, безбо-

¹ Свт. Тихон, Патриарх Московский и всея Руси, исповедник (†1925), избран на Всероссийский Патриарший престол 5 (18) ноября 1917 г.; в 1922 г. арестован советской властью, находился под домашним арестом. Скончался 7 апреля 1925 г. Дни памяти святителя 25 марта (7 апреля) и 26 сентября (9 октября). — *Ред.*

² Ответ дан благоразумно осторожный: советуется приступать не так редко, как сложился прежний обычай, но и не чаще, чем через неделю, с достойным приготовлением, конечно, при условии одобрения духовника.

³ Сщмч. Серафим (Чичагов; †1937) был назначен управляющим Санкт-Петербургской епархией в 1928 г., в 1933 г. отправлен на покой. День памяти — 28 (11) ноября. — *Ред.*

жия, злобы, материализма, гордости и нечистоты — русские люди, что возродится и спасется и родина наша. Потому, — убеждает святитель и клириков, и паству, — паче всего думайте о хранении, совершении и непрерывном служении (ежедневном, даже многократном, на разных престолах) Литургии. Будет она, будет и Церковь, и Россия!¹

И точно, будто какую «новость» в этом призыве услышали мы «оттуда», из недр России... И даже странно показалось: а почему же мы, беженцы, так не думали и еще не думаем? Почему и сейчас и печать, и тайные думы говорят о разных путях спасения — только не об евхаристическом? Почему? Отчего?

Ответ и на это мы найдем дальше в словах отца Иоанна.

А теперь примем завет его, завет от опыта, и — голос современной Русской Церкви, тоже от живой жизни: главное спасение всех и всего в достойном совершении Литургии, в спасительном Причастии Святых Таин. Все остальное должно быть уже на втором месте. А «прочее», — земное, *приложится* (Ср.: Мф. 6, 33).

С этим мы и приступим к изложению мыслей и чувств Батюшки... Какое хорошее, родное, теплое это слово: «батюшка»... Свои переживания отец Иоанн записывал в форме отрывочных заметок, не связанных между собою, здесь же

¹ Кстати: митрополит Серафим был близким духовным учеником отца Иоанна; и несомненно, в данном совете его отразился дух Батюшки.

им придана система, порядок. Однако нередко мы увидим и повторение, и совмещение разных мыслей воедино. Но это лишь больше углубит в читателях мысли отца Иоанна; а плод их всегда будет одинаков: сознание величия, смысла, пользы и блаженства от Литургии.

2. Небесное служение

«**О** высота, о величие, о лепота¹ и сладость Божественной литургии! О богатство духа и блаженство наше! Во время Литургии Небо и земля сочетаются: Бог — с человеками; небесные Ангелы — с человеками земными; все лики святых праотцев, патриархов, пророков, апостолов, евангелистов, иерархов, мучеников, преподобных и всех святых! О, какой светлый, святейший, любвеобильный, небесный, прекрасный, блаженный союз! А мы, страстные, часто не замечаем, не видим сей благодати Божией — таких вышеестественных щедрот Великодаровитого Бога нашего! И уничижаем себя непрестанно житейскими страстями, отпадаем от такой высоты искупления своего, от такого блаженного вечного союза, от союза с Богом, с Богородицею, с Ангелами, со всеми святыми, со всеми верными на земле христианами! О, воспряни духом, возносись всякий день и час, сын Церкви Православной, и не пресмыкайся по земле умом и сердцем! Там твое отечество, твой вечный живот, там Отец будущего века и Творец видимого

¹ Благолепие, красота духовная.

и невидимого, предназначивший тебя для века бесконечного, а здесь только время и место твоего приготовления, твоей борьбы с грехом, твоих подвигов, искушений, терпения твоего».

«Чудная, величественная, Божественная на земле служба Литургия!»

«Превысочайшее и животворное служение Литургии Божественной... — служение на земле небесное, страшное и Ангелам, ибо во время Литургии священнодействуется и преподается в пищу и питье верующим Божественное Тело и Божественная Кровь Самого Бога».

«О, сколь величественна, свята, спасительна, вожделенна Литургия для христианина! Храм истинно делается Небом! Ибо Бог в Троице нисходит на святой животворящий престол каждый день и совершает величайшее чудо милосердия Своего, претворяя хлеб и вино в Пречистое Тело и Пречистую Кровь Сына Божия и удостаивая верующих причастия их».

«Литургия и вообще Богослужение нашей Православной Церкви, праздничное и буднее, особенно праздничное, — поставляют нас в **живейшую связь** с Главою Церкви, Господом Иисусом Христом и с Пречистою Владычицею Богородицею, с Небесными невестственными Силами ангельскими и со всеми святыми, коих мы непрестанно прославляем, благодарим, умоляем о заступлении, помиловании, помощи. Господь сказал: *Се, Аз с вами во вся дни до скончания века* (Мф. 28, 20). Присутствие своего Владыки и Бога мы **особенно ощущаем** в

Богослужении и преимущественно в Литургии, в которой мы существеннейшим образом соединяемся с Ним в Причащении Святых Его Таин».

«Дух Святой, Сын Божий Иисус Христос и Вина¹ и Источник Их Бог Отец так близки к нам, как ничто в мире: Они над нами, в нас и через всех нас², особенно во время Божественной литургии. Наипаче Дух Святой, щедрый в мир ради заслуг Господа Иисуса Христа, всегда с нами, особенно же во время совершения Литургии: как чистейший духовный воздух, как живительный свет и теплота, как елей, как пища и питье духовное, как очищение, как мир, святыня, благоухание, как любовь, как дерзновение и мужество, как сладостная надежда, как животворящая сила, самопомощь державная, как дыхание чистое, как аромат приятнейший, привлекающий всех к Себе и к тому, в ком Он находится, как сладость неизобразимая, чудно улаждающая все существо человека, как красота духовная, чудно украшающая душу и тело человека нетленным украшением! Вот какое сокровище благ духовных, какого Духа, Духа Творческого, Зиждителя и Святителя исходатайствовал нам Сын Божий Иисус Христос».

Читая эти последние слова, вспоминаешь и чудную беседу преподобного Серафима с Н.А. Мотовиловым о сущности христианства, или о Царствии Божием, которое заключается в

¹ Причина, исходное начало бытия, корень.

² То есть протекают все наше существо.

«стяжании благодати Святаго Духа»¹. И когда Мотовилов все же не понимал, что такое благодать, то по молитве преподобного Господь открыл это опытно: в виде просиявшего сильнее солнца лика отца Серафима, в восприятии сверхъестественной «теплоты», хотя тогда падал снег на них, в ощущении необыкновенной сладости и блаженства, которых так и не смог выразить собеседник, и наконец — в благоухании необычайнейшем, хотя кругом была мертвая зимняя природа. Отсюда, из такого единства духовных переживаний, мы обязаны сделать вывод не только о единстве источника их, то есть Святого Духа, но и о подобии духа отца Иоанна с преподобным Серафимом, а следовательно и об уподоблении ему в святости.

И несомненно все это ощущал Батюшка на собственном опыте, как он много раз писал в дневнике своем и других книжках: «Когда причащаюсь Святых Таин... тогда говорю тайно: “Господь во мне лично, Бог и Человек, ипостасно, существенно, непреложно, очистительно, освятительно, победотворно, обновительно, обожительно, чудотворно (что я и ощущаю в себе). Затем более ничего не прибавлю от себя”».

Поэтому понятно, как отец Иоанн в восторге восклицает: «Нет ничего выше и более Литургии — ни на Небе, ни на земле».

¹ См.: Беседа преподобного Серафима Саровского с Н.А. Мотовиловым «О цели христианской жизни» // Записки Н.А. Мотовилова, служки Божией Матери и преподобного Серафима. М., 2005. С. 197–246.

И сам он нередко после причащения даже незаметно ударял в ладоши, как пишет о том наблюдавший за ним его духовный ученик, ныне митрополит Серафим¹.

А между тем, так ли относятся люди к этому величайшему служению? Отец Иоанн знал это и скорбел и звал к перемене нашей хладности на пламень его веры.

«Что величественнее, трогательнее, животворнее на земле служения Литургии? Тут изображается и совершается величайшее Таинство... единения людей с Богом посредством вкушения Плоти и Крови Его. Это Таинство своим величием поражает ум, невольно влечет к благоговению, благодарению, славословию Божию всякого смыслящего христианина. Дело Божие, совершаемое Литургиею, превосходит своим величием все дела Божии, совершаемые в мире, и самое сотворение мира. Это истинно небесное служение Божие на земле, при котором быть разумно и достойно — есть блаженство, мир и отрада для души». Но «отчего же люди так часто бывают холодны к Литургии? — От недостатка рассуждения, от маловерия, неверия и от житейских страстей. Отчего любят более театр, нежели Церковь?..» В театре человек «забавляется собой и часто своими собственными пороками, рукоплещет им, одобряет их и щедро награжда-

¹ См.: *Еп. Серафим (Чичагов)*. Слово пред панихидою в сороковой день кончины отца Иоанна Кронштадтского // Святой праведный отец Иоанн Кронштадтский: Воспоминания самовидцев. М., 2004. С. 679.

ет мастерское изображение их. А для Литургии человек бывает в большинстве случаев неподготовлен, недостойн, чтобы жить ее жизнью, чувствовать ее величие и спасительность, проникаться ею, одухотворяться, обожаться: земной к земле и влечется. Но есть и люди, для которых Литургия есть все на свете».

И таким он прежде всего сам был. Про себя он и говорит, как будто о ком другом. И потому он говорит и не наговорится о сладости и красоте ее. «Вот зрелище Божественное — Литургия! Зрелище бесконечной любви, премудрости, всемогущества, правды, святости и обновления человеческого существа, растленного грехом; ощущение бесконечной сладости, красоты, света, блаженства, ибо в сем таинстве сокрыты для смыслящих и благочестивых бесконечная сладость, красота, свет, блаженство, святость, правда вечная, всемогущество, благодать и премудрость Божия: не насытится сладким и светлым созерцанием ум, восхищением и блаженством сердце при размышлении об этом таинстве беспредельной любви Божией к погибающему роду человеческому».

Остановимся на момент на приведенных восторгах: три раза подряд об одном и том же и в одних и тех же словах говорит в «восхищении» Батюшка о Литургии! Так может говорить лишь пылающее любовью сердце! И люди, любящие друг друга, часто повторяют одно и то же слово «люблю, люблю», — или другое что-либо подобное. И им не скучно, а радостно до забве-

ния. Они тоже «не насытятся», сколько бы разных слов ни говорили.

«А мы, — пишет, конечно, не о себе, а о нас отец Иоанн, — оставляем Церковь».

Но если кто и ходит в храм, так ли он чувствует себя, как должно, на Литургии? Не раз приходилось слышать, как христиане говорят: «Мне больше нравится всенощная, а не Литургия, полумрак храма, мерцающие лампы, какое-то мистическое настроение, все это трогает душу. А Литургия скучна для меня». Какая нищета религиозных чувств сказывается в таких речах! Какое непонимание самой вершины Богослужений наших, самой высоты христианства на земле! И отец Иоанн скорбел о таких «христианах».

«Какое счастье, блаженство нашей природы, приемлющей в себя Божество и человечество Христа Бога и соединяющейся с Ним!.. О, сколько благодеяний подается нам от Бога через Литургию! — Как же к ней христиане относятся? Большею частью с обыкновенной холодностью, невниманием, равнодушием. Причащаются Святых Таин весьма редко, как бы по необходимости и по заведенной привычке, раз в год¹. Чего же они лишают себя, какого Божественного сокровища бесценного, какого бессмертного, животворящего дарования Божия, какой помощи Божией! Вот отчего нет истинной жизни в христианах православных,

¹ Даже вошло в общее употребление холодное слово о причастии: «исполнить долг».

жизни по духу Христову. Вот почему умножились пороки и бедствия!»

Но Батюшка усмотрел духовную скудость даже и в тех, кто и чаще причащается. В частности, его огорчало равнодушное отношение к этому тех, кто часто приступает к Чаше, то есть **пастырей**. Но, не желая обличать их прямо, он обыкновенно говорил о том прикровенно, а иногда, впрочем, и открыто.

«Есть много причастников, которые причащаются Тела и Крови Христовых неискренно, не с великой любовью, а только **устами и чревом**, с холодностью, с сердцем, пристрастным к пище и питию, к деньгам или склонным к гордости, злобе, зависти, лени; они сердцем далече отстоят от Того, Кто весь есть любовь, святыня, совершенство, премудрость и доброта¹ неизреченная. Таковым нужно глубже входить в себя и глубокомысленнее размышлять о том, что есть молитва и что — причащение. Хладность сердца к Богу — от диавола; он есть хлад тартара, а мы, как чада Божии, возлюбим Господа горячайшею любовью. Даруй это, Господи, ибо без Тебя *не можем творити ничесоже* (Ср.: Ин. 15, 5)».

«Как мы измельчали, как осуетились! А все от чего? — От невнимания и нерадения о своем спасении, от пристрастия к временному, от слабой веры или неверия в вечность».

«Как мы всегда низки, земны, страстны, недостойны бываем Литургии, этой Пренебесной,

¹ Духовная красота, благодать (иногда говорят: «добротная» материя, ткань, — то есть прекрасного и прочного качества).

исполненной беспредельной любви Божией к людям, службы Божией! Мы и к Литургии приходим со своей рассеянностью, со своими страстями и мечтами земными, со своей нечистотою, своей суетностью и своими нарядами и житейскими расчетами, к коим прильнула наша душа. Внимай, душа христианская, что поется в начале Литургии: *Единородный Сыне и Слове Божий... изволивый спасения нашего ради воплотится*¹... Слышишь? Бог для тебя воплотился, сделался человеком... Ценишь ли, чувствуешь ли это? Возвышает ли тебя это?.. Отрывает ли от земли?.. Смотри, как снисходительно страшно, дивно, ужасно приближается к нам Царствие Божие. *Благословенно Царство Отца и Сына и Святаго Духа*². Чу! На земле Царство Божие... О радость, о восторг, о удивление!»

А мы?.. Нам «скучно»... Мы и в церкви ждем услады светским пением, театральными «концертами», забавы. Мы и храм превращаем в театр... Боже, помилуй нас!.. Но о чем это свидетельствует? Только о нашем упадке... От этого Господь ныне допускает разорять и храмы, и закрывать алтари Божии... Мы ранее этого закрыли для Бога сердца наши: холодность наша к Литургии есть страшный знак нашего омертвения. Так и Батюшка смотрел: «Литургия самый лучший пробный камень душевного нашего состояния — живы ли мы, или мертвы? Что

¹ Песнь Господу Иисусу Христу по окончании второго антифона.

² Начальный возглас священника, из последования Божественной литургии.

в нас гнездится? Какие страсти? Какие немощи душевные?» Короче: чем жива душа наша?

Отец Иоанн жил ею. И жил всецело. И если Литургия есть вершина христианства, — то он стоял на этой вершине. И потому, если бы мы ничего не знали об этом восхищенном слугителе Евхаристии, если бы мы не видели чудес его, если бы не слышали о его подвижнической жизни, если бы не созерцали его пламенной веры и огненного влияния на людей, и тогда одного лишь восторга его пред Литургией и постоянного пребывания в таком Божественном состоянии достаточно было бы для того, чтобы без колебаний почитать отца Иоанна блаженным, преподобным, святым...

И как ему хотелось этот восторг передать другим! Как он хотел, чтобы мир загорелся подобным же огнем! И потому он не насыщался благовестить о ней!

«О Литургия, святая, Божественная, премудрая, всесовершенная, всеочистительная, всеспасительная, всеосвятительная! Когда я изложу тебя с желанием крайним и радостью в сладких беседах с народом! Есть о чем в сладость и на радость всем верным побеседовать при изложении ее содержания и смысла!.. Чудна твоя сила, твое величие, твоя всеобъемлемость. Ты — хвала и слава Троице Всеблагой, Всесвятой, Единосущной и Нераздельной! Ты совокупление Неба и земли — Ангелов и человеков! Ты низводишь на землю непрестанно Бога воплотившегося и Духа Святого купно со Отцем соприисносущным! Ты

землю обращаешь в Небо! Ты — земных человек делаешь небесными! И сколько их соделала таковыми — нет числа! Во все прошедшие века и в текущие, — и соделает в грядущие!»

«Сколь возвышенна Литургия!.. Какой дух небесный! Какая широкая любовь к Богу и людям! Какое небесное сердце! Дажь мне, Господи, дух небесный, сердце чистое, любвеобильное, не связанное никакими житейскими похотями и страстями: ибо *никто из связавшихся житейскими похотьми и сластьми не может приходить или приближаться, или служить Тебе, Царю славы!*¹ Даруй, Господи! Вся земля, со всеми ее сокровищами, красотами, сладостями — н и ч т о пред таким Таинством, как Пречистое Тело и Кровь Господа, как священнодействие Литургии!»

...Вот и сейчас пишешь или читаешь эти падающие со стола его восхищения крохи, — и трудно остановиться: как стремительный водоворот, восхищенный дух отца Иоанна увлекает и наши хладные души! А как он увлекал тысячи и десятки тысяч зревших его на Литургии и молитве, — об этом не только слышали мы, но и видели воочию. Свидетели еще живы по всему свету. Потому и ты, читатель, не посетуй: любовь никогда не знает меры. А лучше загорись, вдохновись, восхитись, улети и ты на высоту с этим орлом небесным.

«Священник! Ты должен быть, как орел высокопарный, дальновидный, сильный, быстродвижимый», — говорит он сам, — конечно,

¹ Тайные молитвы во время Херувимской песни.

судя по себе... В крайнем случае хоть пожелай этого. Согрейся в сердце. Потянись к этому... Попробуй... Потрудись.

Приходится видеть иногда, как высоко-высоко летают дикие, привольные птицы с охладевшего севера на теплый цветущий юг... Быстро летят... Стройным треугольником... И как-то с силою, точно зовут за собой, кричат...

А на земле — «домашние» их сородичи, стоят ожиревшие, лениво поглядывая вверх, но уже разбуженные знакомыми родными звуками... И вдруг в них просыпается забытая воля к свободе, любовь к полету: и они начинают бить крыльями, пытаясь даже лететь за теми... Пробуют подняться. И тоже закричать громко... Но скоро спустятся, впрочем: сил еще нет... А летать могли бы...

Вольные же птицы были уже далеко. И издали едва слышался зовущий, победный клич их!..

3. Райское жительство

В чем же сущность, главное содержание, основной смысл, эта преестественная сила Литургии, так увлекавшая отца Иоанна? Откуда у него такое восхищение? Где ее центр, средоточие, суть? О чем именно хотелось ему самому «в сладость и на радость» рассказать всему миру? А ему очень хотелось это, так как волны благодати переливались из него через край. Он чувствовал не только долг, но и потребность говорить об этом, писать, благовествовать.

«Священник, — пишет он с себя, — неизреченными щедротами Христа Бога сподобляется целого моря благодати Божией чрез частое приобщение Святых Таин Тела и Крови Христовых... А от него должны все в изобилии почерпать благодать Христову. И он должен всеми мерами заботиться разливать ее шире и шире, а не удерживать ее только в себе. Тем более не должен злоупотреблять ею сам — своею недостойною жизнью или молчанием... *Горе мне, аще не благовествую* (1 Кор. 9, 16), говорит Апостол. Он должен жить достойно таковой благодати, умножать ее, как талант, данный Богом во спасение и блаженство его и людей Божиих и во славу Божию. В противном случае, он не только может лишиться ее, но и быть тяжко осужденным»...

Что же видел отец Иоанн в Литургии? Мы нередко смотрим на Богослужение с точки зрения прежде всего прошений у Бога разных благ, утешения в разных нуждах. Не так чувствуют истинные молитвенники вообще на молитве, а тем более во время Литургии. Не таков был и отец Иоанн.

«Богослужение есть райское жительство...» Но разве в раю просят? Нет, там наслаждаются, благодарят и славословят. А если и просят, то только о нас, земных, — и то о спасении нашем, по любви к Богу и к нам. Так мыслил и Батюшка о всем вообще Богослужении как о блаженной любви и славе. «Молитва есть постоянное благодарственное настроение», — говорил он.

«Богослужение есть пребывание с Богом и святыми, чистое, любовное, ничем не развлекаемое с Ними собеседование, посильное благодарение и славословие бренными устами Господа и предначатие вечного славословия с Ангелами устами духовными в преображенном теле славном, прославление святых угодников Божиих, училище благочестия всякой добродетели, принятие высшей благодати в молитве и в Таинствах, и самое срастворение с Богом и обожение».

«Богослужение по духу и составу своему есть жертва любви, хвалы и благодарения Господу... Дивный дух Богослужения нашей Церкви! Широкий и высокий полет дает оно душам христианским». И это понятно, если не упускать из сознания и сердца, что сделал для нас Бог, — в особенности даровав нам Сына Своего, Спасителя миру... Уже сделал... Остается лишь воспринимать и благодарить. И все Богослужение наше прежде всего проникнуто этим духом хвалы Троице и Спасителю... «В Богослужении проводится главным образом та мысль, что Бог в Троице есть и Творец, и Промыслитель мира, и что Христос — наш Искупитель, Спаситель, Помазанник, Царь и Судия всего человеческого рода, Которого мы должны благодарить, прославлять, просить о своих нуждах, Коему должны всегда каяться во грехах, Коего должны умолять Жертвою бескровною (принесением Тела и Крови Иисуса Христа), Коим должны освящаться, утверждаться и от Коего должны ожидать вечной жизни».

Здесь указываются и иные переживания на молитве, но главное и первое — благодарение. Правда, в других случаях отец Иоанн говорит и о покаянном характере православного Богослужения, но это касается преимущественно будничного круга, и притом — вечерни и утрени. Что же касается Литургии, то основной дух ее несомненно прежде всего хвалебный. «Служба Православной Церкви есть торжественный гимн Господу Богу Спасителю, Победителю греха и смерти, Подателю святости, воскресения, жизни и бессмертия. Всякое Богослужение есть торжество благодати... торжество обожения человек, через воплотившего Сына Божия, чрез Таинства, дарованные Им Своей Церкви Православной».

Но спасение, совершенное Искупителем однажды, теперь повторяется на каждой Литургии, а потому она есть одновременно и искупительная и благодарственная Жертва — Жертва любви Бога к человеку и — ответной любви человека к Богу Спасителю.

«Что такое Престол? — Это Божественная Голгофа, на которой распят и умер за грехи мира Агнец Божий».

«Где я стою? — спрашивает он себя самого. — На небеси... Что вижу пред собою? — Престол Божий. Где я стою? Не на Голгофе ли? Ибо вижу пред собою Распятого за грехи Сына Божия. Где я стою? Не в Сионской ли горнице с апостолами Спасителя моего? Ибо вижу пред собою совершающуюся Тайную Вечерю, слышу таинственные,

проникнутые безмерной любовью к погибающему миру слова: *примите, ядите: сие есть Тело Мое* (Мф. 26, 26) и *пейте от нея вси, сия есть Кровь Моя Нового Завета* (Мф. 26, 27–28)¹ и прочее. Вижу, вкушаю и осязаю Самого Божественного Спасителя моего в чудных Его Тайнах».

«Таинство искупления, — таинственно достопочтимейшее, приснопамятное, таинство благодати бесконечной, снисхождения безмерного, премудрости неисчетной, могущества необъятного. Вот какое Таинство воспоминается на Литургии!» Мало того — то есть не только «воспоминается»², — оно как бы повторяется каждый день, потому что совершается ежедневно Великое, Спасительное, Пренебесное и Страшное Таинство — Пречистого Тела и Крови Господней. *Присно закалается за нас Агнец Божий, освящаяй причащающихся*³. Слава милосердию Твоему, Господи!

И потому становится понятным сильное, но истинное выражение отца Иоанна, в согласии с верованием Церкви, что Литургию, как Жертву искупления, и доселе совершает собственно не священнослужитель, а Сам Сын Божий как *Единый Посредник*:

«Сколь Пренебесна, свята, Божественна, благодотворна, всемогуща, вседейственна Литургия!

¹ Анафора (евхаристическая молитва) св. Иоанна Златоуста.

² «Воспоминают» и лютеране и сектанты, но они не верят повторению, совершению Жертвы, вопреки явным словам Господа: *ядите, сие есть Тело, сия есть Кровь Моя*.

³ Тропарь 1-й, песнь 9-я, канон ко Святому Причащению. Ср.: Евр. 9, 28.

В ней Сам Агнец Божий ходатайствует за всех, Единственный *Ходатай Бога и человеков, Человек Христос Иисус* (1 Тим. 2, 5). По Его благодати ходатайствуют за нас Божия Матерь и все святые, которых мы благодарно и благоговейно воспоминаем на ней по нескольку раз». Так же и в тайной молитве во время «Херувимской» Иисус Христос называется *Архиереем*, Который есть и *приносяй* (приносящий Себя Самого), и *приносимый*. А священник лишь слуга при этом, или по-славянски *отрок*¹.

Отец Иоанн подметил это ходатайство Сына Божия от лица мира даже в молитве Господней «Отче наш», читаемой после Евхаристии, то есть после Его Жертвы: «Сам Богочеловек в ней за нас молится Отцу Небесному». Эту дивную истину Батюшка узрел в словах «наш», «нас»: в них Сын Божий объединяет Себя с искупленными Им людьми, «братиями». Какое глубокое всюду зрение!.. Так отец Иоанн прежде всего видит в Литургии повторяющуюся искупительную Жертву. И об этом он постоянно и нам напоминает, и сам живет этими чувствами.

Но вместе с тем он смотрит на нее одновременно и как на благодарственную, хвалебную жертву со стороны человека.

«Величие, святость, животворность, безмерная обширность страшной Жертвы Христовой открывается уже... на проскомидии, на которой

¹ *К Тебе бо прихожду, приклонь мою вью, и молю Ти ся, да не обратиши лица Твоего от мене, ниже отринеши мене от отрок Твоих* (из тайной молитвы во время Херувимской песни).

приготавливается вещество Таинства Евхаристии, — хлеб и вино, или Агнец Божий, *присно закаляющийся* за грехи всего мира и в благодарственную жертву за всех святых», — в честь коих изымаются частицы из просфор и полагаются возле Агнчей части... искупительная жертва будет совершаться и о них, то есть в благодарность Богу за них, как искупленных уже от земли и совершенных Крестною Жертвою Христовою, и радующихся в Церкви Небесной, торжествующей. Чудная Жертва!.. Истинно Божественная Жертва!.. А мы, иереи, так вообще плотоугодливы, ленивы, грешны, нечисты, пристрастны к земному, тленному!»

«Богослужение есть словесная жертва человека, существа словесного, Богу Создателю своему... жертва приятнейшая Богу — более всех других жертв». Богослужение есть взаимослужение Бога человекам и человек Богу, или сердечный, благодарный, благоговейный отклик человека на любовь, правду, силу. «Это служение Бога человекам совершается особенно в Божественной литургии, ибо в лице иерея или архиерея служит во время Литургии Сам Христос Бог, единый вечный Первосвященник».

«Священник во время Богослужения бывает не только как слуга Божий, но больше — как друг Божий, предстоящий пред Ним в качестве ходатая за народ Божий и совершителя Пренебесных, Пречистых, Животворящих Его Таин, в которых заключается все сокровище любви Божией к роду человеческому».

Больше, величественнее, страшнее: «Его служение ангельское! Он — посредник между Богом и людьми, близкий друг Его... Это — как бы бог для людей, со властью вязать и решить грехи человеков, священнодействовать для них Животворящие и Страшные Тайны, обожаться ими и других обожать через них». Что же можно сказать больше этого о священнике? Он — «бог для людей». И потому священник должен быть на уровне «высокого звания» своего, — прежде всего в любви.

«Он, священник, славословит Бога и благодарит Бога от лица всех верных и вместе с верными».

Об этой стороне Литургии как благодарственной хвалебной жертве отец Иоанн говорит сравнительно меньше, чем об умилолюбивительной, искупительной силе ее. Но если мы припомним те восторженные состояния, — коих уже и не знает как бы выразить восхищенный Батюшка, — то нам ясно станет, что и сам он жил радостью хвалы, восторгом благодарности, восхищением славы и славословия, которые заполняют, заливают главную часть Литургии, — особенно самый центр ее — евхаристический канон; там, от слов *Милость мира, жертву хваления* (будем приносить) и до возгласа *И даждь нам, Владыко, единеми усты и едином сердцем славити и воспевати пречестное и великолепное имя Твое, Отца и Сына и Святаго Духа*, — все полно по преимуществу — славословия, благодарения... И потому самое слово «Евхаристия»

означает не что иное, как именно «благодарение».

И в чувствах, в переживаниях отца Иоанна это именно чувства хвалы, благодарности, восторга, трепетного восхищения преобладают перед ходатайствами, прошениями, умилоствлением... Так и должно быть у истинного совершителя «Евхаристии»... Литургия есть благодарение за искупление, хвалебная жертва (*жертва хваления*) за умилоствительную Жертву искупления. Так все сливается воедино. Но над всем поднимается и у отца Иоанна дух чрезвычайно торжества, радости. И эти чувства восторженного блаженства составляли основное содержание души его в Литургии. Они ему были дороже всего. Они заполняют его сердце. Эта жизнь небесная еще здесь — ангелоподобное состояние горнего мира, живущего восторгом хвалы. Это воистину Небо на земле.

4. Брак Агнца

Те же переживания выражаются им и в наименовании Литургии — «вечерею любви», — то есть пиром Божией любви, или *браком Агнчим* (Ср.: Откр. 19, 7), а брак обычно считается высшим весельем на земле, с ним сравнивается пренебесное общение душ с Богом.

Когда читаешь его излияния, то поражаешься его постоянными гимнами любви.

Он плавал в ней, переполнялся, погружался, пресыщался.

Так ярко ощущал он и любовь Бога к человеку, и ответную любовь человека к Богу, и любовь людей друг к другу...

Что это значит? Это и есть основное переживание — на «пире любви, на *браке Агнца*». Это уже не ходатайство, не прошение, а восторг общения с Богом! Это даже не благодарность холодная, а восхищенное единение Бога с людьми. Впрочем, можно сказать, что именно в этом чувстве любви ярче всего выражается дух Евхаристии, дух благодарения, хвалебного восторга, и им жил отец Иоанн в высочайшем напряжении. Но послушаем лучше его самого.

«Чудная, величественная, Божественная на земле служба — Литургия. Это воспоминательное и совершительное, таинственное Господу Богу служение. В ней принимают участие не одни земные священно- и церковнослужители и миряне, но и Небесные чины ангельские и все святые Божии угодники, живущие на Небесах. И приемлют от нее пользу и умершие наши, или “преисподние”... Потому Литургию должно совершать с особенным вниманием, благоговением, любовью и благодарением Господу, установившему и учредившему на земле такое общее согласное всеспасительное служение».

«Дóлжно», — говорит Батюшка, но у него это было и делом. «Меня умиляет мысль о единстве Церкви небесной и земной». «О Литургия чудная, о Литургия всемирная, Литургия Божественная и Боготворящая. О, знамение и показание Божией

безмерной любви к миру грешному, погибающему во грехах».

«Что значит Богослужение и для чего оно? Что значит служить Богу? — Значит, обращаться и прилепляться образу (человеку) к Первообразу (Богу)... Служить Богу значит причащаться святости и правды Его, а Бог есть любовь и благодать бесчисленная... Служить Богу есть блаженство всякого человека».

«В чем секрет и сила нашего общественно-го Богослужения? — задает он сам вопрос. — В том, чтобы молящиеся — и пастыри и церковнослужители, возвышались всегда до идеала христианской молитвы: молитвы горячей, всех объемлющей любви; чтобы молящиеся горели любовью к Богу Триипостасному, Богоматери, ко всем Силам ангельским, ко всем Силам, на Небеси со Христом царствующим, чтобы были в искреннем, молитвенном общении с ними, чтобы человек познал и возлюбил первоначальную и первообразную красоту образа Божия в человеке».

И эта одна мысль об общении всех в единстве любви и утешала его, и приводила его в радостный восторг. И понятно: любовь всегда такова, любовь есть блаженство общения.

«Какая отрадная, оживляющая сердце мысль, если представить, что все православные христиане составляют одно духовное Царство Божие, как сыны Царства, одну Церковь Божию, одно тело, один дух, одну виноградную лозу со множеством гроздий, что во всех царствует Бог во

Христе Иисусе и во всех живет Дух Божий... О, если бы во всех царствовал Бог!.. Какое было бы восхитительное зрелище на земле! Как бы все были благополучны и довольны! Надо усердно молиться об этом, особенно за Литургией. Чудна, Божественна Литургия Православной Церкви по той широкой любви, которую она объемлет весь мир! Не только земной, но и небесный».

«Мысль, что все верующие на земле — пастыри и паства, и на Небе святые Божии угодники, начиная с Божией Матери, есть едина Церковь, единый дом Божий, одно тело, коего Глава Сам Господь Иисус Христос, а душа — Сам Дух Святой», эта глубокая и утешительная истина «может и должна иметь весьма благотворное и спасительное действие на состояние духа христианина... Живое убеждение, что я, — говорит и о себе отец Иоанн, — член Церкви, служит для меня величайшим утешением, ободряет, подкрепляет в скорбные часы жизни... Что этого дороже, важнее, выше, славнее? Поистине — ничто».

И особенно ярко и сильно это всеобщее единение в Боге ощущал он именно за Литургией вообще, и за Евхаристией по преимуществу. Вера в Воплотившуюся и Распявшуюся Любовь приводила его в изумление и восторг. Зрение, что Господь здесь, что Он преподается и ему, и всем в Своем Телe и Крови, восхищало его непомерною близостью и теснотою общения с Ним, а через Него и со всем миром — небесным и земным.

«Изумляюсь пред величиим Жертвы Тела и Крови Христовых, пред ее святынею, премудростию, всеобъемлемостию, пред безмерною любовью, в ней сокрытою, пред ее искупительною силою... пред ее боготворящею нас, смертных, силою Божиею, пред ее чудесностию! О Господи Иисусе Христе! Ты весь тут! Тебя видим, осязаем, ощущаем, чувствуем тут».

«Какая любовь к нам, грешным, ежедневно проявляется в Литургии! Какая близость Божия к нам! Вот Он — тут на престоле ежедневно, существенно всем Божеством и человечеством предлагается и вкушается верными, или вносится иереем в дома верных и предлагается болящим. Какое чудное общение, какое растворение Божества с нашим падшим, немощным, греховным человечеством, но не с грехом, который сожигается огнем благодати. Какое счастье, блаженство нашей природы, приемлющей в себя Божество и человечество Христа Бога и соединяющейся с Ним!»

«В словах: *примите, ядите: сие есть Тело Мое* (Мф. 26, 26) *и пейте от нея вси, сия есть Кровь Моя* (Мф. 26, 27–28)¹ — бездна любви Божества к роду человеческому! Есть о чем подумать всякому, беспристрастно углубляющемуся в судьбы Божии касательно рода человеческого и в себя самого. Священный трепет пробегает по всем членам, по всему существу всякого непредубежденного, *не связанного* житейскими *похотьми и сластьми* человека, ког-

¹ Анафора (евхаристическая молитва) св. Иоанна Златоуста.

да сердечным ухом слушает он сии слова из уст священнослужителя». И прежде всех сам он трепетал от восторга: «О любовь совершеннейшая! Любовь всеобъемлющая! Любовь крепчайшая! Что мы приносим в благодарность Богу за эту любовь к нам?..»

За любовь — любовь требуется. Об этом Батюшка постоянно и твердит всем, и особенно священникам. Этим наполнены его дневники и мысли о Богослужении, и об отсутствии ее он чрезмерно скорбит. Священник — как Моисей пред Богом, в такой близости и доверии у Бога. Как же миряне должны чтить священника, дорожить им, любить его, беречь его! Но и как священник должен вести себя: как праведно, свято, осмотрительно, мудро, трезвенно, кротко! *Моисей был кроток, паче всех человек* (Чис. 12, 3)!

«Священнику прежде всего и более всего нужно стяжать благодатию Божиею необходимый духовный элемент — любовь евангельскую: она нужна ему каждую минуту, каждое мгновение... Но особенно нужна ему любовь при совершении Божественной литургии, которая вся есть Таинство бесконечной, Божественной любви к роду человеческому. В этом Таинстве, Таинстве Евхаристии или Причащения Тела и Крови Христовых, Божественная любовь явилась во всей своей бессмертности, ибо Господь Иисус Христос всего Себя истощил для нашего спасения. Сам Себя дав в пищу и питье... Во время Литургии священник весь должен быть объ-

ят любовь к Богу и ближним, искупленным и соискупленным Кровию Христовою. И в нем не должно быть никогда ни тени гнева и огорчения на кого-либо или пристрастия к чему-либо земному — к пище ли, одежде ли, украшению ли, отличию ли служебному, к лицу ли какому. Он всегда должен быть горный, Божий, святой! Да будет так!»

«Великий ты должен быть человек, о иерей, никак не малый и никак не низкий! Священнику, как служителю Бога любви и мира, милосердия и долготерпения, как совершителю Пренебесных Животворящих Таин, как пастырю и учителю людей Божиих, достояния Божия нужно иметь *никогда не отпадающую любовь* (Ср.: 1 Кор. 13, 8): она должна быть, так сказать, его существом, его стихией, чтобы все совершать с любовью горящей... О иерей! Проси неотступно у Бога этой любви. Отсекай страсти, убивающие любовь: самолюбие, сластолюбие, плотоугодие, корыстолюбие, честолюбие, своенравие, леность, нерадение, лицепрятие!»

Но не одному иерею, и всем должно гореть любовь к Богу и друг другу.

«Пред совершением и во время совершения Литургии нужно всегда иметь цельное о ней, ясное и раздельное представление; особенно же — чистое сердце, исполненное любви ко всем нелицемерной, всеобъемлющей, наипаче же — любви к Богу Всетворцу, Промыслителю, Искупителю. Крайне нужно опасаться земного пристрастия, неприязни, озлобления, корысто-

любия, сластолюбия и славолубия». Но к сожалению, не всегда так бывает на деле, даже у стоящих на Литургии:

«На трапезе любви бываем у Самой Воплощенной Любви; а любви не имеем друг ко другу. Страшное дело! И заботы о сем нет! А сама любовь без нашего усердия и деятельности не придет».

Что же она такое? Суть ее восторг от блаженного общения с Богом, а чрез Бога — и друг с другом. Это и есть *брак Агнца* (Ср.: Откр. 19, 7), сочетание — или «сочленение», как говорит отец Иоанн. А в других местах он называет «обручением», или даже «сопряжением».

«Что такое Литургия? Божественная вечеря, *брак Агнца*, на котором Агнец Божий соединяется с душами верующих... Священник — как Моисей, предстоящий Господу, беседующий с Ним, как с другом, и совершающий страшную Тайну примирения людей с Богом, приносящий умиловительную и очистительную бескровную жертву о своих грехах и о людских невежествах» (Ср.: Евр. 9, 7).

Литургия есть вечеря, трапеза любви Божией к роду человеческому. Около Агнца Божия все собираются на дискосе — живые и умершие, святые и грешные, Церковь торжествующая и воинствующая.

«Божественная литургия есть непрестанное и величайшее чудо в благодатном Царстве Божиим; есть, так сказать, непрестанное заклание Божия Агнца и изливание Его Крови

Пречистой, воспоминание Его искупительных Страданий, Смерти, Воскресения, Вознесения и Второго Его Пришествия».

«Он *единою Себе принес* Богу и Отцу за весь мир, *присно закалается и освящает причащающихся*; есть непрестанно продолжающаяся и до конца мира продолжаться имеющая Жертва Богочеловека Христа Своему Отцу за нас, грешных... чтобы все верные могли спастись и все грешники нераскаянные были безответны».

«В храме, особенно в храме, происходит сопряжение душ верующих, ищущих Бога, с Своим Первоначалом и Создателем; — особенно — во время Литургии и Причащения Святых Таин — их любезное благоговейное разглагольствие с Ним, их благодарение и славословие, их обручение с Богом».

И этими чувствами восторженной любви, восхищенного благодатного общения с Богом и людьми и жил отец Иоанн за Литургией. Поэтому без всякого сомнения должно сказать, что главным настроением его было восхваление, благодарение, славословие за сверхъестественное блаженство. Литургия для него — духовный, блаженный брак любви с Богом и людьми.

И потому становится совершенно понятным, что Батюшка не чувствовал нужды в браке телесном, прожив с супругой всю жизнь как с сестрой.

Он весь отдался Богу, а в Боге — и людям.

Он думал только «о едином теле Церкви и ее священном сочленении — небесном и земном, тор-

жествующем и воинствующем, о молитве друг за друга», «особенно о любви и милосердии», о ходатайстве «за живых и умерших, о пролитии за всех Крови Агнца Божия Господа Иисуса Христа — за живых и умерших, и о бесконечной силе Жертвы Крестной, ходатайственной, умиловительной и благодарственной. О, какие чудесные вещи и дела открывает нам ежедневно Церковь!» Все Богослужение, а в особенности Литургия, «есть выражение словесными существами пред Высочайшим Существом — своего благоговения, удивления, благодарности, страха, любви, славословия и различных нужд своих, с молением об удовлетворении их. Богослужение Православной Церкви собственно есть благоговейнейшее прославление Творца, Промыслителя и Спасителя с воспоминанием чудных дел Его в благобытие и спасение наше... изъявление всесердечной благодарности за бесчисленные благодеяния, особенно за спасение во Христе от греха, проклятия и смерти... Поэтому не любить Богослужения нельзя, как нельзя не любить себя. И все, искренно относящиеся к себе, к своей душе и к своей плоти, от всей души любят Богослужение и любят бывать при нем».

И как не любить бывать в Царстве Любви?!

5. Чаша Жизни

Но кроме этого он видел, чувствовал, испытывал великое многообразие и других благодеяний от совершения Литургии. Мы, земные,

душевные, обычно и везде ищем каких-либо «благ», «даров», пользы себе. Но святые люди обо всем забывали, кроме *единого на потребу* (Лк. 10, 42) — жизни в Боге, любви к Нему и Его к нам. И в этом состояла жизнь души их, здесь уже была «награда» и «дары»... Мир небесный живет любовью; и земные святые дышат ею же.

Поэтому и для отца Иоанна самое совершение Богослужения, переживания общения с Богом были уже величайшим благом. «Служить Богу — блаженство само по себе», — говорит он. Если бы кто задал вопрос Батюшке: какая «польза» от Литургии? — он, вероятно, с недоумением, а может быть, и с грустью посмотрел бы на него... Если ни на Небе, ни на земле нет ничего выше, лучше, блаженнее, то о какой пользе, о каких плодах можно еще говорить! Уже все дано... «Высочайшая награда для христианина, особенно для священника, — Бог в сердце. Он — наша жизнь, наша слава, наше украшение и благолепие. Он — свет, сила, очищение, обновление». Он — все.

Все прочее — лишь проявление, раскрытие этого основного блага — общения с Богом. И отец Иоанн говорит о частных дарах Евхаристии. Но самое главное уже сказано было, когда мы слушали его восторги от служения и речи о любви.

Действия или плоды Литургии обширны и многообразны.

«Божественная служба, — пишет отец Иоанн, — при всех борениях наших с грехами и противными злобными силами, удивитель-

но обновляет, укрепляет, очищает, ободряет, и она есть для меня величайшее благо в жизни. Благодарю за сие Господа. Бесценное благо дано мне от Господа в Богослужении. В нем вся жизнь нашей души, все сокровище. Тут ее родина, ее жизнь, ее святыня, ее воспитание, врачевание, пища и питье; ее сила, ее слава».

Так говорит Батюшка вообще о Богослужении. Так же, и еще более свидетельствует он о Литургии.

«В совершении Литургии я сподобляюсь бесчисленных милостей от Господа. И не я один, а все люди православные, весь мир, по милости и беспредельной силе Бескровной Жертвы, приносимой на Святом Престоле». Каковы же эти милости? Отец Иоанн часто перечисляет их в сжатой речи, но в сильных словах, которые точно искры вылетают из его пламенно горящего сердца, из богатого опыта. И мы уже сами постараемся потом расчленить более важные его переживания и сначала послушаем общий поток его мыслей.

«Вижу, вкушаю и осязаю Самого Божественного Спасителя моего в чудных Его Тайнах. Ощущаю Его во мне действия: действия мира, очищения, освящения, оживотворения, просвещения, обновления — ибо они обновляют всякого искренно причащающегося».

«Литургия — таинство очищения, освящения, просвещения, возрождения, оживотворения человека для жизни вечной, таинство любви Божественной, таинство возвеличения, обоже-

ния обесчещенного, униженного, погибшего в грехах человека».

«Это — истинно небесное служение Божие на земле, при котором быть... блаженство, мир и отрада для души! Оно питает ум, веселит сердце, вызывает слезы умиления, благоговения, благодарности, подвизает к самоотверженным подвигам любви, веселит надеждами воскресения и бессмертия».

«В принятии Христа с верою внутрь себя — очищение, освящение, избавление наше от грехов и врагов наших, обновление наше, сила наша, утверждение сердца нашего, мир наш, свобода наша, слава наша, жизнь и бессмертие наше. О, сколько благодеяний подается нам от Бога чрез Литургию!»

«Как приблизился к нам Господь чрез воплощение! Его мы вкушаем, пьем, Им дышим, в Него одеваемся. О, какое чудное одеяние, прекрасное, нетленное, премирное, сладостное, светлое, теплое, укрепляющее душу!»

«В Литургии наша сила против сильных врагов, победа над ними, побеждающими нас нередко страстями нашими, очищение наших нечистот, свет наших душ, святыня, слава наша, надежда наша, утверждение наше».

«Человек непрестанно восстанавливается, обновляется, спасается Пречистым Телом Христовым, обожается». «Обожается». Как? Через единение с Богом.

«Какое величие христианина и наипаче христианского священника: он — едино со

Христом и Спасителем Богом, чрез Святые Тайны».

«Плоды его (Таинства) — святыня, нетление и жизнь вечная».

Таковы многочисленные действия Святого Причащения. Не будем их ни разъяснять, ни повторять. Внимательная душа пусть вникнет в каждое слово Батюшки: там таится целый сад благоуханных цветов, отблески разноцветных камней, фонтан горящих искр, глубина и богатство множества переживаний. Что ни слово, то сила живой жизни.

Но из всех этих переживаний, и именно у отца Иоанна, — должно отметить и особенно одно, которое он сам называет «обновлением» или «оживотворением», или проще «Жизнью».

«Я умираю, — пишет он в дневнике, — когда не служу Литургии». И наоборот, он «оживает», когда совершает ее.

«Из постоянного чуда пресуществления хлеба и вина в Истинное Тело и Кровь Христовы, с Его Божеством и душою соединенные, я вижу чудо постоянного оживотворения человека Божественным дыханием и сотворения его в *душу живу*. И бысть, — сказано, — человек в *душу живу* (Быт. 2, 7). А на Святой Трапезе хлеб и вино по пресуществлении становятся не только в *душу живу*, но и в *дух животворящ* (Ср.: 1 Кор. 15, 45). И это все — на моих глазах; и я это испытываю душою и телом, ощущаю живо. Боже мой! Какие Страшные Таинства Ты творишь! Каких неизглаголаных Таин Ты сделал меня зрителем

и причастником. Слава Тебе, Творче мой! Слава Тебе, Творче Тела и Крови Христовых!»

И еще говорит:

«Все любим жизнь. Но в нас нет истинной жизни без источника жизни — Иисуса Христа. Литургия есть сокровищница, источник истинной жизни; потому что в ней Сам Господь. Владыка жизни преподает Себя Самого в пищу и питье верующим в Него и в избытке дает жизнь причастникам Своим, как Сам говорит: *ядый Мою Плоть и пияй Мою Кровь иматъ живот вечный* (Ин. 6, 54). *Аз приидох, да живот имут и лишше* (больше) *имут* (Ин. 10, 10)».

«Литургия — *дух и живот* (Ин. 6, 63)». «Человек непрестанно восстанавливается, обновляется, спасается Пречистым Телом и Кровию Христовыми».

«Но виновник греха и смерти диавол всеми адскими кознями своими старается отвращать христиан от Чаши Жизни, наводя на них маловерие, холодность и нерадение к этому величайшему Таинству христианской веры, чтобы держать людей в узах греха и смерти».

«Вот отчего нет истинной жизни в христианах православных, жизни по духу Христову!»

Что значат все эти излияния его собственной жизни, личного опыта, «непрестанно» им переживаемого? — Что это за «оживотворение»?

Да, именно, буквально так и должно понимать. Кто не переживал этого, тот может в какой-то мере понять от обратного: представим себе «жизнь» человека в скуке, унынии, скорби,

бессмыслии, одеревенении, беспокойстве, мучении, отчаянии... О таком «живом» человеке можно сказать, что он — «живой труп», а духовное его состояние — «мертвечина». «Смысла жить нет», — говорят. Впрочем, удовлетворение греховных страстей может обычно представляться «жизнью», даже «захватывающею». Да! Но это только видимость и соблазнительная приманка, «прелесть», обман. В самом же деле грехи «растлевают» душу, вносят внутрь ее «тлен», мертвость, разрушение, смерть духовную. Это мы все по опыту знаем.

«В мире вы питаетесь постоянно, — говорит Батюшка, — только тлением: ваше зрение, ваш слух, ваше обоняние, осязание, разум, память, представление, воображение, все чувства питаются тлением. В Церкви все — нетленно: красота нетленная, вечная, сладость нетленная, богатство нетленное, слава нетленная. Мирская же, плотская красота, сладость, слава, богатство подвержены тлению, исчезновению, да они и обманчивы, прелестны, греховны».

Теперь заключайте и о противоположном: там воистину жизнь — подлинная удовлетворяющая, радующая, именно... «животворящая». Человек точно из мертвых воскресает. Оживает.

Трудно все это передавать не опытному, а вот для опытного отца Иоанна это было «постоянною очевидностью». Это — предначатие вечной, Божией жизни.

Тако бо возлюби Бог мир, яко и Сына Своего Единороднаго дал есть, да всяк верующий в Него

не погибнет, но имат живот вечный (Ин. 3, 16). «И я многогрешный, — смиренно пишет о себе Батюшка, — обязан всеми днями моей благополучной жизни только Литургии, ходатайствующей ежедневно и о мне *воздыханиями неизглаголанными Духа Святаго* (Ср.: Рим. 8, 26). Аминь!», то есть истинно так.

Еще иначе можно сказать, что жизнь — в благодати Божией. Для святых благодать была всем. «Ищи и ты, человек, — говорит отец Иоанн, — паче всякого сокровища благодати Божией, и да царствует она в тебе непрестанно. *Да придет Царствие Твое* (Мф. 6, 10)».

Ею и жил Батюшка, — получая ее изобильно в ежедневном причащении.

В частности, именно, он отмечает в себе замечательный знак оживотворения, прилив этих сил он называет часто «утверждением». Умиравший человек и душевно и телесно ослабевает, дряхлеет, «опускается». Истинный причастник «Животворящих» Таин испытывает обратное.

«Облекшись во Христа верою и Причастием Святых Таин я бываю словесен (разумен) и тверд, как скала. Христос полнота для меня всех благ, а главное сладкий, пресладкий живот (жизнь) и *мир, превосходяй всяк ум* (Флп. 4, 7)». Это переживание весьма характерно для отца Иоанна. Другие больше ощущают «мир», или даже «слезы умиления», иные радость и прочее. Все это известно было и ему. Но сверх того он вот ощущал духовную силу, необычай-

ную твердость, — «как скала»: очень сильно сказано. И это было... Приходит такое сравнение: гнущуюся сталь закалили, и она напряглась... Точно «заряд» электрической силы получал отец Иоанн от причащения. Бог есть Сила, и причащающийся Его достойно становится подобным Ему. Как Спаситель воскрес из мертвых — в силе, так и причащающийся получает Божественную «энергию» благодати (по словам святого Григория Паламы¹).

И это говорит о том, что отец Иоанн причащался достойно. Иначе у него не могло быть такого «дерзновения», тогда скорей было бы «утешение», «мир», «свобода», «слезы покаяния» и тому подобное. Так — как он, причащаются святые. Кроме того, — это соответствовало и его индивидуальному духу: он был человек исключительной силы решимости, твердости, настойчивости, смелости, энергии, дерзновения.

Потому он и других священнослужителей призывает к таким же чувствам, ставя это именно в связь с Воскресением; а Причащение есть Воскресение и Пасха для присутствующих.

«Воскресший, — говорит он, — даровал нам величайшее дерзновение пред Богом Воскресением и всепрощением Своим, всеискуплением Своим. И мы должны всегда дерзать, и не бояться, не унывать, не малодушествовать, не робеть, не стыдиться других, а весело и бодро смотреть

¹ Святитель Григорий Палама, архиепископ Солунский (†ок. 1360). См.: *Свт. Григорий Палама. Беседы (Омилии)*. М., 1993. — *Ред.*

на всех. Слава Тебе, Господи, Сила всеочистительная, всеискупительная, Сила всебодрая и всебодрающая, Сила вседержавная, всепобеждающая, всеохраняющая, всепокрывающая, всепросвещающая!»

Какая сила и дерзновение!

Он дерзнул сказать и большее, на первый раз даже не легко понятное... Но лучше выпущу его слова.

«Даждь, иерей, должную часть, важность, достоинство, твердость священству, тобою носимому и действующему к славе Божией и спасению твоему и людей. И не взирай ни на чьи лица, ни на свое лицо и свои недостатки, грехи или свои достоинства, но единственно на лицо Христа Бога, Коего образ ты носишь, Коего представляешь, как ходатай Бога и человеков во время Богослужения. Весь — ты Божий, а не свой должен быть в это время. И самые грехи твои или лукавое по действию диавола воспоминание о них возверзи в покаянии на Господа, как *Агнца Божия, вземляющего грех мира* (Ин. 1, 29); и не смущайся от воспоминания натиска их. Аминь, буди!»

Если так он чувствовал еще до причащения, тем понятнее его твердость и дерзновение после него. И Церковь знает об этом даре причащения. Тотчас же после пресуществления Даров она молится:

Яко быти причащающимся во трезвение души... в дерзновение еже к Тебе. О том же «дерзновении» упоминается и в тайной молитве на последующей ектении. А после причащения —

в благодарственной молитве, помещенной наряду в Служебнике, и прямо говорится о твердости: *утверди нас в страхе Твоем, утверди наша стопы*, сделай твердыми, мужественными. Но чаще говорится о «Животворящих» Тайнах.

Это оживотворение и ощущал в себе опытно отец Иоанн.

Отсюда у него возгорала и *вера непостыдная*¹. Отсюда он получал и силу творить чудеса. Потому и мученики старались причащаться перед пытками, в чем убеждал их священномученик Киприан Карфагенский².

Так именно и видели мы, наблюдатели, на примере Батюшки: чем дальше шла служба Литургии, тем больше он оживлялся. И не только душою, но даже и телом, в движениях, в лице: лицо его становилось розовым, одушевленным. Он весь наполнялся силою, жизнью³. Да, — Евхаристия для него была «Чашею Жизни».

Но скажут: то был отец Иоанн, человек святой. А может ли обыкновенный грешник ощутить что-либо подобное?

¹ Молитва «Благодарю Тя, Господи Боже мой...», из благодарственных молитв по Святом Причащении.

² Сщмч. Киприан, еп. Карфагенский (†258), во время жестоких гонений, бывших при императоре Декии, убеждал христиан стойко проходить испытания. Из письма сщмч. Киприана Карфагенского к Фиваритянам, с увещеванием к мученичеству: «Теперь угрожает нам брань более тяжкая и более жесткая, к которой воины Христовы должны приготовиться верою неповрежденною и добродетелию крепкою, помышляя, что они для того ежедневно пили чашу Крови Христовой, чтобы и сами могли пролить кровь за Христа» (*Св. Киприан, епископ Карфагенский*. Творения. М., 1999. С. 566). — *Ред.*

³ Но об этом будет речь в житии его.

6. Угль палящий

Конечно, степень даров, сила «жизни» зависит от святости души. Но и грешникам Бог дает Свою милость и жизнь, пусть меньшую, но все же великую и спасительную, только у них эта жизнь проявляется несколько иначе.

«Человеку грешному, нечистому что нужно на всякий день и час? — спрашивает отец Иоанн. — Милость, очищение и освящение. Где эта благодать особенно подается и получается? В церкви. Когда? При Богослужении и совершении различных Таинств. А дома? Сообщается и дома, при усердной молитве; но нигде так обильно и действенно не изливается, как в храме».

«Всякий человек есть больной душой, то есть страстен, грешен, крайне немощен, нечист, мерзок, *окаянен, беден, нищ, слеп, наг* (Откр. 3, 17), мертв. Господь пришел с Небесе на землю, чтобы *спасти погибшаго* (Мф. 18, 11; Лк. 19, 10), и основал на земле Церковь Свою, чтобы всегда спасать хотящих спасения, всегда врачевать желающих душевного и телесного здравия... избавлять от бед и напастей и от нищеты душевной и обогащать Божеством в Причащении Святых Таин Христовых и в единение со Христом, покрывать наготу и безобразие наше, оживлять всегда на каждый день умирающих душой, греховною смертию... А между тем многие заблуждающие бегают от нее (Церкви), чуждаются ее, хулят ее. О, бедные, несчастные, погибающие! Глядя на ваши удовольствия, на вашу жизнь поверхнос-

тно, подумаешь, что вы — здоровы, довольны, и не нуждаетесь в Церкви... Но это по наружности; а в душе вы — бедны, больны, окаянны, нищи, слепы и мертвы».

Поэтому он и зовет в церковь именно грешников: «Грешники! Притекайте чаще в храм как во лечебницу; и уврачуетесь, и спасетесь».

«Приходи чаще в церковь славить Господа или соболезновать о своей духовной немощи и своей бедности духовной и греховности. Никто сильнее и искреннее не поболит с тобою, как Церковь, ее лучшие чада испытали все то, что ты испытал, немоществовали, как и ты, согрешали, как и ты. Она не таит от тебя, что язва греха лютая всех коснулась, уязвила, растлила; и все они плакали, молились, страдали, скорбели, подвергались великим искушениям. И тебе легче будет скорбеть, терпеть».

И это очищение больше всего совершается именно через Жертву, Причащение.

Образ покаяния показан нам пророком Исаиею, когда он в видении увидел *Господа на Престоле высоком и превознесенном* и Херувимов *окрест Его* и сказал: «*Окаянный* я человек! Желал бы и я славить Бога, но *уста мои — нечисты*». Один из *Серафимов*, взяв *клевцами горящий уголь* с Небесного жертвенника, слетел к нему, *прикоснулся к его устам* и сказал: «*Вот это касается твоих уст, и беззаконие твое отъемлется, и грех твой очищается*» (Ср.: Ис. 6, 1–7). Этот горящий уголь знаменует огонь Божественного Тела и Крови Господней, при-

нимаемой иереями и мирянами в Причащении и пополяющий грехи их.

Поэтому иереи тотчас же после Причащения и говорят: *се прикоснулся Христос устом моим и отымет беззакония мои и грехи моя вся очистит.*

И отец Иоанн по собственному опыту знал это. Человек, как бы ни был высок, все же он не свободен от грехов. Поэтому и Батюшка нередко говорит о своих грехах.

«Вера Христова православная! Сколько в тебе открыто благ неизреченных! Как ты обновляешь, очищаешь, освящаешь, претворяешь (вновь творишь) нашу душу и самое тело чрез веру, надежду, чрез покаяние, молитву и особенно чрез Животворящую Тайну Причащения!.. Какая Божественная жизнь! Какие чудные действия Духа Животворящего! Немошные — мы врачуемся, мертвые — оживотворяемся, плененные — освобождаемся, виновные тьмою согрешений — примиряемся с разгневанным правосудием и от всех их избавляемся. Какая чудная ты соль земли для нас земных человеков, гнилостью греха зараженных до костей и мозгов!»

Здесь он соединяет себя со всеми, говоря — «мы». Но он и прямо о себе одном пишет, что в Причащении постоянно получает очищение, опытно зрит это: «Мы ощущаем, как благодать Духа Святого пополяет все грехи наши. Якоже огонь да будет мне Тело Твое Святое и Честная Кровь, ополяя греховное вещество, сжигая же страстей терние. *Попали огнем невещественным*

грехи моя, — говорится в каноне к Причащению¹. В храме особенно совершается тайна очищения грехов. Благоговей же к месту, где совершается очищение твоих душевных скверн, где ты примиряться с Богом, где получаешь истинную жизнь духа. Сколько раз Господь подавал мне здесь очищение грехов моих, без которого я не мог бы наслаждаться дарами Божиими: величайшим даром жизни, дарами мира и радости, и благами вещественными. Слава Тебе, Иисусе Сыне Божий! Ты — *очищение о гресех наших, не о наших же точию, но и о всего мира* (1 Ин. 2, 2)».

«Сколько раз смерть вступала в мое сердце, сообщая начатки свои и телу! Числа нет! И от всех смертных случаев Господь избавлял меня, помиловал меня милостию несказанною, оживотворил меня!»

«Моя ежедневная, величайшая беда — грехи, язвящие и гложущие мое сердце. Но против этой беды есть ежедневный же, величайший Избавитель и Спаситель — Иисус Христос. Он мне ежедневно — в Тайнах — благодворит невидимо, благостно. Грешники бедные! Познайте сего Спасителя, как я знаю Его, по благодати Его, по дарованию Его».

«Не унывайте же, подобные мне грешники! Но только веруйте в Сына Божия. Уважайте друг друга, грешники, и не презирайте никакого грешника; ибо все мы грешники, и всех пришел спасти, очистить и до Небес вознести Сын Божий!»

¹ Тропарь «Усладил мя еси любовию...», в конце последования ко Святому Причащению.

Какие поразительные слова!.. «Уважайте». Нигде во всемирной литературе я не читал подобного! Какая бодрящая сила у него! Потому-то и тянулись к нему со всего мира. Вот и ко Христу стремились оттого, что исходила от Него радость, утешение, сила, надежда, бодрость, жизнь... Да, христианство есть жизнь... И именно для нас, грешных, — жизнь, упование, свет, отрада. Как бы ни пали — всегда есть опора, спасение, Спаситель.

«Никогда не отчаивайся в милости Божией, — пишет отец Иоанн, — какими бы грехами ни был связан по искушению диавольскому, помолись всем сердцем с надеждою на помилование, *толцы* в двери милосердия Божия, — *и отверзется* (милосердие) тебе (Ср.: Мф. 7, 7).

Как я ни согрешу иногда по действию диавольскому, например, со враждою к брату отнесешься из-за чего-нибудь, хоть бы даже из-за правого дела, и весь расстроишься, и брата вооружишь на себя, и Таинство святое совершишь недостойно, — не по небрежению вольному, а по неготовности и действию диавольскому. Однако по раскаянии все Владыка прощает, — особенно по достойном¹ Причащении Святых Таин: как снег или волна убелишься Кровию Христовою, мир пренебесный будет обитать в сердце твоём, и легко-легко тебе будет на сердце, блаженным сделаешься. Забудешь все возмущения, тревоги и тесноту диавольскую — совсем новым сделаешься: и

¹ То есть с сокрушением, верою и надеждою; а еще лучше — нам — после исповеди. — А.В.

как будто из мертвых воскреснешь! Не отчаивайтесь, братие, какие бы грехи вы ни сделали: только сердцем сокрушенным и духом смиренным покайтесь. Слава милосердию Твоему, Господи! Слава долготерпению Твоему, Господи!»

Потому он и всякому священнику дает такой совет:

«Причащаясь Святых Таин, о иерее, говори в сердце: “Грядеши ко мне, Жизнодавче, исхитити меня из челюстей адскаго змия, очистити меня от скверны страстей — умиротворить мятущееся сердце мое, оживотворить умерщвленную душу мою, возвеселить скорбный и унылый дух мой, грядеши напитать меня, гладом греховным томимаго, одеть меня, обнаженнаго от всякой добродетели, укрепить меня немощнаго, почтить меня безчестнаго, возвеличить меня низкаго, облагородить меня презреннаго, просветить меня темнаго! Всякое благодеяние даруешь мне! Благодарю Тебя, Премилосердый!”»

Так нужно сочетать в себе и сокрушение и надежду, и покаяние и бодрое упование... И у отца Иоанна несравненно чаще говорится именно о бодрости. Сам сильный, бодрый, горящий, уповающий, восторженный, он и других влек к тому же!.. «Не унывайте!»

И лишь в одном месте мне пришлось найти слова строгие, карающие, предупреждающие — против недостойных причастников:

«Мы не всегда отлучаем, в страх прочим, от Святой Чаши известных своим пьянством и прелюбодейством лиц; и даем через то этим зарази-

тельным и мерзким порокам все более и более усиливаться. Мы даем слабые епитимии, которые налагаем на них! Боже Праведный! И пастыри, и паства безответны пред Тобою. *Вси уклонишася, вкупе непотребны быша: несть творяй благостыню, несть даже до единого* (Рим. 3, 12; Пс. 13, 3)». И иногда отец Иоанн с властью отстранял приступающих к Чаше, очевидно, как недостойных. Я это и сам видел, грешный.

Но если люди искренно каются и сокрушаются, то не отринет Господь, — как мы видели выше, лишь бы человек сознавал свое недостойнство и уповал.

«В молитвах Литургии выражается великость Таинства Тела и Крови Господней и нашего недостойнства, то есть нас, совершителей Таинства. Служащий постоянно находится в сознании своего недостойнства и своих немощей, и Божия неприступного величия и Божией святости и правды. В молитвах Литургии испрашивается благодать для достойного совершения Таинства и неосужденного Причащения священнослужителей и мирян».

На нее и будем уповать мы, грешные.

«*Толцыте и отверзется вам* (Мф. 7, 7). Толцы в двери милосердия Божия, каким грехом ни согрешишь, как бы ни были пламенны стрелы врага, как бы ни было сильно его упорство в твоём сердце: и тебе верно отверзется. Я стучал и мне всегда отверзались двери милосердия Божия! Это помни всегда!» «Мы — грешники великие, непрестанно и много согрешающие пред Богом

и достойные праведного осуждения; поэтому и взываем часто к Богу... “Господи, помилуй”». Но «хотя мы и грешники, но смиренные грешники, кающиеся, или: грешные, да Божии!»

«Когда ты согрешишь против Бога, и грехи твои будут мучить, жечь тебя, — ищи тогда Единой Жертвы о грехах, вечной и живой. И повергай свои грехи пред лице этой Жертвы. Иначе тебе нет ниоткуда спасения. Сам по себе спастись не думай!»

И Таинство Причащения и дано именно *во оставление грехов*¹, — как постоянно твердит Церковь.

Таковы два основных дара Причащения, тесно связанных один с другим, или даже представляющих лишь разные стороны одного дара: прощение грехов, а чрез то — оживотворение души, освобождение от духовной смерти и возвращение в истинную жизнь.

Но плоды такого «обновления», «оживотворения» — проявляются потом и дальше: они не останавливаются на одном лишь причастнике, а распространяются и на окружающих, — а потом даже на весь мир.

Однако прежде чем перейти к этим дарам, — остановимся еще немного не только на *исцелении души* от греховных болезней, но и *тела*² — от болезней телесных.

Отец Иоанн уже про себя говорил, как мы видели, что он, «многогрешный, обязан всеми

¹ Символ веры.

² Молитва, читаемая перед Причащением.

днями» своей «благополучной жизни только Литургии». Но и вообще про всех он добавляет, что «в болезнях мы исцеляемся» чрез Святое Причащение.

В своем дневнике он между прочим рассказывает следующий случай:

«Некто, бывший смертельно болен воспалением желудка девять дней и не получивший ни малейшего облегчения от медицинских пособий, — лишь только причастился в девятый день поутру Животворящих Таин, к вечеру стал здоров и встал с одра болезненного. Причастился он с твердою верою. А то был на волосок от смерти!»

Воистину — Причащение бывает *во исцеление души и тела*. Воистину, мы причащаемся «Животворящих Таин».

7. Рычаг мира

Действие Литургии не ограничивается лишь отдельным человеком. Христианство, все вообще, по основному своему смыслу и цели дано всему миру. И слово «литургия» с греческого языка значит именно «общее дело». Через нее прежде всего осуществляется восстановление единства человечества с Богом и со святыми того мира и между собой. Эта мысль о единстве особенно восхищала отца Иоанна. Об этом он часто говорит.

«Первообраз пришел к образу: Творец к твари. Эта мысль — существо веры христианской —

проникает все христианство, все Богослужение. Единство — великая задача христианства». И это достигается через «примирение с Богом, совершение Таинств, очищение и освящение христиан, возведение к христианскому совершенству». Спасение мира — «вот цель на земле Церкви Божией».

«Вся надежда нас, грешных, — на помилование и спасение, на заслуги Иисуса Христа, на Крест Его и на молитвы Пречистой Богородицы и всех святых». И в частности по опыту он утверждает, что Таинство Причащения «подвизает к самоотверженным подвигам любви, милосердия и сострадания ко всем человекам, соединяет всех в один союз братства, совокупляет в один союз Небо и землю».

Это общение очами незримое, но действительное и чрезвычайно тесное, близкое.

«В какой близости друг к другу находятся и небожители и землежители, и Божия Мать, и все святые, и все мы, православные христиане, когдасовершается Божественная, всемирная, Пренебесная, всеобщительная Литургия! Боже мой! Какое прерадостное животворное общение!»

«Поэтому, — советует отец Иоанн, — должно быть в единстве любви и за Литургией, и после нее».

«С радостью и страхом, с любовью к Богу и со взаимною друг к другу любовью надо всегда присутствовать при совершении ее».

«Что же мы приносим в благодарность Богу за эту любовь к нам? питаем ли алчущих? на-

поаем ли жаждущих? одеваем ли нагих? посещаем ли больных? и в темнице заключенных? (См.: Мф. 25, 34–46.) А ведь в лице их, как членов Своих, требует нашей помощи Сам Христос, Спаситель наш, *Себе пожертвовавший за нас!*¹» — Вот лучший способ провождения времени после Литургии, и в особенности — после Причащения: тогда человек особенно расположен любовно, особенно способен к объединению. Между прочим, люди забывают одну великую истину: связь любви с чистотой душ. Отец Иоанн это хорошо знал. Мы это уже слышали от него... и не раз он пишет священникам: «О иерей! Как ты должен быть чист, свят, чтобы ты мог любить ближних и чад твоих. Это знает и опыт; но понятно и богословски: любовь от Бога, любовь есть должное, идеальное состояние человека. А грех и от Бога удаляет, и природу человека расстраивает. И наоборот, освобождение от греха снова восстанавливает и то и другое. Литургия же совершается именно во оставление грехов и в теснейшее общение с Богом. Отсюда и объединение в любви — по образу Пресвятой Троицы — Единицы. А где нет любви, там, следовательно, нет и плодов Святого Причащения, там все напрасно. Там и Церковь — не Церковь...»

«Так как мы веруем в Церковь, которая есть общество верующих в Господа, соединенных в *одно тело* Главою Христом и одушевляемых одним Духом Божиим, то мы как *члены тела*

¹ Ср.: Ирмос, песнь 3-я, канон в Великий Четверток на утрени, гл. 6-й.

Церкви (Ср.: Рим. 12, 5; 1 Кор. 6, 15; 12, 12, 27) должны беречь и любить друг друга, как себя, как свою душу и тело, — отражать от сердец своих самолюбие, своекорыстие, зависть, неприязнь, гнев, вражду, злопамятство, блуд, невоздержание, прощать друг другу, как желаем того себе от других, снисходить к немощам ближних, помогать им усердно и охотно. *Любовь* есть признак самый верный — *учеников* Христовых (Ср.: Ин. 13, 35) и членов Церкви Христовой.

Без любви — нет Церкви».

А если это говорится вообще о Церкви, то в особенности относится к состоянию душ во время Богослужения, и тем более — на Литургии.

Даже благоухание храма, производимое кадилом, напоминает всегда о том, что наши нерукотворенные храмы — души и тела — должны благоухать непрестанно благодатию Святого Духа и добродетелями, чистотою, святостию, кротостию, смирением, незлобием, простосердечием, искренностию, доброжелательством, сочувствием, снисхождением, терпением, нелицеприятием, правдолюбием, послушанием, милосердием. Если так действует благоухание кадила, то во сколько больше — Святое Причащение?!

«Из церковного Богослужения, — говорит совершенно так же отец Иоанн, — вы выносите сознание (силу) единства всех людей, наипаче всех христиан православных, и научаетесь любить друг друга, подвизать друг друга на дела благие».

«В Богослужении, — особенно, конечно, на Литургии, нашей Православной Церкви клир

и народ... представляются как одно — *одно сердце и одна душа* (Деян. 4, 32). *И даждь нам едиными усты и едином сердцем славити и воспевати пречестное и великолепое имя Твое*, — говорит Церковь после пресуществления Святых Даров. Вот это единение нужно иметь постоянно в виду при Богослужении, к нему всех понуждать и поощрять».

И наоборот: «По мере того как вы будете удаляться от Церкви, от Богослужения, от этого Царствия Божия, вами будут обладать страсти житейские, разные недобрые навыки, и князь века сего со своими темными силами; вас будет покрывать сень смертная».

Но действие Литургии распространяется не только на участников ее, но и на отсутствующих, и даже на весь мир. Отец Иоанн об этом говорит в своих записях усиленно и часто; может быть, потому, что другие не замечают или даже не знают этого; а ему — очевидно. Мы обыкновенно лишь о себе думаем, даже и на молитве, и не дома только, но и в храме. Между тем, у Церкви цель — спасение всех, спасение всего мира. И Литургия совершается за весь мир.

«Полезьа Литургии, совершаемой с благоговейным вниманием, неизмерима не только для всей Церкви Православной, но и для всей вселенной: для всех людей всяких вер и исповеданий; ибо Жертва Бескровная и молитва приносится Господу и о всей вселенной, из-за совершения Литургии Господь долготерпит всему миру и милует весь мир; даруя ему изобилие

плодов земных, успехи гражданственные, успехи в науках, искусствах, в земледелии, в домашнем хозяйстве; милуя не только человеков, но и скотов, служащих человеку. О Литургия чудная, Литургия всемирная, Литургия Божественная и Боготворящая! О знамение и показание Божией безмерной любви к миру грешному, погибающему во грехах!»

Особенно это долг иерея. «Священник — носитель духа Церкви, или Духа Христова, духа любви, святыни: он должен быть печальником о всем мире, весь мир всегда на его устах, все люди, всех званий, состояний. Он молится о *благосостоянии всего мира, всех Церквей, и соединении их; о благорастворении воздуха, изобилии плодов земных; об избавлении от землетрясений и потопа, огня, меча и прочих бедствий*¹. Он должен быть предан всегда общему делу, благу; и не о себе только помышлять и *себе угождать* (Ср.: Рим. 15, 1; Тит. 1, 7), — тем менее — страстям своим: касательно себя его желания должны быть самые ограниченные. Он — всем все. Священник — носитель духа Церкви, духа спасения, духа любви вселенской».

Таким именно чувствовал себя сам Батюшка:

«Я предстою Престолу Бога Вседержителя, Который вверил моей молитве и предстательству царей и царства вселенной, всю вселенную, в особенности царство русское... всю Церковь... всякий город, страну и верою живущих в них.

¹ Прошения великой ектении.

Предстою Престолу Вседержителя, во власти Коего — Небо и земля, все стихии — свет, воздух, огонь, вода и земля и все плоды земные, суша и море, все животные земные и водные; и Который дал мне право ходатайствовать пред Ним о благообразовании воздуха и об избавлении... от всяких бедствий, постигающих людей за грехи. Я стою у Самого Источника Жизни тварей, у Самого Источника благодати, очищения, спасения».

«Я стою перед Самою Непрístupною, Всеблагою, Премудрою и Всемогущею Державою, перед Которою преклоняется все живущее, на Небе и на земле... Высоко мое служение. А я — грешный, страстен, немощен. Господи, удовлетвори Сам на сие служение!»

Таковых «бесчисленных милостей от Господа» сподобляется «весь мир по милости и беспредельной силе Бескровной Жертвы... Это рычаг всего мира, коим можно подвигнуть все народы, племена и языки к Богу: ибо Агнец объемлет весь мир; Он есть *Агнец, взявший грехи мира* (Ин. 1, 29), просвещающий вся языки к познанию Его. *Буди, буди* (Пс. 40, 14 и др. псалмы)!» Ибо «Литургия есть всемирная, Пренебесная Жертва, совершаемая Самим Иисусом Христом чрез посредство священнодействующих архиереев и иереев; Жертва милосердия Божия к роду человеческому, погибающему во грехах; Жертва удовлетворения правды Божией за грехи мира — правдою и страданием и смертью Сына Божия

¹ Сделай удовлетворяющим, способным, достойным.

за людей. Поэтому священнодействующий должен быть весь облечен во Христа... тогда только его служение будет приятно Богу и принесет... величайшую пользу».

«Литургия — противовес и отпор для верных постоянному растлению, господствующему в мире».

Закончим эти мысли знаменательными словами великого служителя Литургии:

«Если бы мир не имел Пречистого Тела и Крови Господа, он не имел бы главного блага, блага истинной жизни (*живота не имате в себе* (Ин. 6, 53); имел бы лишь призрак жизни, не имел бы дара освящения, — словом, совокупности всех истинных нетленных благ. Это — тот животворный *квас (закваска), который женщина, то есть Церковь (притчи), взяв, положила в три меры муки, доколе не вскисло все* (Мф. 13, 33). Да! Это — истинная закваска жизни духовной, небесной, святой, положенная в человечество». Что можно сказать больше этого? Разве еще лишь то, что сила Евхаристической Жертвы простирается даже и на преисподнюю.

«Чудная, величественная, Божественная на земле служба — Литургия!..» «Приемлют от нее пользу и умершие наши, или преисподние».

«Умилительна и трогательна молитва Церкви к Агнцу Божию о всех усопших... она ходатайствует пред Богом о упокоении усопших там, где *присещает свет лица Божия*»¹.

¹ Ср.: Анафора (евхаристическая молитва) св. Иоанна Златоуста.

«Православные! Вы, молясь во время обедни и особенно давая вынимать части за здравие и спасение, и за упокой, — сообщаетесь на проскомидии и во время Литургии с Господом, Богоматерию, Предтечею, пророками, апостолами, мучениками, преподобными и всеми святыми. О благородие христианина! О счастье и блаженство!»

«Совершая Литургию и изъемя частицы... помни», служащий, — «какая тесная связь между нами и святыми и умершими во Христе! И всех возлюби как членов Господа и своих членов!..»

И основание этому отец Иоанн видит в силе Жертвы Искупителя на весь мир, согласно словам Апостола: «На ней (то есть Литургии) *всяко колена поклоняется* Господу Вседержителю: *небесных, земных и преисподних*» (Флп. 2, 10).

А от преисподней воротимся к житейским вещам. И им есть место в Литургии. Мимоходом упоминалось уже и о разных частных плодах ее: в ней и избавление от скорбей, и благополучие жизни отдельных людей и всего мира, и успех в делах, и отражение искушений от диавола и людей, и даже здоровье скотов... Да, и о скотах можно молиться на Литургии. И молятся... Особенно те, кому приходится жить с ними и ими. Это знает особенно крестьянский люд, бедная жизнь которого так тесно переплетена с «лошадкой и буренушкой!..»

Вообще Литургией, по словам отца Иоанна, можно исходатайствовать все. Этому содействует прежде всего единокорная и общая молитва

всей Церкви: «Единодушная молитва может все исходатайствовать у Бога, всякие блага! Потому как можно больше, как можно чаще надо всех увещевать к единодушной молитве, — и просить у Бога такой молитвы».

Но главное упование опять на Единого Ходатая.

«Совершая благоговейно и чистым сердцем Литургию, — говорит Батюшка, — можно и должно крепко надеяться, что мы испросим чрез нее у Бога все потребное для душ и телес наших: оставление грехов, здоровье и спасение, и во всем благопоспешение, — и милость Божию; оставление грехов и упокоение со святыми всем, в вере, покаянии и уповании вечной жизни представившимся. Литургия — всеильна, вседействenna! Ибо вообразите, какая Жертва на ней приносится? Сам Единородный Сын Божий! *Если же Бог Сына Своего Единородного для нас не пощадил; то как не даст нам с Ним всего?* (Ср.: Рим. 8, 31–32)! Апостол недоумевает, как может быть иначе? Итак, священники... твердо знайте и помните: какое в руках наших средство к умиловлению Бога о всех людях, о всем мире!» Только сами «молите крепко Господа, чтобы вам достойно совершать это чудное Таинство...»

8. Тайна Премудрости

На какую высоту веры, дерзновения и надежд зовет нас великий служитель Литургии! И нам, отвыкшим от такого ощущения «неизмеримой»

и «вседейственной» силы ее, привыкшим слишком «просто», маложизненно смотреть даже на это, воистину «величайшее и высочайшее, и все-сильнейшее Таинство», представляется все непостижимым, трудноприемлемым. Да, естественно стало человеку земному сомневаться или хотя бы недоумевать о вещах сверхъестественных. На это в сей главе мы найдем ответ. И даже отец Иоанн по своему опыту знал эти смущения. Да и как ему было не знать их? Кто чем больше занимается, тот о том больше, всесторонне знает: а уж отец Иоанн воистину жил Литургией. Потому переживал он все вопросы, касающиеся ее. И даже глубже других. Священнослужители по опыту знают, что им приходится продумывать и искать твердых оснований на такие запросы ума, над коими большинству мирян не приходилось и задумываться. А между тем, ответ нужно во что бы то ни стало найти; истина должна быть тверда, ибо она слишком для нас дорога! «У людей, — говорит Батюшка с опыта, — старающихся проводить духовную жизнь, бывает самая тонкая и самая трудная война чрез помыслы, каждое мгновение жизни — война духовная; надобно каждое мгновение замечать втекающие в душу помыслы от лукавого и отражать их».

Нужно найти ответы всем искусительным мыслям, чтобы не только с миром, но и с дерзновенною верою и утешительным упованием совершать великое священнодействие. И отец Иоанн знал сомнения; но он умел и отвечать; и

умел опытно: тем это для нас важнее — основательнее, авторитетнее, успокоительнее.

«Часто, — пишет он, — лукавая и слепая плоть или живущий в нашей грешной плоти князь века сего шепчет нам, что в Тайнах только хлеб и вино, а не самое Тело и Кровь Господа; и лукавыми свидетелями посылает для этого зрение, вкус и осязание».

«Дым адский усиливается затмить и стеснить душу даже тогда, когда пред тобою предлежит Святая и Страшная Жертва, когда причащаемся ее, и — при совершении всех Таинств. Чем важнее священнодействие, тем сильнее и яростнее нападает враг».

«Даже у самой Чаши враг делает тебе козни и смущает тебя разными помыслами. И не хочешь, да борись. И хотел бы долго, долго опочить с Господом, да враги не дают».

Так, первую причину сомнений отец Иоанн видит — в клеветнике диаволе, вторую же — в нашей грешной плотской душе, из-за страстей потерявшей способность зреть духовные вещи ясно.

«Пока в нас страсти будут действовать, пока *ветхий человек* в нас будет жить и не умрет, до тех пор нам придется много скорбеть от различных искушений, от борьбы *ветхого человека* с *новым* (Ср.: Рим. 6, 6; Еф. 2, 15; 4, 22, 23; Кол. 3, 9, 10)».

Это вообще относится ко всем предметам веры.

«Если веру нашу православную, Таинства ее христиане иногда не могут вместить, то это по-

казывает только, что умы и сердца людей нечисты и страстны, и не могут выносить чистоты и света ее, — как больные глазами — света солнечного. Это сокровище небесное могут вместить только люди, отрешающие ум и чувства свои от пристрастий житейских».

Эта нравственная испорченность нашей природы представляется отцу Иоанну прямым уродством.

«Встречаются у людей уродливые сердца! При совершении Таинств они дышат неверием и бесчувствием, нравственным бессилием, недугуют смехом или смущением и бесовским страхом!»

Третью причину Батюшка видит в незаконном, а потому и не логичном, безумном покушении естественного ума проникнуть в сверхъестественный мир, понять земным умом — Небесные тайны, рассудком уразуметь — чудо, человеку обнять — Божественное. Идя по всем этим путям, он и отвечает на недоумения и сомнения, прибегая иногда и к вспомогательному способу — сравнениям.

1. И прежде всего, — и совершенно мудро, логично, философски правильно, — он останавливает незаконные попытки ума, не имеющего ни возможности, ни права постигнуть непостижимое: тайна есть тайна.

«Благоговей, — говорит он, — всеми силами души пред всеми Таинствами! И говори в себе о каждом Таинстве пред совершением или причащением его: “Это — Тайна Божия! Я только недостойный приставник ее или участник ее”. А то

гордый разум наш и Тайну Божию хочет исследовать. А если не может ее исследовать, то отвергает как не подходящую под ничтожную мерку его».

И в частности, в отношении к Таинству Евхаристии он всегда и совершенно ясно созерцает, что оно есть чудо из чудес, большее даже, чем «сотворение мира»; а потому уму здесь должно лишь смириться и принимать все верою. А отвергать Тайну есть неразумие, даже безумие; ибо чудо — выше естественных законов, выше ума.

«Литургия — величайшее чудо... непрестанное чудо: с радостью и страхом... надо всегда присутствовать при совершении ее».

«То, что совершается во время Литургии, поражает своим величием» не только человека, но и «все ангельские умы: то есть пресуществление хлеба и вина в Истинное Тело и Кровь Самого Господа и Причащение их верующими. А мы, для которых это Таинство совершается, часто равнодушны».

«Примите, ядите... пейте от нея вси... (Мф. 26, 26–28). Кто постигнет величие благодеяния, подаваемого нам Господом нашим Иисусом Христом в Таинстве Евхаристии или Причащении? Вполне — никто, ни даже ум ангельский: ибо благодеяние это — беспредельно и необъятно, как и Сам Бог, Его благодать, премудрость и всемогущество». Чудо есть чудо, то есть дивное и непостижимое уму явление.

2. Но, однако, почему же можно и должно принимать его за истинное и несомненное событие?

В ответ на это отец Иоанн приводит много оснований.

а) Как человек глубоко сознателный, верующий, он прежде всего отсылает нас к истине о всемогущей власти и силе Господа Иисуса Христа, особенно после Его прославления чрез Воскресение и Вознесение: что Он благоволил изречь, то силен и сделать. У Бога слово есть дело.

Дадесея Ми всяка власть на небеси и на земли (Мф. 28, 18), — сказал Он Сам пред Вознесением ученикам и чрез них всему миру. «Этой властью, — говорит Батюшка, — Господь поставляет пастырей Церкви... совершает все Таинства... претворяет хлеб и вино в Тело и Кровь Свою Духом Святым».

Мы уже видели, как он часто говорил, что Литургию собственно совершает Сам Спаситель чрез священников, или Бог Дух Святой — чрез нас. Но Бог все может. А потому верующий не видит никаких препятствий и к этому Его Божественному действию: как сказано, так и бывает.

Для верующего нет ничего невозможного... (Ср.: Мк. 9, 23.)

Рече, и бысть (Быт. 1; Ср.: Пс. 32, 9; 148, 5): весь мир, все. *Не изнеможет у Бога всяк глагол*, — сказал Архангел Деве (Лк. 1, 37). Истинно так!

И отец Иоанн прибегает к этому предивному примеру, чтобы облегчить и укрепить принятие и Тайны пресуществления.

«Тело и Кровь Христовы прелагаются Духом Святым из хлеба и вина; как и во утробе Девы

Пречистой оно сотворено Духом Святым от кровей Ее».

И воистину, воплощение Бога во чреве Девы не только не меньшее чудо, чем пресуществление Святых Даров, а большее. И если кто принял за несомненную истину первое, тому еще легче воспринять и второе. Там и здесь — чудо, то и другое — непостижимо. Там и здесь в телесном — Божество. Там и здесь действует один и тот же всемогущий Дух Святой.

«Что удивительного, если Сам Бог — Слово, Творец всего видимого и невидимого, претворяет, пресуществляет хлеб и вино в Пречистое Тело и в Пречистую Кровь Свою? В этих хлебе и вине воплощается Сын Божий не вновь, потому что Он однажды воплотился... но воплощается тем самым Телом, которое прежде воплотилось; по подобию того, как умножил Он *пять хлебов* и *сими пятью хлебами* напичал несколько *тысяч*» (Ср.: Мф. 14, 14–21).

А если для *Бога все возможно* (Ср.: Мф. 19, 26), то всякие сомнения нужно отметить как диавольское искушение правой веры нашей, как восстание на истину!

«Когда диавол будет смущать тебя неверием в Тайны, говоря: “Это невозможно, чтобы хлеб и вино были Телом и Кровью Христовою”, — скажи ему: “Да! Для тебя и для меня это невозможно, ты правду говоришь. Но не для Бога: *вся бо возможна суть у Бога*” (Мк. 10, 27). Самая мысль у Бога есть дело; слово у Бога — дело. *Рече, и быша* (Пс. 32, 9; 148, 5), говорит и бывает. Кратко

и ясно!.. Не хотят ли ноги быть вверху и учить — странно сказать! — Зиждителя всех?!» «И мы не позволяем слушать его (врага) клеветы и рассуждаем так: для Тебя, Господи, все возможно».

И Батюшке очевидно это чудесное всемогущество во всяком творении даже так называемого естественного мира: «Ты творишь плоть людям, животным, рыбам, птицам, гадам, всей твари». «Дух Святой созидает нас во чреве матери нашей, это ведь тоже постоянное чудо». А если так, — то «для Себя ли Ты, *везде сый и вся исполняй*¹, не сотвориши плоти? Какой ваятель, делая изваяния для других, не в состоянии сделать его для себя? Мало того, Ты превращаешь мертвое вещество в живое существо: например, посох Моисея — в змея (См.: Исх. 7, 10). И нет ничего для Тебя невозможного!..»

б) В помощь же для усвоения Таин верою отец Иоанн ссылается на множество тайн и в естественном мире, которые мы однако же не отвергаем, а принимаем.

«Множество тайн в природе, коих не может постигнуть даже в вещах мой разум, однако же вещи существуют со своими тайнами».

«Зачем мне ходить далеко искать следов Твоей благодати, Твоей премудрости, Твоего всемогущества? Ах, следы эти так явственно видны во мне! Я, я — я чудо! Я в малом виде целый мир!»

«Так и в этом Таинстве — все тайна для меня... но Тайны Тела и Крови на самом деле существуют, хоть и не понятно для меня. У Творца

¹ Молитва Святому Духу.

моего множество тайн; я сам для себя тайна как дело рук Его!»

А если непостижимо земное, тем более не допытывайся о вещах небесных; если не понимаешь естественного бытия, то не задавай вопросов — как? каким образом? — о бытии сверхъестественном: это безумно.

«Когда идет дело о Тайнах Божиих, не спрашивай внутренно: как это бывает? Ты не знаешь того, как Бог сотворил весь мир из ничего»; тем более «не можешь, да и не должен знать и здесь: так что-либо Бог делает тайно. Тайна Божия тайною и должна для тебя остаться; потому что ты — не Бог, не можешь знать всего, что бесконечно Премудрому, Всемогущему Богу известно. Ты — дело рук Его, ничтожная тварь!»

«Ты не разумеешь об образе вселения Господа в Животворящие Тайны. Это — тайна. Так же тайна, как тайна то, каким образом вселен в твое тело дух бессмертный».

в) Но когда отец Иоанн богословствующим умом желает приблизить или обосновать несомненность истины этого чуда из чудес, то он оттаивается на другой истине о том, что Бог есть истинно *Сущий* (Исх. 3, 14), везде сущий, все наполняющий, а следовательно, может быть и в Тайнах.

«По совершеннейшей простоте Своей Он находится необходимо весь везде — *везде сый и вся исполняяй*¹: *еда небо и землю не Аз наполняю?* (Иер. 23, 24)».

¹ Молитва Святому Духу.

«Непостижимо, как Дух Господа нашего Иисуса Христа соединяется с хлебом и вином, претворяет их в Тело и Кровь. Это объясняется отчасти (лишь отчасти) тем, что везде — Всемогущий, Творческий Дух Господа... и везде Он может даже *не сущая нарицати яко сущее* (Ср.: Рим. 4, 17); тем более из сущего делать другое сущее».

И потому, «чтобы с верою несомненною причащаться Животворящих Таин и победить все козни врага, все его клеветы, представь, что принимаемое тобою из Чаши есть *Сый*, то есть Един *Сущий* (Исх. 3, 14). Когда будешь иметь такое расположение мыслей и сердца, то от принятия Святых Таин ты успокоишься, возвеселишься и оживотворишься, познаешь сердцем, что в тебе истинно и существенно пребывает Господь и ты — в Господе. — Опыт!»

г) В частности, отец Иоанн придавал величайшую, всемогущую силу самим словам, которые произносятся при совершении Таинства; ибо Словом все сотворено, весь мир, всякое бытие.

«Возможно ли сомневаться в том, в бытии чего уверяет нас собственный опыт и видимый и невидимый миры! В чем состоит тайна бытия всех тварей?»

«В слове Творца: *Рече, и быша* (Пс. 32, 9; 148, 5)!»

«Все — от Слова... ни от чего другого».

«Не тот же ли Господь действует через нас — священников — и у нас? Здесь Сам Господь...»

Совершитель всего: Он *приносяй* жертву и *приносимый*¹. Священник только говорит слова, простирает руку, а Господь все претворяет».

Почему же такая сила в словах?..

«Слово Божие, — говорит отец Иоанн, — все равно, что Сам Бог. Потому несомненно веруй всякому слову Господа. Слово Бога — дело». И «каждое слово Святого Писания, каждое слово Божественной литургии, утрени и вечерни, каждое слово священно-таинственных молитв и молитвословий имеет в себе соответствующую ему и в нем заключающуюся силу, подобно знамени Честного и Животворящего Креста. Тайная благодать присуща каждому церковному слову ради обитающего в Церкви Ипостасного, Вочеловечившегося Слова Божия, Которое есть *Глава Церкви* (Еф. 1, 22; 5, 23; Кол. 1, 18)».

Поэтому отец Иоанн дает очень простой и мудрый совет при сомнениях: «Когда во время устной молитвы диавол будет подтачивать слова дождем тончайших мыслей, говори: “Владычество Спасителя — во всяком слове и звуке”».

«Не обращай внимания на омрачения, огонь и тесноту вражью во время совершения молитвы; и твердо положишь сердцем на самые слова молитвы, с уверенностью, что в них сокрыты сокровища Духа Святого».

Примеры такого действия Божественных слов бесчисленны, — от сотворения мира до многочисленных чудес.

¹ Молитва «Никтоже достоин...» во время Херувимской песни.

«Тебе показан и пример в Писании, как все стало словом Божиим державно, быстро: воды превращаются, по гласу Моисея, в кровь, земля — в мошек, жезл — в змея, свет — в *осязаемую тьму* (См.: Исх. 7, 20; 8, 16; 7, 10; 10, 21–22)... *Прииди и виждь* (Ин. 1, 46)!» Это все факты. Это было.

д) И теперь чудеса совершаются.

Свидетель сему сам опыт, сама действительность, осязательные плоды действия Святых Таин. О них мы будем говорить еще дальше; здесь же лишь кратко упомянем о них, в порядке убеждения в истинности Таинства.

И отец Иоанн тысячекратно испытывал на себе всю правду и силу Таин Тела и Крови. Это для него было убедительнее всяких рассуждений, — что и понятно: всегда опыт, восприятие достовернее «знаний»; или лучше — в основе знания прежде всего лежит именно непосредственная очевидность, когда не требуются никакие рассуждения, когда истина оправдывает сама себя.

«Что Господь с нами, очевидным доказательством тому служат его Божественные, Животворящие Тайны. Здесь Он дает нам осязать Себя, *вложить руки* сердца нашего в *гвоздинья язвы* Его и *вложить персты* наши в *ребро* Его (Ср.: Ин. 20, 25, 27)».

И этот опыт повторяется многократно, пока человек не убедится совершенно, несомненно в истине. Поэтому иногда Господь как бы скрывает всю полноту истины, всю силу ее, чтобы мы

снова искали ее сильнее и убеждались очевиднее в ее объективности, в подлинной действительности и истинности самой по себе, независимо от нас. Это наблюдал и Батюшка.

«В обыкновенных познаниях человеческих — узнал раз хорошо какой-либо предмет и часто на всю жизнь знаешь его хорошо, без помрачения познания о нем. А в вере не так: раз познал, ощутил, осязал — думаешь, всегда будет так ясен, осязателен, любим предмет веры для души моей. Но нет: тысячу раз он будет потемнеться для тебя, удаляться от тебя и как бы исчезать для тебя; и что ты любил прежде, чем дышал и жил, к тому по временам будешь чувствовать совершенное равнодушие. И надо иногда воздыханием и слезами прочищать себе дорогу, чтобы увидеть его, охватить и обнять сердцем. Это — от греха».

В особенности это нечувствие, равнодушие и потемнение происходит от гордости и нераскаянности.

«Нечувствие сердцем истины слов на молитве происходит от сердечного неверия и нечувствия своей греховности; а это в свою очередь проистекает от тайного чувства гордости».

И наоборот, с просветлением и очищением души проясняется и очевидность опыта; тогда узрели бы славу Таин.

Отец Иоанн пишет, например, следующее: «Что если бы Ты, Господи, Боже мой, Иисусе Христе, возблистал свет Божества Своего от Пречистых Твоих Таин, когда они почивают на

святом престоле — на дискосе во время Литургии или в дарохранительнице, или дароносице, когда иерей Твой несет их на персах своих, идя к больному или от него! От этого света поверглись бы в страхе на землю все встречающиеся или воззревшие на них из домов своих; ибо и Ангелы от страха неприступной славы Твоей покрываются! А между тем как равнодушно иные обращаются с этими Пренебесными Тайнами! Как иные равнодушно совершают страшное священнодействие!»

е) Но так как у большинства из нас свой опыт бывает слаб, то отец Иоанн не только нам советует, но и сам опирается на более авторитетный опыт и свидетельство великих столпов Церкви.

«Во время Богослужений, во время совершения всех Таинств и молитвословий, будь доверчив, как дитя по отношению к своим родителям. Помни, какие великие отцы, какие светила вселенские, Духом Святым озаренные, руководят тобою. Как дитя, будь прост, доверчив, несумнителен в деле Божиим».

«Всю печаль возверзи на Господа (Ср.: 1 Пет. 5, 7; Пс. 54, 23), а сам будь совершенно беспечен. Не пецйтесь, как или что возглаголите: не вы бо будете глаголющи, но Дух Отца вашего глаголай в вас (Мф. 10, 19, 20). Давно Господь снял с нас эту печаль, эту заботу, научив богоносных отцов наших Духом Своим, что глаголать Господу при Богослужении, совершении Таинств и при разных случаях и обстоятельствах человеческой жизни, требующих молитвы, низводящей

свышнее благословение. Нам должно быть легко молиться! Только вот враг стужает».

«Да что его стужение, если сердце наше утверждено в Господе! Вот беда, если мы не в Боге, если веры твердой в нас нет, если пристрастиями житейскими связали себя, если разум наш горд и кичлив; тогда и в святейшем, непорочнейшем деле Богослужения, совершения и Причащения Святых Таин диавол будет сильно запинать нас».

ж) И для непоколебимого стояния и утверждения в истине пресуществления достаточно сослаться на свидетельство Священного Писания, или Самого Христа Бога. Если сказано Им, то — несомненно. Если Церковь признала, то верь твердо, ибо ею руководит Дух Святой. Если Он изрек, что *сие есть Тело... сия есть Кровь* (Мф. 26, 26, 28), так и есть.

«За Истину Таин Христовых ручается Сам Христос!..»

«Зачем мнительность там, где она не должна быть?.. Бог есть Истина: этого довольно! *Церковь есть столп и утверждение истины* (1 Тим. 3, 15)! Диавол — ложь, клеветник, противник; этого довольно! Знай одного Бога и Его Истину!»

з) Но в опыте отца Иоанна мы встретили еще одно неожиданное свидетельство по аналогии. Обычно ссылаются на параллель души и тела как на пример обитания Бога в хлебе и вине, а отец Иоанн узрел и другое некое обитание.

«Что удивительного, что хлеб и вино бывают Телом и Кровию Христовою, и в них Христос

почивает, как душа в теле? Что удивительного — когда и диавол гнездится в ничтожном зародыше (в сердце) младенца... так что... является на свет младенец с *сокрытым* и *гнездящимся в сердце его* диаволом?» (Молитва пред Крещением.) «Как несомненно, что в сердце нашем гнездится часто диавол и всякий грех, так несомненно же, что в сердца наши вселяется Христос Жизнодавец, святыня наша. *Болий есть* Господь наш диавола (Ср.: 1 Ин. 4, 4)!..»

«Как не входить в сердце наше Христу, чрез веру и покаяние, когда оно и создано Им быть *храмом Божиим* (1 Кор. 3, 16)? Как не входить... Христу именно в Плоти и Крови Своей в соответствии нашей духовности и вместе плотяности? Еще: если диавол может *давать дух* и слово *иконе звериной* (Ср.: Откр. 13, 15), то как Христос не вселится в хлеб и вино и не претворит их, не усвоит их совершенно Себе как Плоть и Кровь?»

и) Наконец, отец Иоанн обращает внимание и на то, что для сего претворения Господь избрал такие вещества в мире, которые легко воспринять человеческому представлению, — близкое по сравнению с нашим претворением пищи и питья в тело и кровь — это постоянное и никому непостижимое «химическое явление».

«Себе ли Ты, Господи, не сотвориши Плоти из хлеба и вина, которые так близки к нашей плоти, будучи употребляемы в пищу и питье и превращаемы в нашу плоть и кровь? Ты не дашь нашей вере *искуситься паче, неже может*

она *понести* (Ср.: 1 Кор. 10, 13): не пресушествляешь глыбы земной в Тело и Кровь Свою, — а белый, мягкий, чистый, приятный на вкус хлеб; не воду сотворяешь Кровию Своею, но подходящее к цвету крови — вино, которое называется *кровию гроздовою* в Священном Писании (Сир. 50, 17), приятное на вкус и веселящее сердце человека. Ты знаешь немощь нашу, слабость нашей веры; и потому благоизволил употребить для Таинства Своего Тела и Крови самые подходящие к ним вещества. Будем же твердо верить, что под видом хлеба и вина мы причащаемся Истинного Тела и Истинной Крови Христовой; что в Таинстве Причащения Господь пребудет с нами *во вся дни до скончания века* (Мф. 28, 20)».

Закончим и мы после такого облака обоснований со всей верою евангельским — «аминь», истинно.

к) После всего этого становится понятным резкое осуждение у отца Иоанна сомнений и неверия, ибо они свидетельствуют уже о нежелании человека принимать истину, столь обоснованную.

«Бойся, крайне бойся сомневаться в истине или раскаиваться в правом слове и деле! Это дело сатаны, завистника, клеветника истины и правды. Горе сомневающимся! Горе всякому слуге сатаны!»

Исключение должно быть лишь для тех случаев, когда искусительные помыслы нападают на нас вопреки нашей воле и противлению им. Тогда мы не виновны и потому не должны смущаться ими.

«Тот грех, на который ты не соизволяешь, не вменяется тебе; например, невольное преткновение на молитве, помыслы скверные и хульные, произвольная злоба, с которыми мы усердно боремся, скупость, которой мы отвращаемся, — это все нападения злого духа. Наше дело — терпеть, молиться, смиряться и любить».

л) Так просто все разрешается у верующего. Но если бы иной пожелал и философских основ разрешения таких больших недоумений столь простым способом, как вера, тот может найти у отца Иоанна ключ и к этому в его на опыте обоснованном учении о «простоте премудрости», или о «премудрой простоте»... Не место здесь особенно подробно углубляться в выяснения гносеологических (касающихся познания вещей) воззрений его, но сущность их такова: «Бог есть Существо Препростое», как часто говорит он, то есть Единое, Цельное, Несложное... Это непонятно? — Да, кто чего опытно не познал, тому ничего не понять... Но возьму сравнение из «простого» опыта: воздух. Химия говорит о разных элементах, из которых он состоит; но не только нами, обычными людьми, но и химиками он воспринимается «просто», цельно; ибо в конце концов он — «прост», един, целен. И никакой ум, никакая химия, не могут воспринимать его сложно, в соответствие элементам. Он принимается непосредственно, просто. Так и Бог есть Всевысочайшая «Простота»... Опытom это понимается и ощущается ясно и существенно. И потому «понять», принять Его можно

тоже только непосредственно, «просто», прямо, без посредств других «вспомогательных» способов ума. Эти «вспомогательные» средства лишь осложняют дело, а не помогут...

В мире все «просто», а потому и воспринимается также просто. В частности, и сверхъестественный мир прост, — даже еще более прост, «целен», — и воспринимать его можно лишь простотою духа, — которая называется «верою». И догмат Пресвятой Троицы также чрезвычайно или «всесовершенно прост», то есть Пресвятая Троица — «препроста»...

Умом не только не понять, но даже и тот, кто знает это на опыте, не может другим разъяснить умовым способом и словами, ибо ничто простое непереводимо на ум, на «слова». Слова лишь символы воспринятого опыта...

Отец Иоанн глубоко знал это по своему опыту. И потому он очень часто пишет о премудрой простоте.

«Просто и мудро надо жить христианину в мире... Истинная мудрость есть простота евангельская».

«Премудрость — Христос Бог — Ипостасная Премудрость Божия». «Премудрость христианина — состоит в простоте сердца. *Прости*¹, *услышим*² — в простоте послушаем. *Прóсти, прии-*

¹ «Прóсти» (по *греч.* орфи) — собственно означает «прямо», «стоя», а не сидя, или: «встаньте». Потом в переносном смысле стало означать: внимательны, духом напряжены, собраны. Но отец Иоанн толкует — в смысле «простоты», чистосердечности... Это тоже — «прямота».

² Возглас священника перед чтением Евангелия.

мите¹ — в простоте, искренно примем Святые Тайны».

Простота веры, с философской точки зрения, без сравнения мудрее «ума». Больше сказать: попытки ума понимать «не просто, не верую» — безумны, ложны.

Простому и мудрому довольно! И даже с избытком.

9. Преддверие Неба

После изложения основных воззрений отца Иоанна на Божественную литургию перейдем последовательно к тем частным отдельным настроениям, которые он переживал на ней, от самого входа в храм и до выхода после Причащения. И таким образом у нас составитя довольно полное представление о тех чувствах, какие и мы должны воспитывать в себе. К великому сожалению, отец Иоанн не оставил после себя подробного и последовательного объяснения целой Литургии и лишь отрывочными записями отмечал свои переживания в разные моменты ее. Мы их собрали далее воедино и представляем боголюбивому любителю Богослужения.

И начнем прежде всего с самого вступления в храм... Нужно подготовиться: ведь и пред входом в чужой дом мы готовимся, осматриваемся... А здесь мы пред «домом Божиим».

Мы и в жизни думаем: что и кому сказать? А здесь беседа с Самим *Царем царей* (Ср.:

¹ Ср.: «Прѣсти примше...» — возглас диакона после Причащения.

1 Тим. 6, 15)... И Богослужения наши чрезвычайно глубоки; все здесь полно смысла — от облачений и кадила до восторженных славословий Пресвятой Троице.

«Священное Писание, — говорит отец Иоанн, — как и Богослужение нашей Православной Церкви, есть глубина неудобозримая, неисследимая. Надо постоянно размышлять о них, вдумываться, чтобы совершенно проникнуться тем и другим; чтобы то и другое совершенно воздействовало на всю жизнь нашу».

Здесь все имеет свой глубокий смысл.

«Дивное, духовное богатство содержится в нашем Богослужении, если судить о нем особенно по богослужебным книгам, по полному его составу. Тут вся душа человеческая со всеми ее немощами, грехопадениями, со всеми чувствами любви, благодарения, удивления Создателю, Промыслителю и Спасителю своему, со всеми своими нуждами». Но их так много. И «Церковь в своем Богослужении останавливает внимание молящихся на самонужнейших, самых жизненных предметах, которые надо иметь непрестанно в виду всякому человеку». «Премудро учреждено все Богослужение нашей Церкви, Божественно!»

Начнем же вдумываться по порядку, с самого вступления в храм.

«Входя в церковь... вы входите как бы в особенный какой-то мир, непохожий на видимый... В мире вы видите и слышите все земное, преходящее, хрупкое, тленное, грешное... В храме вы

видите и слышите небесное, непреходящее, вечное, святое».

«Храм — преддверие Неба и рая, и как бы самое Небо; ибо в нем Престол Божий, служение Ангелов, частое схождение Святого Духа... О, с каким благоговением должно входить и молиться в нем всем нам; особенно же приближающимся к самому Престолу Божию и совершающим и употребляющим такие Тайны — с какою пламенной душой молиться!»

«Дом Мой — дом молитвы (Лк. 19, 46). Приходя в храм, мы как бы восходим на Небо, оставляя все земное за собою, — по крайней мере так должны входить». Здесь «все», от икон до кадила и священнических облачений, «все внушает тебе благоговение и молитву; все внушает, что ты — в святилище Божиим, лицом к лицу с Самим Богом».

«Входя в храм, вы видите лики Христа Спасителя, Пресвятой Богородицы, Ангелов и святых... Как все это много и убедительно говорит уму и сердцу христианина!.. Как это одушевляет, трогает и расширяет его сердце любовью к Богу, и к святым, и ко всем людям! Как это подымлет дух горé! Как тут не молиться пространном сердцем за всех, когда видишь оком веры молящихся за нас — всех святых с Богородицею: *Дева днесь предстоит в церкви и с лики святых невидимо за ны молится Богу* (кондак Покрову)».

«Вступив в храм Предвечного и конца не имеющего Творца твари, вы как бы пересту-

паете через порог времени и слышите непрестанно хвалу Вечному и тем угодникам Его, которые сподобились вечной жизни; и сами поучаетесь не привязываться к временному и исчезающему».

«Стоя в храме, будь весь, как на Небе с Богом; ибо в храме все — небесно... Тут общая молитва не о чем другом, житейском, а о — спасении душ, о прощении грехов, о преуспейании в добродетели и даровании бессмертия душам нашим, — молитва за всех. *Всякое житейское попечение* должно *отлагать*¹ в сторону при входе в храм и стоянии в нем».

«Ты приходишь, христианин, в храм к Самому *Источнику жизни* (Пс. 35, 10): приходи же с верою, смирением, искренним сердцем, со страхом».

Но, с другой стороны, — говорит Батюшка, — «при объяснении Богослужения... часто упускают из виду прежде всего то, чтобы показать основу, на которой покоится... связь людей с Богом: эта связь — *образ Божий* (Ср.: Быт. 1, 26, 27), по коему человек — *свой Богу* (Еф. 2, 19), родной, близкий друг, — то есть праведно живущий. На этой основе покоится все Богослужение, все Таинства».

«Мы по природе — *свои Богу* (Еф. 2, 19) как созданные *по образу и подобию* (Ср.: Быт. 1, 26, 27), — а теперь и искупленные, и вознесенные во Христе на Престол Троицы»; «никого нет к нам ближе и роднее, как Господь Бог... Через Богослужение мы вступаем в тесный союз с Богом, присвояемся Ему».

¹ Ср.: Херувимская песнь.

«Помни, что ты сам — *Церковь Бога Живаго* (1 Тим. 3, 15), *храм Его* (Ср.: 1 Кор. 3, 16; 6, 19), *член Его* (Ср.: Рим. 12, 5), *сын* или *дщерь Его* (Ср.: Гал. 4, 5–7), *овца пажити Его* (Пс. 99, 3), *плоть и кость Его* (Ср.: Еф. 5, 30), *рождение Его* — *Лозы истинной* (Ср.: Ин. 15, 5), Господа Иисуса Христа, *Его образ и подобие* (Ср.: Быт. 1, 26, 27)». «Сам христианин есть *храм Святаго Духа* (1 Кор. 6, 19), и должен приходить в храм Божий для освящения, просвещения, утешения и обновления».

«О, как высоко, велико, важно в нас то, что *по образу Божию*, — то есть душа, для которой Бог-Слово вочеловечился, жил, учил, творил чудеса, страдал, умер, воскрес; для которой — видимый мир; для которой основана на земле Церковь... Что Творец мог дать больше творению Своему того, что Он дал ему, сотворив его *по образу и подобию* Своему, сделав его богом по Причастию» с Собою?! «О, дорожи, человек, больше всего на свете тем, что в тебе — *по образу и подобию Божию*, не поработайся тли греха, а будь на земле небесен... *До третьего Неба восхищен был* апостол Павел (2 Кор. 12, 2). Какая честь человеческому существу! Какие уверения человекам в истине евангельской! Какие надежды! Боже мой! И мы ли, христиане, еще прилепляемся к земле?! *Горняя мудрствуйте* (Кол. 3, 2)! *Горé — сердца!*» «По цене, принесенной за тебя на Кресте Искупителем твоим

¹ Ср.: Возглас священника перед анафорой (евхаристической молитвой).

Отцу Небесному, заключаю: сколь ты Ему дорог».

И потому когда приходишь молиться Богу, то «познай, что Он — *близ тебя, во устех твоих и в сердце твоём* (Ср.: Рим. 10, 8), любит тебя, как исчадие Свое, образ Свой, и непрестанно благоденствует тебе, живит тебя, очищает, освящает, просвещает, миротворит, укрепляет, утешает, питает, помогает тебе. И с крайней любовью призывай Его, благодари и прославляй Его; ибо это — долг твой, жизнь твоя, сила твоя, слава твоя».

«Господь Иисус Христос, Божия Матерь со всеми Ангелами, святыми и всеми угодниками Божиими весьма-весьма близки всегда к верующим и искренно благочестивым, благоволительны к ним, принимают ближайшее участие в их жизни. Только мы да будем искренно преданы им».

И если «диавол во время молитвы будет скрывать во мраке и удалять от сердечных очей живой образ Владычицы, или Ангела, или святого, тогда ты сделай усилие, чего бы ни стоило, поставить их вживе пред самые сердечные очи твои».

«Помни! Какого небесного, святого общества ты член, разумею — Церкви Христовой! Помни это и знай. Какая святость, какое совершенство требуется от тебя, *члена того же тела* (Ср.: Рим. 12, 5; 1 Кор. 6, 15; 12, 12, 27; Еф. 4, 25; 5, 30)!»

Наконец, идя на молитву, «надо иметь следующую уверенность о Боге, Божией Матери,

Ангелах и святых: слышит, может, хочет исполнить праведное наше желание, и исполнит, если буду усердно просить, нимало не сомневаясь, — исполнит, как Ему будет угодно».

Так нужно входить в храм.

«Но привычка и невнимание или недостаточное размышление о том, что возглашается и читается в храме, сделали то, что мысль о вечности как-то исчезает из разума и сердца или посещает душу очень бегло, мимоходом».

Зато «блаженны все, искренно приходящие в церковь и молящиеся... С ними — Бог, они *не лишатся всякого блага* (Пс. 33, 11), как будет напутствовать Церковь при выходе из храма».

«Горе оставляющим собрание церковное: с ними *диавол, уловивший их в свою волю*» (Ср.: 2 Тим. 2, 26).

«Есть ли на земле место выше, святее, благотворнее, как храм Божий? — Нет». «Что честнее и почетнее храма? — Ничто!»

Если все эти мысли и чувства свести к немногим основным, то вступающий в храм должен бы сочетать в своей душе два настроения: смирение грешника и радость близости Бога...

Обычно хороший мирянин тянется к службе и приходит раньше начала... А то и до звона еще. Здесь тихо ему...

Но вот пришел и батюшка в храм... И начинает читать «входные молитвы». Это — краткие молитвы: «Царю Небесный», «Господи, помилуй», «Святой Боже», «Пресвятая Троице», «Отче наш»; и другая покаянные: «Помилуй нас,

Господи», «Господи, помилуй нас», «Милосердия двери»; и тропари: Спасителю, Божией Матери и святому храму.

«Для чего священник делает» это «моление входное пред Литургией? — В знак смирения пред правдою Божиею, как грешник, недостойный входа в дом Божий и — стоять у Престола Божия». «Приступая к молитве... надо прежде всего помнить свою греховность, нечистоту, свое недостойнство; и с благоговением призывать имя Господне, пречестное и великолепое... ибо мерзки наши уста, нечистое сердце, душа осквернена бесчисленными грехами». Входные молитвы «напоминать должны нам, — пишет Батюшка, — о том, что мы люди — существа падшие, грешные, осужденные, достойные всякого наказания и муки; и только верою в Сына Божия, за нас пострадавшего и умершего, избавляемся от осуждения в геенну... обретаем примирение с Богом и доступ к Отцу Небесному, усыновление и право на наследие вечной жизни и вечной радости».

Но с другой стороны, — говорит он, — «должно всегда благодарить Бога за то, что Он дал нам» это «право *называться чадами Божиими* (1 Ин. 3, 1), приступать к Нему с молитвами, молениями, прошениями и благодарениями и радоваться о такой милости к нам Божией; и со всегдашнею готовностью, охотно, с дерзновением и благоговением приступать к Нему, а по Нем — к Богородице, к святым Ангелам и святым Божиим угодникам. Великая честь брен-

ному естеству человеческому — беседовать с Существом Бессмертным, Безначальным, Всеблагим и Вседовольным. А между тем, сколь не охотно многие-многие приступают к Нему! Сколь лениво, холодно, небрежно, рассеянно; а многие и совсем не приступают и живут наподобие скотов бессмысленных! — Господи, научи нас молиться Тебе, приступать к Тебе всегда с радостью и правостию сердца и мысли! Сыны человеческие... осуетились и удалились от Бога, одичали!»

И что касается его самого, то у него преимуществовали именно эта охота, дерзновение и радость. Он с царем Давидом мог сказать: *Коль возлюбленна селения Твоя, Господи! Желает и скончается душа моя, стремясь к алтарю Господа сил! Лучше день един во дворах Твоих, паче тысящ вне храма! Лучше приметися (как сор в уголку) в дому Бога моего, нежели жити в селениих грешничих* (Ср.: Пс. 83, 2, 3, 11)... И сейчас мы увидим, что он входил в алтарь — уже в силе. Поцеловав с любовью престол и поздоровавшись с присутствовавшими в алтаре, он начинает облачаться... Что он тогда чувствует?.. Не сокрушение, а победу: «Облачение означает новую одежду христианина, в которую он облекся по Крещении, и одежду правды» — блестящее, красивое, драгоценное, исключительное; не как в миру. Ведь только в храме облачаются в золотые и серебряные парчи! И самое слово торжественное: «облачение», а не одевание... Знак будущей славы вечной, Божественной!

Но и этого еще мало: «Вступая в служение Богу и *облекаясь в оружия Божия* (священные одежды) (Ср.: Еф. 6, 11), я чрез то объявляю войну диаволу, врагу Божию, мнящему, яко область земли, воздуха и воды есть его область, а не Божия, и запинаящему меня в произношении слов молитвы, хвалы и благодарения Богу. Но да победит вселукавого и всезлобного диавола бесконечная благодать и правда Божия! И да защитит меня, немощного и грешного, от козней его, от насилия его, от смущения и тесноты его!»

«Без Бога я — ничтожество; хуже: всякое зло»; но он мог говорить с Апостолом: *Все могу* с помощью *Иисуса* (Ср.: Флп. 4, 13)».

«Будь же смел, решителен на всякое добро... *Вся возможна верующему* (Мк. 9, 23)».

Это — слова не ослабевшего духом грешника, а дерзновение *сонаследника Христова* (Ср.: Рим. 8, 17; Гал. 4, 7). С дерзновенной радостью он приступал и к Литургии.

10. Оглавление Литургии — проскомидия

Начинается служба.

По установившемся воззрению отец Иоанн делит Литургию на три части: проскомидию, Литургию оглашенных и Литургию верных. Впрочем, про первую он говорит мало, а про «оглашенных» еще менее. Первое объясняется тем, что проскомидия есть часть собственно приготовительная, и притом тайно совершаемая свя-

щенником; а на Литургии оглашенных он, свободный сын Господа, уже весь отдается радости любви «верных».

Что переживал отец Иоанн, это вполне знает лишь один Бог да он сам. Дневник его лишь — слабый отзвук его силы, зарницы далеких молний и громов, отсвет его пламенного горения. Он сам говорит, что особый «слух сердца нужен при слушании Слова Божия и Божественной службы, особенно — Божественной литургии, и любомудрствующий ум». И притом у каждого — свое: «На молитве должна быть у каждого молящегося своя живая мысль, свое теплое чувство».

Но все же основные мысли и настроения даются самим ходом Литургии. И потому должно напрягать все внимание, чтобы сливаться с Церковью в ее «премудром, прекрасном, Божественном строе» Богослужения.

«Вообще, — говорит отец Иоанн, — все обряды, священнодействия и молитвы на Литургии требуют внимания и смысла очищенного, духа бодрого и горящего верою и любовью: ибо все это священнослужение есть Божия премудрость. В такое краткое время и в таком малом пространстве воспоминается столько величайших событий, совершившихся в разное время, в разных местах! Тут нужно каждую секунду следить взором, слухом, мыслию, сердцем за каждым словом, действием и обрядом, чтобы ничего не проронить, ни пропустить без внимания, получения, назидания. Да, Литургия требует души

любомудрой, предочищенной, не связанной житейскими пристрастиями и попечениями, устремленной горé! *Горé имеем сердца!*¹ Что ты думаешь о пустяках, стоя во время сей небесной Божественной литургии? Зачем занимают твою душу наряды, головной убор, золотые украшения, житейские расчеты? Представь Богу в это время душу, украшенную верою, целомудрием, кротостию, смирением, милосердием, бесстрастием, любомудрием! Вот одеяние твое! Вот злато твое, приятное Богу!»

И сам он всецело отдавался Ему: с первого же момента отец Иоанн вступал в прямое общение с иным миром. И тут сразу обращала его внимание одна особенность, которую мы, простые богомольцы, точно не замечаем, по привычке к ней, а также вследствие поверхностности нашей молитвы, а его живой душе она много говорила: «Почему в форме диалога (разговора, беседы) составлены все наши службы? Тут — премудрость Божия... *Чтый да разумеет* (Мк. 13, 14)! Все молитвы и песнопения во славу Господа, Богородицы, святых Ангелов и святых обращены всегда во втором лице: ты, вы — потому что образуют как бы взаимную беседу одного с другим, или нескольких лиц с Богом, Богоматерью, святым Ангелом... со святым угодником или с целым ликом их; и предполагают необходимо их внемлющими нам, присутствующими с нами, или — в Боге весьма

¹ Возглас священника перед анафорой (евхаристической молитвой).

близкими к нам. А это должно всегда внушать нам... что мы должны всегда молиться, славословить или благодарить, просить с верою (в простоте сердца) в близость их, в благость их, благоуветливость¹, скоропослушество, — с чистым сердцем, со страхом Божиим, с упованием и любовью, с сердечным вниманием и усердием, с искренним покаянием в наших бесчисленных грехопадениях».

Это «ты» и «мы» говорит о непосредственном присутствии среди нас Самого Спасителя: «Господь сказал: *Где двое или трое собрались во имя Мое, там Я — посреди их* (Ср.: Мф. 18, 20). Значит, если бы только двое служили утреню, обедню или вечерню и никого больше не было, — и тогда несомненно был бы Господь среди их по неложному обещанию Его Самого».

Даже если бы и один священник служил, — как сейчас это увидим, — то опять он не один...

«К соучастию в служении Литургии призываются на проskomидии и в Литургии все святые, начиная с Божией Матери. Со священником участвуют в служении все святые и все Ангелы...»

Вот уже он никогда не один! Между тем, проskomидию обычно священник совершает ранее Литургии и часов в видимом одиночестве. И затворники, совершавшие многие годы Литургии уединенно, были не одни, а в полноте церковной: невидимо были с ними Ангелы и святые;

¹ Благоуветие — снисходительность; благоуветливый — сговорчивый (ц.-сл.). — Ред.

а духом они стояли и с теми, за кого молились. Таковы — епископ Феофан Затворник¹, схииеромонах Парфений Киевский² и иные.

И взору отца Иоанна сразу же открывалось все величие предстоящей Литургии. Для него проскомидия не была простым лишь приготовлением к ней, а зерном, из которого потом развернется вся служба: «Проскомидия есть как бы оглавление Литургии, синопсис (образ), сокращение всего».

«Величие, святость, животворность, безмерная обширность Страшной Жертвы Христовой открывается уже из содержания первой части Литургии — проскомидии, на которой готовится вещество Таинства Евхаристии, хлеб и вино, или Агнец Божий, *присно закаляющийся*³ за грехи всего мира и в Благодарственную Жертву за всех святых».

«Сам Агнец в виде части хлеба зрится и предлагается; и искупленные Кровию Его люди на проскомидии воспоминаются под образом частей хлеба, изъятых из просфор; чем показывается единство человеческого естества с Божественным, неслитно соединенного в Иисусе Христе и в нас, причастниках Его: *Ядый Мою Плоть, и пияй Мою Кровь, во Мне пребывает, и Аз в нем* (Ин. 6, 56). *Прилепляйся Господеву, един дух есть с Господем* (1 Кор. 6, 17)».

¹ Свт. Феофан, Затворник Вышенский (Говоров; †1894). — *Ред.*

² Парфений Киево-Печерский (Краснопевцев; †1855). В 1993 году Украинской Православной Церковью причислен к лику святых в чине преподобных. — *Ред.*

³ Ср.: Тропарь 1-й, песня 9-я, канон ко Святому Причащению.

Отец Иоанн уже сразу предощутил все основные блага Евхаристии, а особенно — главное: блаженное общение, единство всех искупленных, всей Церкви Христовой.

«Изъемя частицы в честь Божией Матери и святых, потом — живых и умерших», — что обыкновенно делается на проскомидии (хотя в древности главное место этому было после пресуществления Святых Даров), — «помни: какая тесная связь находится между Господом и святыми Его, между Ним и благочестно живущими на земле и умершими в вере и благочестии. Помни, какая тесная связь между нами и святыми и умершими во Христе; и всех возлюби как членов Господа и своих членов».

И отец Иоанн заповедует «вынимать частицы и произносить имена непременно с сердечною любовью».

Дальше он в своих записках перечисляет в порядке, как вынимаются частицы за святых и за живых и умерших... И потом восклицает, будто уже совершилось — или предзрелось — искупление и спасение их: «Какая Великая Жертва Божия! Сколь она безмерна, обширна! Сколь она многих искупила, сколь грехов покрыла, сколько душ оживотворила, обновила, осветила, укрепила в борьбе с грехами, с искушениями, с врагами плотскими и бесплотными! Сколько душ обожила, онебесила, облагоухала, обестленила, обессмертила, прославила! За сколь бесчисленное множество душ, живущих на земле, уже умерших людей она приносится во умило-

тивление Господа Бога, в ходатайство о помиловании и прощении их или о благоденствии, здравии и спасении их! Какая обширность безмерная! Сколь безмерная любовь, на бесчисленное множество людей живущих и умерших искупительно распространяющаяся; врачующая, просвещающая, обожаящая Чудная Жертва! Истинно — Божественная Жертва! А мы, иереи, так вообще плотолюбивы, ленивы, грешны, нечисты... *О Царю Небесный!.. Прииди и вселися в ны, и очисти ны от всякия скверны*¹, чтобы достойно, чистым сердцем, горним умом и духом совершать столь великое Таинство!»

Батюшка уже на проскомидии жил литургийными переживаниями. А мы торопимся, сокращаем время, механически вынимаем частицы из просфор; сами не читаем имен поминаний, а поручаем другим, не слушая — о ком изъедем частицы. Оттого, конечно, нам и «скучно»; оттого и торопимся...

Между тем, изъятие частиц за живых и усопших, — как мы видели уже раньше, — отец Иоанн, вслед за всей Церковью, ставит выше, ценнее, спасительнее, благотворнее, чем даже молитвы о них. И притом — для обеих сторон благотворнее; ибо через Агнца Божия мы соединяемся с поминаемыми существеннее, чем чрез наши моления о них.

«Молясь... и особенно давая вынимать частицы за здравие и спасение и за упокой», вы «сообщаетесь на проскомидии и Литургии» со всеми.

¹ Молитва Святому Духу.

Так же заповедал и Оптинский старец, святой и мудрый Макарий¹. Так верует и простой народ: подать «просфорочку» он справедливо почитает важнее холодного упоминания диаконом на ектении; «вынуть частичку» — дороже и архиерейской молитвы; ибо она в свое время опустится в «Кровь Агнчую» с молитвою *Отмый, Господи, грехи поминавшихся zde Честною Твоею Кровию, молитвами святых*². Вот эти молитвы — Богоматери и святых — ценны, потому они и упоминаются; а помолятся святые потому, что они в виде частей лежат рядом с поминаемыми живыми и умершими. Они — близкие, едино... Но и все же сначала не о них сказано, а *отмый Сам, Господи, поминавшихся zde Честною Твоею Кровию*.

11. В Царстве Славы

Литургия оглашенных... Священник в алтаре, то есть у престола Божия, произносит: *Благословенно Царство Отца и Сына и Святаго Духа*. Люди отвечают: *Аминь*, истинно!

Какие чувства сразу овладевали его душой? «Прежде всего», — пишет Батюшка, — вообще, «в Богослужении нашей Церкви слышится частое и многократное прославление имени Святой Троицы в кратких славословиях в начале и в продолжение каждой службы: ибо подоба-

¹ Прп. Макарий Оптинский (†1860). — *Ред.*

² Молитва священника после причащения мирян (при погружении в Потир частиц, вынутых из просфор).

ет Триипостасному Богу нашему всякая слава, честь и поклонение; ибо Он все создал единым хотением и Словом Своим ради славы имени Своего; и все дела Его в мире и в Царстве благодати достойны всякой славы, всякого благодарения и благоговения разумных человеков. Потому, что Бог в существе Своем благословен, или есть *Бог славы* (Пс. 28, 3; Деян. 7, 2) неизреченной, есть Вечная, Неприступная, Животворящая, Страшная Слава; потому, что во всех творениях Его выразилась, открылась чудная слава, величие и велелепие... и потому, что в начале творения явился великий отступник и дерзкий хули- тель имени и славы Божией, оклеветывающий непрестанно Господа день и ночь, измысливший грех и беззаконие... грех, это ужасное смертонос- ное действие и явление в мире духовном; грех, коим непрестанно хулится вечно славное имя Божие. Вот вопреки этому диавольскому ху- лению имени Божия Святая Церковь, которая сама на земле есть чудное дело славы Божией и провозвестница славных дел Его в творении, промышленности и искуплении, — непрестанно славит Господа достойно и праведно; да загра- дит тем богохульные скверные уста диавола и нечестивых человеков, хулящих непрестанно и делами и словами имя Божие. Вот почему сла- вится часто или прославляется имя Божие, или Царство Божественной Троицы. Аминь! Слава Богу! И мы должны славить Бога непрестанно, не только словами, но особенно — делами благи- ми. *Да святится имя Твое* (Мф. 6, 9)!»

Но «в чем проявилась особенно слава Пресвятой Троицы, Отца и Сына и Святого Духа? В человеке, созданном *по образу и подобию Божию* (Ср. Быт. 1, 26, 27), и в искуплении человека воплощением Сына Божия. Еще она явилась и является особенно ярко в святых Божиих человеках; она проявляется и в каждом человеке: в промышленности, зашищении, миловании, очищении, освящении, долготерпении и в различных бесчисленных чудесах, совершенных Богом для человеков... или человеками Божиими».

Много здесь мыслей... Нужно вдумываться... А самое главное: Бог есть — *Бог славы* (Пс. 28, 3; Деян. 7, 2) «по существу».

...Затем — Литургия есть служба благодарственно-искупительная, — потому и достойно — начинать с прославления. И другие мысли — значительны и поучительны. И ты, всякий человек, начинай Литургию не с просьб... Подожди: успеешь... Теперь, ради твоей немощи, Церковь перенесла прошения, ектении к началу службы. Но хоть первый вздох молитвенный, первый взор в Богослужении отдай Тому, Кто слишком много уже дал и еще даст и у Кого ты сейчас же будешь опять просить.

А перед этим немного еще и задумайся: кто ты? Каков ты? Может быть, тогда не станешь так просить, как будто уже заслуживший? Может быть, как мытарь, и славословить-то не сможешь (См.: Лк. 18, 10–14)? Отец Иоанн советует задуматься над этим: «Литургия начинается словами *Благословенно Царство Отца и Сына*

и Святаго Духа. Идучи в храм, как в Царство Божие, прежде всего принесите Богу покаяние в грехах своих; ибо в Царство Божие *не войдет ничто скверное или нечистое*» (Ср.: Откр. 21, 27; Еф. 5, 5).

Но, с другой стороны, открой сердце и для радости.

«Благословенно Царство... Мы составляем благодатное Царство Божие, Царство Иисуса Христа, Царство Небесное, блаженное, в коем должна царствовать правда, милость, святость, мир, духовная свобода, — также вера, надежда и любовь. Какое возвышенное и горé возводящее душу верующих начало Литургии!»

И сам Батюшка больше всех восторгался ею с самого начала службы, как огонь, запаленный мгновенною искрою.

«Смотри: как снисходительно и страшно, и дивно, ужасно приближается к нам Царствие Божие! *Благословенно Царство...* Чу! На земле Царство Божие... О радость, о восторг, о удивление! Какое это Царство? — Божие, — Церковь Иисуса Христа».

Наконец, в слове «Царство» отец Иоанн усматривает еще мысль об управителях его: «Через Святейший Синод (или Высшее Церковное Управление) от Самого Господа исходит освящение на всю Россию — чрез избрание, наречение и посвящение епископов, а чрез посвящение епископами — на священнослужителей и церковнослужителей; священнодействуются все службы и Таинства церковные; совершается духовное уп-

равление верующими как членами духовного, благодатного Царства Христова: *Благословенно Царство!*.. И непрестанно возвещается слово Божие... То есть, кратко: всем в Церкви правит, царствует Сам Бог в Троице; *все от Него и Им, и для Него* (Ср.: 1 Кор. 8, 6)! И церковные начальники — Его орудия!»

Так уже один первый возглас Литургии, одно это «заглавие ее, показывает, что Богослужение это будет состоять преимущественно — в славословии Бога».

Сколько у него мыслей по поводу двух лишь этих слов — *Благословенно Царство!* Какое богатство духа! Воистину великий богослужитель был отец Иоанн. С самого же начала Литургии он был уже напряжен, как бы заряжен силой духовной: он витал уже в Царстве Славы.

«Вступив в храм, — говорит он, — вы слышите» (да, он слышал!) «непрестанно славословие и благодарение Богу: *Тебе славу возсылаем, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков.* И действительно, верующим в Иисуса Христа обещана жизнь вечная. И дается им эта вечная жизнь! И они, начав славословить Вечного Бога здесь, на земле, будут прославлять Его достойно и праведно в бесконечные веки; ибо смерть их будет только сном, во время которого душа будет жива и после которого она вечно будет славить Иисуса Христа, купно со Отцем и Духом Святым, поправшего смерть нашу Смертью Своею. *Жива будет душа моя и восхвалит Тя, и судьбы Твоя помогут мне!*» — за-

канчивает это излияние Батюшка словами царя (Пс. 118, 175).

Слава Отцу и Сыну и Святому Духу — это «должная дань наша Богу в Троице, Которого слава есть неотъемлемая принадлежность и свойство: ибо Он есть *Бог славы* (Пс. 28, 3; Деян. 7, 2)».

«*Слава Отцу и Сыну и Святому Духу!* Где слава сия? Прежде всего — в нас, в нашем сотворении, промышленности о нас, а наипаче — искуплении: в непрестанном очищении наших грехов и разрешении греховных уз; освящении, упокоении и укреплении душ, возмущаемых и расслабляемых непрестанными грехами; в просвещении наших душ, непрестанно омрачаемых грехами; в исцелении наших немощей и болезней, в благодатной помощи в делах наших, в благоустройстве нашей жизни. Далее — в прозябании множества плодов земных и довольствовании ими бесчисленного множества тварей; в благорастворении воздуха; в мире и тишине народа; в обличении ересей и расколов и посрамлении их. Наипаче слава Божия проявляется в Святой Церкви: в заступлении верных Богоблагодатною Богородицею Мариною, в Божественных Тайнах, в святых угодниках Божиих, в чудотворных святых иконах и мощах и бесчисленных проявлениях сверхъестественной силы, суда и милости Божией в Церкви Православной. *Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков. Аминь!*» — Чем начал, тем опять и заканчивает славословец Божий славу Бога уже не в существе Его, а в действиях.

«Славя Святую Троицу в этой жизни, тем более, с большею истиною в сердце и с большим восторгом будем прославлять Ее за рубежом этой краткой суетной жизни, — в жизни будущей, вечной...» Он уже верил, что «будет» там...

Но «слава Богу, даровавшему нам общение с Собою» уже и здесь, — «в молитве, славословии и благодарении Его!» — Так чувствовал Батюшка.

Ту же славу внушает нам Церковь в так называемых «возгласах», то есть заключительных концах молитв, в особенности — после всех ектений.

«Чему нас учит Святая Церковь краткими возгласами, или славословиями, например: *Яко Твоя держава и Твое есть Царство и сила и слава!.. Яко подобает Тебе всякая слава, честь и поклонение... Яко Бог милости, щедрот и человеколюбия еси... Яко благословися имя Твое, и прославися Царство Твое, Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно и во веки веков?* Они внушают нам высокие помыслы о бесконечном могуществе и величии Божиим, о бесконечной благодати и милости Божией, — и о вечном Царстве Божиим; — для того, чтобы мы несомненно надеялись на получение Его милости и здесь, и в вечной жизни, употребляя внешнюю жизнь как средство, как поприще и как ратоборное место для снискания наград от Бога в будущей жизни».

Даже эти два слова *во веки веков* не проходят мимо его живой души: они «значат, что Церковь, начавшись и продолжаясь во времени, будет

служить Ему и в вечности», то есть будет славить Бога без конца.

Благословенное Царство Пресвятой Троицы, Отца и Сына и Святого Духа, здесь только началось, открылось для нас; но оно уже никогда не кончится для... сподобившихся его...

А самое частое упоминание Лиц Пресвятой Троицы, что мы постоянно слышим, — делается «для того, чтобы приблизить эти имена к умам и сердцам верующих», так сказать, сроднить с ними душу, вселить их в самую глубину духа, сделать их основой всего, — как это и есть воистину: «Во всякой службе славим Отца и Сына и Святого Духа многократно... потому, что от Святой Троицы произыде Альфа и Омега», то есть все, «Святою Троицею живем и движемся и существуем (Деян. 17, 28); и Ею совершаем всякую добродетель», «Ею соделались святыми и прославились все святые; Ею совершены все великие и сверхъестественные дела в Церкви... все великие дела в мире; сотворение самого мира и человеческого рода; и чудесное восстановление и обновление человек чрез сверхъестественное воплощение Сына Божия...» И в таком славном состоянии отец Иоанн служит всю Литургию, постепенно возрастая в духе восторга, вслед за Церковью.

Он был ее выразителем и глашатаем. Когда читаешь его описания служб, то поражаешься именно этим: как он мог держаться постоянно на такой высоте?! Дивное дело! Для нас совершенно невыносимое, непосильное; а для него

это было — уже естественным... Поистине он приближался к ангелоподобному состоянию, к непрерывной хвале Богу.. И потому снова скажем: если бы мы не знали ничего о чудесах его, о молитвах, о подвигах, добродетелях, а знали бы лишь эту одну особенность его духа — благодарение, хвалу, славословие, дерзновение, радость, восторг, восхищение, то мы обязаны были бы сказать: «Да, поистине это угодник Божий, святой человек!»

Впрочем, таково было основное настроение у него, господствующий тон. Но к этому присоединялись потом уже и другие переживания его.

«Службы церковные, — пишет он, — своим ходом и содержанием молитв, чтений и песнопений внушают глубокую благодарность к Богу и взаимное общение и любовь друг к другу, — кто бы другой этот ни был, — и сознание наших бесчисленных согрешений, непрестанное покаяние в них».

Так, помимо хвалы он переживает еще благодарность, любовь, покаяние. Нужно добавить: и упование, надежду на милость Божию. Мы уже видели, как сильно говорит он о «несомненной надежде». Он-то уже больше всех нас жил ею. Ею и чудеса творил. Да о ней и сама Церковь в первом же звуке прошений сразу будет говорить: *Миром Господу помолимся*, то есть в мирном настроении духа. Этот первый возглас священнослужителя, как и возглас *Мир всем*, внушает предстоящим в храме, что Церковь Христова —

царство мира, спокойствия, тишины, упокоения в Духе Божиим.

Вот каковы настроения, в коих и подобает держаться за Литургией: слава, благодарение, любовь, покаяние и надежда. Эти же именно чувства выражаются и в псалмах, употребляемых Церковью на Литургии. Первые из них, так называемые «антифонные», то есть певшиеся попеременно по стихам на клиросах, — преимущественно хвалебные: *Благослови, душе моя, Господа!* (Пс. 102, 1, 2, 22; 103, 1, 35) и *Хвали, душе моя, Господа!* (Пс. 145, 1.)

Но в псалмах почти неизменно наряду с словословиями и благодарением содержатся чувства и покаяния, и молитвенные вопли о помиловании, и надежда на милосердие и помощь Божии.

Почему употребляются на службах псалмы Давидовы? — спрашивает Батюшка. — «Потому что они — превосходное руководство к молитве и прославлению Бога; потому что они — вещания Духа Святого и прекрасно способствуют исполняться нам Духом Святым; потому что они служат подтверждением истины нашей веры, содержа многие пророчества о *Начальнике* нашей веры, Господе *Иисусе* Христе (Ср.: Евр. 12, 2)». «Что предсказано в Ветхом Завете, исполнилось в Новом... Оттого и антифоны. Глубокая премудрость христианской веры и Богослужения! Глубокая непреложная истина!» «Как жилы и кости — в теле, так псалмы проходят во всем Богослужении, составляют его основу, связыва-

ют... пророческое с апостольским и святоотеческим», то есть с новозаветным церковным творчеством.

Но есть и более простая, историческая причина: «Богослужение иудейской Церкви устроено было по образу, показанному от Бога на горе; и в нашу Церковь многое вошло из ветхозаветной Церкви, потому что та и другая — одна».

«Обширно было употребление псалмов боговдохновенных! Они... вошли в обширное употребление при Богослужении у всех христианских народов, особенно — православных христиан. Псалмы богословствуют, пророчествуют, прославляют и благодарят Бога, утешают верные души, учат покаянию, молитве, терпению, великодушию и мужеству, правде и святине, милосердию, незлобию, кротости и смирению, упованию на Бога».

Так «все — последовательно, верно, премудро идет от начала мира до ныне. Все исполнилось или исполнится. Чудный домострой!.. Верно исполнится и все прочее: и пришествие антихриста и Пришествие Христово»; когда «при кончине мира Ангел возгласит: “Совершишася” (См.: Откр. 16, 17). И будет конец всему!»

Вот почему «весьма часто изречения псалмов» — «в устах мучеников и мучениц, иерархов, преподобных, да и самих апостолов; даже — в устах Самого Ипостасного Слова — Господа Иисуса Христа».

Поэтому они и на Литургии — и в начале, и «точно перевязь — во все течение ее, и в кон-

це ее Церковь снова еще раз зовет: *Благословлю Господа на всякое время. Выну хвала Его во устех моих! О Господе похвалится душа моя!* (Пс. 33, 2–3)».

12. Нужные молитвы

Господу помолимся, — приглашает диакон или священник вслед за возгласом о Царстве Троицы.

Но прежде чем говорить о том, о чем будем молиться, Батюшка учит тому, как молиться, чтобы надеяться на успех наших молитв: «В Богослужении указываются нам Церковию предметы или нужды, о коих мы должны молить милосердие Божие с несомненною надеждою на получение их, потому что мы просим о имени Господа Иисуса Христа, сказавшего: *еже аще что просите от Отца во имя Мое, то сотворю, да прославится Отец в Сыне* (Ин. 14, 13)».

«Если просишь чего у Отца Небесного или совершаешь что-либо о имени Господа нашего Иисуса Христа, то Отец Небесный о имени Своего возлюбленного Сына все подаст тебе в Духе Святом, если ты творишь заповеди Его, — а в Таинствах — и вовсе невзирая на твое недостойнство. Где употребляется с верою имя Божие, там оно созидает силы: ибо самое имя Божие есть сила!» Таково первое условие успеха.

Второе условие успеха — единение в молитве: «Господь любит и слушает более молитвы, когда мы не в одиночку и не от себя лишь,

и не о себе одних молимся, а вместе, от всех и за всех».

«В Богослужении нашей Православной Церкви клир и народ, или священнослужители и народ, представляются как одно — *одно сердце и одна душа* (Деян. 4, 32)... Священник и диакон возбуждают к молитве, прославлению, благодарению Бога и святых Его; миряне молятся, прославляют, благодарят вместе с священнослужителями. Вот это единение нужно иметь постоянно в виду при Богослужении, к нему... поуждаться и поощрять».

«Чего соединенными силами не испросим у Бога? — Все!»

«Скоро слышит Бог молитву двоих или троих молящихся от сердца вместе. Опыт».

Так Церковь и делает: приглашает священнослужитель — ему отвечают миряне; он начинает — они кончают. И чрез это уже совершается общение: «Форма общественного Богослужения есть форма разговорная (диалог), выражающая общительность и единомушие клира и мирян. У первых христиан — пастырей и паствы — *были сердце и душа едины* (Ср.: Деян. 4, 32). Это единомушие выражалось как в жизни — во взаимной любви, в общении имений, в страдании за веру, — так и в Богослужении. Хорошо, если бы и ныне Богослужение выражало единение клира и мирян».

Вот как подобает молиться: во имя Сына Божия и в братской любви друг к другу. Тогда можем иметь несомненную надежду... «А иначе?

Иначе не послушает нас Господь. Если я не люблю других, как могу просить себе любви у Бога? А ведь всякое прошение рассчитывает на благоволение, на дар, на благодать, то есть на любовь... И еще важнее: если бы — не Ходатай Сын Божий, то наши молитвы были бы бесплодны, особенно — о спасении душ...» У пророка Иеремии есть прекрасное образное выражение. Бог так говорит еврейскому народу чрез пророка: *И будет вождь его (Израиля) из него самого... И Я приближу его, и он приступит ко Мне: ибо кто отважится сам собою приблизиться ко Мне?* (Иер. 30, 21). Вождь — *Един Ходатай* (1 Тим. 2, 5), а в Нем — все.

Приступая к объяснению великой ектении, отец Иоанн отмечает, что в ней «все члены Христовы (Ср.: Рим. 12, 5; 1 Кор. 6, 15; 12, 12, 27; Еф. 4, 25; 5, 30), все равны пред Богом: царь и воин, богатый и бедный, вельможа и простолюдин; Бог смотрит не на лицо, а на сердце, ибо оно одно — человек».

Тем более — нужно молиться от лица всех и за всех, что начинающиеся сейчас прошения ектении касаются преимущественно всех, хотя относятся и к каждому в отдельности.

О чем же «помолимся» с самого начала?

О том, «что нам нужнее, необходимее всего в жизни по благодати и по естеству... Например, просим в ектениях *мира свыше и спасения душ наших, мира всему миру, соединения Церквам, благочестия и святости*» иерархии начальствующей, «*епископству, пресвитерству, диаконству,*

причту и всем людям; благопоспешества» государству и правительству; «благорастворения воздуха и изобилия плодов земных»¹.

«Или: дня всего совершенна, мирна и безгрешна; Ангела мирна, хранителя душ и телес; прощения и оставления грехов; добраго и полезнаго душам; в мире и покаянии скончати прочее время живота нашего; христианския кончины»²... Все это крайне необходимо для всех нас». Потому об этом мы и «просим у Господа чаще и настоятельнее», — на протяжении всей службы, в разных частях ее. И уж из этой общности в нуждах, — говорит Батюшка, — «вы выносите сознание единства всех людей, наипаче всех христиан православных... и научаетесь любить друг друга».

«И в каждой части» Богослужения «довольно пищи для души, для ума и для сердца, и для деятельной силы»: «ектении, молитвы, песнопения, чтения из книг Ветхого и Нового Завета, — неистощимое сокровище для ума высокого; сердца прямого, благородного, верующего, уповающего, любящего; для воли деятельной, энергичной, предприимчивой. Эти ектении — Божественные ектении, Богом вдохновенные!» «Благодарение Господу, умудрившему тако святых апостолов и святых отец Духом Святым, — составить такие прекрасные молитвы и моления, для всей Церкви, для всего общества верных». «Всякою молитвою и молением прошения ваша

¹ Прошения великой ектении.

² Прошения просительной ектении.

да сказуются Богу (Флп. 4, 6). Эти слова апостола Павла исполняются донине в общественном Богослужении — и в частном. Первые христиане *бяху выну в церкви, хваляще и благословяще Бога* (Лк. 24, 53). И у нас та же хвала и славословие».

В ектениях «дышит любовь чистая, святая, всеобъемлющая, разум Божий; в них обозначены все наши действительные нужды, все прошения обо всех и обо всем, все благодарные чувства. В этих молитвах, тайно или вслух читаемых священником, также дышит любовь Божия, тот же ум Божий». Так, следовательно, Батюшка придавал большое значение ектениям, именно потому, что в них просим о необходимом для всех и просим единодушно, в любви. Каждое прошение сопровождается пением народом или ликом от лица народа: *Господи, помилуй!* или *Поддай, Господи! Тебе, Господи.*

Как часто Батюшка возвращается к этим двум словам, к этой кратчайшей из всех молитв!

«Частое возгласение: *Господи, помилуй; Поддай, Господи; Тебе, Господи* — напоминает, во-первых, о том, что все мы стоим пред лицом Господа, внимающего нашим молениям; во-вторых, о том, что мы рабы Его, долженствующие исполнять волю Его, но непрестанно преступающие ее и заслуживающие строгого наказания».

«Почему часто поем: *Господи, помилуй?* — Потому что мы — существа падшие, непрестанно согрешающие и прогневающие своего Господа; и потому достойны всякого осуждения

и наказания — во всякое время. И все блага, которые имеем и которых просим, имеем по милости Божией, а не по делам и заслугам нашим; и просим как милости Божией, а не как должного или принадлежащего нам по праву. Таким образом эта краткая молитва учит непрестанному самоосуждению, покаянию, смирению, исправлению, упованию на милость Божию, милосердию к ближним, памятованию о праведном Суде Божиим и мздовоздаянии по делам каждого из нас».

«Молитва *Поддай, Господи* внушает нам также, что мы решительно ничего своего не имеем, кроме множества грехов; а все получаем от Бога, туне, даром, по милости Его; и потому должны смиренно просить Его о всех своих нуждах, а за полученное благо — немедленно благодарить! А слова *Тебе, Господи...* внушают нам всегдашнюю и совершенную преданность Иисусу Христу во всей жизни нашей, во всех нуждах, искушениях, лишениях, обидах от людей».

«Молитва *Господи, помилуй* — есть сердечный вопль кающихся грешников, просящих милости от Господа... *Господи, помилуй* научает непрестанному покаянию; так как мы и грешим непрестанно». «Она бьет в нашу греховность... бьет в нашу гордость и вызывает в размышляющих чувство смирения, которое есть основание христианских добродетелей. Эта краткая молитва есть самая нужная для всякого грешника, как пища и питье его, как врачевство его. Она — дыхание души его».

«Краткая молитва *Господи, помилуй* и *Подай, Господи* напоминает нам нашу всегдашнюю виновность пред Господом по причине непрестанных согрешений вольных и невольных, нужду в непрестанном покаянии; напоминает нам нашу *нищету* душевную, *окаянство*, *бедность*, *наготу* (Ср.: Откр. 3, 17), — и непрестанную нужду в милости и помощи Божией. Это — самые необходимые молитвы, столь же необходимые для нас, как дыхание для тела, оттого часто и употребляются».

«Господи, помилуй! Мы — грешники великие!.. Поэтому и взываем часто... о помиловании».

И отец Иоанн делает даже такой общий вывод: «Кто часто и от сердца говорит: “Господи, помилуй!”, тот, значит, жив и здоров духом; а кто не говорит или стыдится говорить эту краткую молитву, тот мертв или смертельно болен. Велика эта молитва и крайне необходима грешнику!.. Она есть служение покаяния».

«Этим покаянием, этим смирением, этим взыванием к Богу о помиловании мы отличаемся от демонов, или злых духов; которые, согрешив и согрешая без числа, не допускают и мысли о покаянии, по своей гордыне и злобе, и не могут говорить: “Господи, помилуй!” Что скажут на это» те, «которые глумятся иногда над Богослужением нашей Святой Церкви за то, что в ней то и дело слышится: *Господи, помилуй* да — *Подай, Господи!* Они забывают, что они — грешники *окаянные*, *бедные*, *нищие*, *слепые*, *нагие*

(Ср.: Откр. 3, 17); и потому имеют крайнюю нужду в Божией милости, в Божиих дарованиях».

В заключение, «в ектениях великой и малой мы слышим всегда возношение: *Пресвятую, Пречистую, Преблагословенную, Славную Владычицу нашу Богородицу и Приснодеву Марию, со всеми святыми помянувшие, сами себе и друг друга, и весь живот наш Христу Богу предадим*». Что значит это частое напоминание верным? «Для чего мы непрестанно восхваляем... Пренепорочную Владычицу Богородицу?»

Батюшка на это дает несколько ответов.

Прежде всего. «Это напоминание Церковь повторяет вслух нам для того, чтобы мы помнили святое, великое, Божественное сочленение Церкви Божией», — Царства Троицы, «небесной и земной, торжествующей на Небеси и воинствующей на земле, тесную связь той и другой, всегдашнюю близость к нам и готовность во всем нам помогать... чтобы дорожили этим счастьем быть членами такой Церкви... чтобы помнили близость к нам Всеблагой и Всемощной *Главы Церкви* — Господа нашего (Ср.: Еф. 1, 10; 4, 15; 5, 23; Кол. 1, 18)». «Познайте из этого, — увещевает отец Иоанн, — близкое ваше сродство со всеми людьми, особенно с христианами православными, ваше сродство со всеми святыми, со всеми небожителями и с Самим Главою — Господом Иисусом Христом, *приискренне¹ приобщившимся нашей плоти и крови* (Ср.: Евр. 2, 14)».

¹ То есть теснейшим образом и по Своему благоволению.

Таково первое чувство, вызываемое у Батюшки. Далее — это предание себя воле Христа — «естественнее нам»: *«Христу Богу предадим, ибо нам, грешникам, естественнее всего и необходимее предавать себя Господу со всеми своими немощами и всякими нуждами, яко благ и человеколюбец Бог. Ибо Бог по благодати и человеколюбию и хочет, и силен удовлетворить все наши нужды и очистить всякие грехи, при ходатайстве пролиянной за нас Крови Сына Божия на Кресте, страдания Его, при ходатайстве Божией Матери и всех святых...»* Да, грешники на свои молитвы особой надежды иметь не могут — лучше предаться на заступление великих заступников и Самого Ходатая, во имя Коего Отец обещал исполнить всякое прошение: *Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Нем, то есть к Нему собственно, а уж чрез Него ко всем Мое благоволение* (Ср.: Мф. 17, 5).

Затем: *предавая «себя и друг друга во всем — в скорбях и радостях, в грехах и в правде или добродетели, в искушениях и напастях», «с успехами и неудачами, обидами со стороны ближних или расположением их, со всеми помышлениями, чувствами, намерениями, предприятиями, словами и делами» на Главу нашу, за молитвы Богородицы и святых, мы должны успокаиваться, как дети, отдавшие себя на руки родителей.*

Такие у нас заступники, таков *Един Ходатай* (1 Тим. 2, 5).

Наконец — «да памятуем, что мы и сами должны быть святы, — и стараться всеми мерами быть такими, избегая греха во всех ви-

дах его и домогаясь святости»; ибо «все святые, как и мы, — члены тела Церкви (Ср.: Рим. 12, 5; 1 Кор. 6, 15; 12, 12, 27; Еф. 4, 25; 5, 30), коей Глава — Христос (Еф. 5, 23; Кол. 1, 18)». Иначе мы не только не примем просимого, — но даже изымаем сами себя из этого святого «сочленения», становимся ему чужими, а потому — и «предавать» не имеем права. Однако упоминание Батюшки, что даже «и в грехах» нужно предавать себя Христу Богу, утешает и ободряет всякого из нас: когда уж человек сам не может справиться с ними, пусть он просит Пресвятую и святых помочь ему ходатайством пред Спасителем, а Он — силен найти пути спасения грешнику, особенно за молитвы таких заступников... Но лучше бы жить свято: лучше бы хоть «стараться жить достойно такого родства — святого, нетленного, вечного».

И в особенности, — как это у отца Иоанна постоянно, — он убеждает любить друг друга, своих со-членов, ибо это значит — любить свое тело, себя самого: «*Любите искренно друг друга* (Ин. 13, 34; 15, 12, 17), друг другу вспомоществуйте, снисходите, терпите, друг друга подвизайте к добрым делам»; в частности, — добавляет нам всем Батюшка в объяснение этого предания Богу, — «не станем мстить за себя; не будем худо думать о ближних, ибо помышления наши погрешительны, лукавы». Все — предадим Христу: *Господь один испытует сердца и утробы* (Ср.: Пс. 7, 10; Иер. 11, 20; 17, 10; Откр. 2, 23).

Но как все у отца Иоанна ведет к восхищению! Даже прошения заканчиваются подъемом духа: «Эти слова *Пресвятую, Пречистую, Преблагословенную* и так далее чрезвычайно важны, возвышенны и многосодержательны для всякого истинно православного христианина — они поднимают его дух, дают ему несокрушимую надежду на Бога, крепость и силу и убеждают жить свято».

Ектении заканчиваются возгласами священника.

Кто на них обращает внимание! Нередко и сами священники произносят их механически. Тем более, что все возгласы являются лишь заключительными концами тайных молитв, читаемых священником, и потому начинаются со связующих союзов: так как (яко), потому что (бо); и лишь очень изредка выражают отдельное пожелание: *Благословение Господне на вас* или: *Буди держава... благословенна* и прочее; а иногда даже и без союзов: *милостию, щедротами* и так далее. И отец Иоанн жалел, что для мирянина, благодаря такому сокращению тайных молитв, многое остается непонятным или неясным. Конечно, так оно и есть.

«В Богослужении вы (миряне) слышите только отрывки, так сказать, Литургии, потому что многие молитвы и славословия читаются тайно. Гораздо полезнее и много интереснее для ума и сердца христианина знать полный состав Литургии, все молитвы и хвалы Богу Вседержителю и Спасителю».

Отец Иоанн переживал каждое слово; потому и возгласы для него были такими же огненными словами; поэтому и произносил он их очень громко, с дерзновением и славою¹.

13. Сокращение Евангелия

В дальнейшем течении Литургии отец Иоанн видит последовательное воспоминание всей жизни Спасителя, — как это принимается нередко и другими истолкователями ее: «Литургия есть сокращение всего Евангелия, изображение земной жизни Иисуса Христа, повторение Его Голгофской Жертвы, всегдашнее закание, смерть Его за грехи мира, воспоминание Его Воскресения и Вознесения на Небо».

И «чтобы богоугодно стоять во время Литургии, надобно овладеть предметом Литургии»; а предмет этот — «вся жизнь Спасителя от пелен до гроба, от Воскресения до Вознесения и нис-

¹ Должно сказать, что современный порядок Литургии, — где после славного «заглавия» ее *Благословенно Царство* тотчас же начинаются ектении с прошениями, — не соответствует древнему чину, более целостному и духовно-последовательному. Тогда прошения помещались к концу Богослужений. И теперь это заметно: в частности, на Литургии ектении сосредоточены уже после чтения Священного Писания. Но потом их разнесли по всей службе, чем вносится разнообразие. Но помимо этого Церковь знала, что большинство чад ее не способны еще стоять только на высоте славы и благодарения; что они не могут даже сосредоточиваться долго и на чувствах покаяния. Нам более понятны наши нужды, — и потому Церковь после взлета славы сразу спустилась к нашим немощам и поместила в начале «самые нужные молитвы».

послания Духа Святого: тогда Литургия вполне проникнет наш ум и сердце».

Вообще все «Богослужение нашей Православной Церкви, — говорит он, — имеет целью изобразить... все течение домостроительства нашего спасения от начала мира... и до скончания века... Так, вечерня изображает благодать, премудрость и всемогущество Божие в сотворении мира и человека, блаженство человека, падение человека, обещание Божие об искуплении его чрез Воплощение Сына Божия, приготовление чрез пророчества и прообразования к принятию Искупителя».

«Утреннее Богослужение изображает чудеса домостроительства Божия в Ветхом Завете, с Моисея до пришествия Искупителя, и чудеса новозаветного домостроительства во святых Божиих».

«Наконец, Литургия ставит Владыку Нового Завета во всем свете, изображая Его человеколюбие, истину, правду, верность Своему обещанию, наконец, всю Его жизнь от пелен до гроба. Она есть солнце — в полном сиянии».

В своих записках и в дневнике отец Иоанн не оставил подробного изложения событий жизни Господа параллельно Литургии, но оно общеизвестно. А именно. На проскомидии воспоминается Рождение Спасителя и Страдания, начало и конец «истощания», умаления Искупителя. На Литургии оглашенных в песне «Единородный» тоже говорится о Воплощении и Распятии. Затем малый вход, Апостол и Евангелие зна-

менуют явление в мир на проповедь Господа и учеников Его. «Великий вход на Литургии» бывает «для воспоминания шествия Спасителя с Крестом на Голгофу за *врата* града (Ср.: Евр. 13, 12)... вместе с разбойниками, из коих один, благородный, возгласил ко Христу: *помяни мя, Господи, во Царствии Твоем*» (Ср.: Лк. 23, 42), почему на входе и говорится о всех: *да помянет Господь Бог во Царствии Своем*; далее — «для воспоминания Распятия Его на Кресте и снятия с него Иосифом и Никодимом», почему после входа в алтарь читается тайно: *Благообразный Иосиф с древа снем; Во гробе плотски, во аде же с душою; Яко живоносец... показася светлейший гроб Твой*.

Далее — Причащение и отверствие Царских врат изображают Воскресение, явление Господа в обновленной плоти, почему поется: *Тело Христово примите, источника безсмертного* (Христа Воскресшего) *вкусите*, а в алтаре читаются тайные воскресенские песнопения: «Воскресение Христово», «Светися, светися», «О Пасха велия».

Затем священник, кадя Святые Дары, говорит: *Вознесися на Небеса, Боже* и потом уносит их на жертвенник; а хор поет уже о принятии Святого Духа: *Видехом Свет Истинный, прияхом Духа Небеснаго*. Сошествие Духа можно видеть и после — в благословении предстоящих; а Вознесение — в поднятии Даров пред лицом молящихся со словами: *Всегда, ныне и присно и во веки веков*, что напоминает благословение уче-

ников Спасителем на горе Елеонской и обещание быть с ними всегда: *Аз есмь с вами до скончания века. Аминь* (Мф. 28, 20).

Такова в главных чертах параллель Литургии и жизни Спасителя.

Но по замыслу и содержанию своему Литургия собственно есть благодарственный гимн Богослужения первых христиан...

Впрочем, благочестиво-назидательны и даже привлекательны для ума и сердца такие параллели, хотя они не составляют сущности Литургии...

14. Объяснение Литургии

Однако, и сам отец Иоанн больше отдается духовным переживаниям Литургии, чем воспоминаниям о параллельных событиях из жизни Господа. И мы теперь изложим его чувства и мысли в последовательном порядке службы его собственными словами почти без наших замечаний.

«Мы и к Литургии приходим со своею рассеянностью, со своими страстями и мечтами земными... житейскими расчетами, к коим прильнула душа наша. Внимай, — зовет Батюшка, — душа христианская, что поется в начале Литургии: *Единородный Сыне и Слове Божий, безсмертен сый и изволивый спасения нашего ради воплотитися*». Затем он переписывает всю эту песнь до конца и вопрошает: «Слышишь? Бог для тебя

воплотился, сделался Человеком... Ценишь ли, чувствуешь ли это? — Возвышает ли тебя это?.. Отрывает ли от земли?»

Узрите небо отверсто и Ангелы Божии — восходящая и нисходящая над Сына Человеческого (Ин. 1, 51). «Отсюда в молитве (малого) входа, читаемой тайно священником, говорится: Сотвори (Господи) со входом нашим входу святых Ангелов быти».

И бывают, говорит он, ибо ни одно слово, сказанное на Богослужении, не произносится без силы, а тем паче — ложно. И много раз, как мы видели, он говорит об общении на Литургии мира небесного и земного, ангельского и человеческого. *Ныне силы небесныя с нами невидимо служат¹*, — приводит он эти слова вслед за третьей тайной молитвой (*Иже общия и согласныя даровавый нам молитвы*), то есть перед входом.

«Святый Боже... Священник читает тайно молитву Боже Святый²... где говорится: ихже (святых) молитвами посети нас, Боже³... О благородие христианина! О счастье и блаженство! С кем сообщаюсь?! Какого и сколь великого ходатайства я сподоблюсь!..»

¹ Песнопение Литургии Преждеосвященных Даров.

² Молитва Трисвятого пения.

³ Анафора, молитва священника после освящения Святых Даров и поклонения им. В молитве Трисвятого пения есть такие слова: *Сам, Владыко, прими и от уст нас, грешных, Трисвятую песнь и посети ны благодтию Твоею...*

Эта молитва вводит и учит нас поклонению Триипостасному Божеству, от Которого наш *жизнот и дыхание и все* (Деян. 17, 25).

«Апостол»... Потом — «Аллилуиа»¹... Также и после Херувимской песни. «Хвалите Бога, Херувимская песнь, при краткости и простоте своей весьма многозначащая, свидетельствующая о непрестанном созерцании Небесными чинами ангельскими бесконечной премудрости, правды, святости и благодати Божией, как и всемогущества Божия... Эта песнь часто употребляется при Богослужении в означение того, что во время нашего служения Господу и Ангелы невидимо служат, составляя с людьми как бы один хор, одну Церковь, одно собрание... И это обстоятельство учит нас благоговейно и разумно стоять и молиться в церкви, слушая пение и чтение».

«*Мир всем...* Для чего преподает мир священнослужитель пред чтением Евангелия? Для того, чтобы в глубокой тишине и мире чувств и самому читать Евангелие, нимало не спеша, не волнуясь, и всем прочим слушать оное».

«Братие! Ловите слухом сердца каждое слово Спасителя в Евангелии и прилагайте к сердцу... это не слово человеческое, которое часто бывает лживо, пусто, бессильно, блаженно,

¹ Аллилуиа (с евр. — Хвалите Господа) — песнь в честь Троицею Богу, поема по трижды с присоединением славословия Богу: *Слава Тебе, Боже!* — Ред.

а Слово Божие, слово истины, слово всемогущее. Каждое слово Господа есть жизнь для нас; и все сказанное устами Спасителя сбудется до *иоты* — ничто не *прейде*т (Ср.: Мф. 5, 18)».

«Евангелие в церкви читается нам для того, чтобы мы искренно и твердо веровали во Христа, чтобы учились Его закону, чтобы подражали Ему, облакались в Него... чтобы и на Небе нам быть с Ним»... и дома должно читать; а мы «читаем всякие журналы, газеты, книги... а между тем *единственной на потребу* (Ср.: Лк. 10, 42) книги, книги книг — Евангелия — не читаем».

«О сугубой ектении. Для чего такое начало сделано Церковью в сугубой ектении: *Рцем вси, от всея души и от всего помышления нашего рцем?* И потом: *Господи Вседержителю, Боже отец наших, молим Ти ся, услыши и помилуй?* И затем: *Помилуй нас, Боже, по велицей милости Твоей, молим Ти ся, услыши и помилуй?* — Церковь возбуждает чад своих к всесердечной, *от всего помышления* молитве. Обратите внимание: о чем прежде всего Церковь молит после столь усиленных возгласов («Святый Боже») к Триипостасному Вседержителю Богу, и — на самое имя Вседержителя. Она молится прежде всего о державном своем Помазаннике, Государе¹... покровителе и защитнике Церкви, гражданской главе всех своих подданных, от которого зависит их благосостояние... чтобы Господь Бог во всем споспешествовал и помогал ему... ибо его благо-

¹ Государь поминался на сугубой ектении до 1917 года. — *Ред.*

поспешество есть общее благо всех его подданных; и вообще — его благосостояние есть общее благосостояние».

Потом «за священное сословие отцов наших»... За «усопших отец и братьев... ибо и усопшие суть также члены Церкви, братья наши, имеющие великую нужду в наших молитвах... За братию храма... и за всех прихожан...»

«Что заектения! Какая сила! Какая всеобъемлющая любовь дышит в ней! Чего не испросили бы мы у Бога, каких благ и живым и умершим нашим братьям, если бы все эти возгласы находили искренний отголосок в глубине души нашей и все мы единодушно, как бы едиными устами, молились Господу Вседержителю, всех — живых и мертвых — содержащему в деснице Своей! Все испросили бы, по неложному Его обещанию: *Вся, елика аще вопросите в молитве верующе, примете* (Мф. 21, 22). Какое разнообразие прошений, какая благопотребность, какая простота и вместе глубина премудрости, какой дух спасения дышит во всех их (прошениях)!»

«*Иже Херувимы тайно образующе*. Чем образуем мы Херувимов? Во-первых, пением их священной песни — Аллилуиа», «тем, что поем Трисвятую песнь, как они; и во-вторых, тем, что подьемлем, как и они, Господа славы и носим в себе чрез Причащение Его», «воспринимаем в себя всецело Христа Бога в сердце, как на Престоле херувимском, носим Его, пламенно любим Его, как любят Его Херувимы.

И ради Его любви отрешаем свои сердца от всякой земной любви: ибо любовь земная несовместима с любовью Божиею». «Потому мы и должны *отложить всякое житейское попечение*, чтобы возлюбить Его всею полнотою сердца, пламенной любовью». «Презирай, христианин, сласти плотские, если хочешь насладиться сладостью Божественною, нетленною, вечною, святою: иначе не сможешь вкусить сладости Божией».

«*Всякое ныне житейское отложим попечение* — эти весьма важные слова Херувимской песни остаются для большей части христиан гласом вопиющего в пустыне. Так мы осуетились, измельчали от житейских попечений и пристрастий!»

Между тем вообще «в храме», а в особенности в этот момент и в дальнейший — «место только молитве, покаянию, славословию и благодарению Творца и Господа, Спасителя и Судии нашего, а не помышлениям земным, или страстям житейским, плотским. И *да молчит* здесь *всяка плоть человека и да стоит со страхом и трепетом, и ничтоже земное в себе да помышляет* (в Великую Субботу)¹; и никого, и ничего да не предпочитает Творцу; да не стремится ни к кому и ни к чему; но всем умом и сердцем погружается в Господа... Да желает и молит себе (и всем людям) *единого на потребу* (Лк. 10, 42) — спасения души... Храм — Небо земное; здесь —

¹ Тропарь Великой Субботы, гл. 8-й, «Да молчит всяка плоть человека...», поемый вместо Херувимской песни.

Престол Царя Неба и земли; здесь совершается Страшная Пренебесная Жертва — Тело и Кровь Владычня, и верные соединяются с Господом и обожаются обожением чудным».

«Какое» нужно «небесное сердце! Дажь мне, Господи, — молит он и о себе, — дух небесный, сердце чистое, любвеобильное, не связанное никакими житейскими похотями и страстями; ибо *никто из связавшихся житейскими похотями и сладьми не может приходить или служить Тебе, Царю славы!*» (Тайная молитва во время «Херувимской».)

После перенесения Даров на престол между прочими тропарями читаются последний стих 50 псалма («Помилуй мя, Боже»): *Ублажи, Господи, благоволением Твоим Сиона, и да созиждутся стены Иерусалимския: тогда благоволиши жертву правды, возношения и всесожегаемая; тогда возложат на алтарь Твой тельцы.* Последние слова вызывали у отца Иоанна такие переживания: «*Тельцы* означают бессловесные страсти наши, которые мы должны умерщвлять, закалая их ножом самоосуждения, самоукоренения, покаяния, самоотречения». «Заклание в жертву бессловесных животных и излияние крови их напоминало и изображало заклание Агнца Божия Господа Иисуса Христа за грехи мира»; а также указывало и на «умерщвление бессловесных страстей плотских христианами, — как говорит о себе Апостол: *умерщвляю тело мое и порабощаю* (1 Кор. 9, 27); или как он пишет

христианам: *умертвите удоы ваша, яже на земли: блуд, нечистоту, страсть, похоть злую и лихоимание, еже есть идолослужение* (Кол. 3, 5)... *Иже Христовы суть, плоть распяша со страстями и похотями* (Гал. 5, 24). И посмотри: как полки мученические отдали себя добровольно и с радостью на муки различные за Христа и скончались мучительными смертями; как преподобных лики бесчисленные изнуряли и поработили духу плоть свою и стали бескровными мучениками, — непрестанно умерщвляя мятежную плоть постом, бдением, долужением на голой земле, постоянными молитвами, трудами... Мы же хотим идти к жизни будущей и Царствию — легким и широким путем угождения плоти и страстям своим, леностию и нерадением к молитве, к исправлению себя и ко всем добрым делам? — Слишком ошибаемся!»

После всех этих молитв «я, — пишет Батюшка, — прибавляю от себя в конце (тайной последующей) молитвы, начинающейся словами: *Господи, Боже Вседержителю*¹ — следующие слова, в таком сочетании: “*Сподоби нас обрести благодать пред Тобою, еже быти Тебе благоприятней Жертве нашей и вселитися Духу благодати Твоя в нас и на предлежащих Дарех сих* — на всех разсадницах... и на всем учащемся юношестве... на всех разсадницах духовных, монашеских... на нищих людях Твоих, вдовицах, сирых и убогих, на пострадавших... — на всех заповедавших мне недостойному молиться о них, — и на

¹ Молитва приношения.

всех людях Твоих, яко вси Твои суть. Ты бо создал еси их *по образу и подобию* Твоему (Быт. 1, 26, 27); Ты *отродил* еси их *водою и Духом* (Ср.: Ин. 3, 5); Ты благодать *сыноположения* (Рим. 8, 15) даровал еси им; Ты *залог Духа в сердца* их дал еси (Ср.: 2 Кор. 1, 22), Егоже ничто же есть дражае, освятительнее, утвердительнее, совершительнее; Ты питаешь *Плотию и Кровию Сына Твоего*, ихже ничтоже есть сладостнее; Ты подаши им вся благая по естеству и по благодати, имже несть числа! Присвой убо всех нас Тебе, отчуждаемых грехом и врагом, борющим нас; и да никтоже от нас будет стяжание и брашно чуждому (диаволу). Сам нас спаси, *Отче Щедрот и Боже всякаго утешения* (2 Кор. 1, 3)».

«*Верую во Единого Бога*¹ — для чего поется от лица всех на Литургии?.. Для того, чтобы оживлять свою веру в Троицкое, всех Животворящего и Чудотворящего Бога и ею оживляться; чтобы при содействии ее сделать себе более благотворным имеющее совершиться Таинство Тела и Крови Христовой; ибо без живой правой веры оно не может принести нам пользы и не может быть усвоено; ибо верую усвоится и ощущается в своих спасительных плодах».

«Для чего поется “Верую” пред пресуществлением Святых Даров? Для чего и священник читает в это время про себя “Верую”? Для того, чтобы предстоящие веровали и помнили, что при пресуществлении Святых Даров участву-

¹ Символ веры.

ет Святая Троица и что Тайна Евхаристии есть дело Святой Троицы: Отца и Сына и Святого Духа; для того, чтобы и священник неосужденно, с несомненною верою в благость и всемогущество Отца и Сына и Святого Духа, совершил Святое Таинство и потом во время причастился его; ибо в это особенно время потребна для священника великая вера, так как в это по преимуществу время враг усиливается поразить ум и сердце священника холодностью и неверием, или возмущать сомнением».

«На Литургии верных Символ веры поется христианами для того же, для чего — и пред Крещением, пред напутствием больного, пред Таинством Исповеди, то есть как необходимое условие к достойному участию в Таинстве и к восприятию силы Таинства: *аще веруешь от всего сердца твоего*, как верует Святая Православная Церковь, — *можно тебе* (Деян. 8, 37) присутствовать при совершении Таинства или и принять в свое время Святые Тайны, если ты приготовился говением и чистосердечным покаянием; если же не веруешь, то недостойно присутствовать, тем более — причащаться».

Веруешь ли ты во все это, стоящий? «Веруешь ли ты, в частности, в будущую блаженную бесконечную жизнь? Веруешь ли ты в будущую бесконечную муку, уготованную нераскаянным грешникам? — Не веруешь! Или веруешь, но очень слабо, темно, туманно. Помилуй себя, если бы ты веровал в бесконечную жизнь, то был бы готов жертвовать всем: и трудом, и до-

стоянием своим, и спокойствием, и здоровьем, и самою жизнью, а ты живешь рассеянно, губишь время даром... проводишь время в удовольствиях, о избежании будущего гнева Божия не помышляешь, грехов своих бесчисленных ничем не искупаешь, искреннего покаяния во грехах не показываешь. О! Вспоминай, человек, чаще вечность; помни, что все здешнее — тлен. А там, в вечной жизни, — вечный покой, вечная радость, вечное наслаждение, вечный свет, вечное чудное благоухание, вечное созерцание *неприступного Света* (1 Тим. 6, 16)» Святой Троицы!..

«Верны ли мы Богу в вере, надежде и любви? Верны ли в борьбе с грехом, столь пагубным, хотя и прелестным? Верны ли Богу в *брани с началами, властями и миродержителями тьмы века сего* (Ср.: Еф. 6, 12), воюющего через нас с Царством Правды Божией, святыми, с Самим Богом? Не дружим ли мы еще с грехом чрез поблажку плоти своей многострастной и плотским помышлениям, хулам, сквернению, беззаконию? Держимся ли упования будущих событий и благ вечных неуклонно? Не живем ли только здешнею жизнью, не заботясь о будущей, о предстоящем ответе на Страшном Суде Христовом пред всеми Ангелами и людьми?»

«Верны ли? Веруем ли?!

Если веруем, если и жизнью верны, то блаженны».

«О высота, высота, на которую возвел и возводит нас, верующих, Господь Иисус Христос Своим Воплощением! О блаженство неизречен-

ное, которого удостаивает Он любящих Его и исполняющих заповеди Его! О блаженное бессмертие и вечное ликование со святыми в обителях Небесных, которое многие уже получили, хотя не вполне до общего воскресения, а другие еще ожидают его и вторят ежедневно: *Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века*¹!»

«О вера святая, православная, сколь ты утешительна, сколь ты драгоценна для человека, живущего здесь, на земле, в кровавой борьбе с грехом и дьяволом, в злостраданиях непрестанных, в скорбях и печалях, часто в трудах изнурительных и неблагодарных!»

«Пожалеют и горько восстенают многие, многие из христиан православных, во Второе Пришествие Христа, — да еще и здесь, при кончине своей, — что принадлежали по Крещению и первым урокам веры к Христовой Церкви Православной, а потом не следовали ее постановлениям, имели такое бесценное сокровище спасительное — Церковь Божию, ее Богослужение, Таинства, учение спасительное, пастырей, — и всем пренебрегли, а жили по своей воле, в отчуждении от Церкви и Евангелия, и служили только миру и богатству».

Еще больше страшится отец Иоанн за неверующих, маловерующих или равнодушных — после такого факта, как сошествие с Неба Самого Сына Божия, — о чем главным образом говорит Символ веры: «Вас перестало удивлять и ужасать своим необъятным величием, пре-

¹ Символ веры.

мудростию, бесконечною благостию, могуществом — Воплощение Сына Божия, жизнь, учение, чудеса между людьми, — и особенно Страдания ужаснейшие и Смерть поноснейшая на Кресте, а затем — Воскресение из мертвых и Вознесение на Небо к Отцу Своему? О греховное равнодушие! О греховная слепота и бесчувствие! Но наша (пастырская) обязанность греметь вам всегда об этом в уши ваши, чтобы вас, спящих греховным сном, пробуждать и обращать к покаянию».

«Отделившиеся от Церкви теряют» «право» даже «на ходатайство святых пред Богом», — как мертвые члены, противлением своим навлекающие на себя погибель вечную. «Вне Церкви нет спасения, нет духа благодати...»

Сам горя пламенной верой, он удивлялся этому современному равнодушию, духовному сну: «Воплощение Сына Божия исполнило удивления и ужаса все ангельские умы, а люди остаются в большинстве бесчувственными и неблагодарными к этому пречудному акту промысления Божия о спасении рода человеческого! Только Церковь Святая достойно оценила и оценивает это... и ежедневно и ежегодно воспоминает и прославляет» чудные события из жизни Спасителя, особенно в праздники. «Но и к Церкви большинство христиан равнодушны и холодны!»

«Удивительная дремота и сон! Ужасесь о сем небо, и земли удивишася концы, яко Бог явися человеком плотски... (ирмос 8 гласа)», а совре-

менное человечество спит, да ест и пьет. *Ядяху* и *пияху*, как перед *потопом* (Ср.: Лк. 17, 27). «Одичали. У них на уме и в сердце только суета. Спят они, непробудно спят и воспрянуть не хотят».

Тогда Бог Сам начинает пробуждать людей мировыми бедствиями: войнами, междоусобием, голодом, расстройством государственной жизни, повальными болезнями. Это Божественная педагогика. О ней говорит отец Иоанн.

Зато как радуется отец Иоанн за пребывающих в Церкви, убеждая их держаться этого спасительного корабля: «Помни хорошенько девятый член Символа веры!»

«Помни единство Церкви небесной и земной под единою Главою Христом, в едином Духе Божиим!» Это его излюбленная, постоянная мысль!

«По прочтении (тайном) Символа веры я, — говорит Батюшка, — прибавляю от себя следующую молитву: “Утверди в вере сей и верою сею сердце мое и сердца всех православных христиан, и сего чаяния достойно жительствовать вразуми! Соедини в вере сей вся христианския великия общества, бедственно отпадшия от единства Святыя Православныя, Кафолическия и Апостольския Церкви, яже есть *тело* Твое, и еяже *Глава* еси (Ср.: Кол. 1, 18) и Спаситель тела; низложи гордыню и противление учителей их и последующих им, даруй им сердцем уразуметь истину и спасительность Церкви Твоя и нелестно ей соединиться! Совекупи... и недугу-

ющих невежеством, заблуждением и упорством раскола, сломив силою благодати Духа Твоего упорство их и противление истине Твоей, да не погибнут люте в своем противлении... К сей вере привлецы вся языцы, населяющия землю, да единым сердцем и едиными усты вси языцы прославляют Тебя *единого всех Бога* (Еф. 4, 6) и Благодетеля. В сей вере и нас всех соедини духом кротости, смирения, незлобия, простоты, бесстрастия, терпения и долготерпения, милосердия, соболезнования, сорадования”».

«Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любви Бога и Отца, и причастие Святаго Духа буди со всеми вами! Как нельзя более благовременно это благожелание апостольское (Ср.: 2 Кор. 13, 13) произносится священнодействующим именно в это время, то есть пред совершением Таин. *Благодать Иисуса Христа* — милующая, очищающая, спасающая, просвещающая, укрепляющая душу нашу, нужна во всякое время. А теперь, в эти страшные небесные минуты, когда с нами служит множество Воинств небесных, с трепетом окружающих Престол Божий, — благодать Божия, просвещающая и укрепляющая слабые, рассеянные силы духа, особенно нужна для возможного понимания высоты и важности предстоящего Таинства. — *Любы Бога и Отца.* В эти минуты надобно всем восчувствовать беспредельную любовь к нам, грешным, Бога и Отца, *Который так возлюбил мир, что и Сына Своего Единородного дал есть, да всяк веруяй в Онъ, не*

погибнет, но имать живот вечный (Ин. 3, 16)», и самим «должно возлюбить Его с Единородным Сыном и Духом Святым, отвергнув все житейские пристрастия». «И причастие Святаго Духа необходимо нам наипаче в это время, потому что без сего причастия не можем мы возлюбить Бога Отца, ибо только Духом Святым можем взывать к Богу с искреннею любовью: *Авва, Отче!* (Рим. 8, 15; Гал. 4, 6), ибо только благодать Святаго Духа предпочищает, освящает, просвещает, умиротворяет и укрепляет нас к достойному и благоплодному предстоянию во время святейшего Таинства».

Горé имеем сердца! — взывает священник...

На его призыв народ отвечает: *Имамы ко Господу*¹.

«Истинный христианин непрестанно возносит горé ум и сердце свое и питает их высокими помышлениями и чувствами. Там, на Небе, его сокровище, его блаженство, его сладость, его радости. К земле же и всем ее благам, как грубым, преходящим, временным, он равнодушен. Его не привлекает земная красота, сладость, слава, земное богатство, блеск, роскошь, знатность, земные радости и увеселения. Все это ему как страннику чуждо! Только человек маловерный или неверующий живет умом и сердцем на земле... и не любит возноситься на Небо, которое не есть его родная стихия, так как он сам не сроднился с нею, погрязнув в мирских заботах и страстях».

¹ Диалог перед началом анафоры (евхаристической молитвы).

Но «искренне ли» и мы, стоящие в храме, отвечаем на призыв *Горé*?! Нет, — или весьма, весьма немногие, потому, что сердца большинства прикованы к земле разными житейскими пристрастиями. Не легко и не вдруг сердце вознесется на Небо, ко Господу! Для того чтобы искренно возноситься сердцем к Богу, нужно христианину непрестанно жить в Боге, любить Его, размышлять глубоко о делах Его Промысла... и быть на земле небесным гражданином. А мы приходим в храм с рассеянием, с различными житейскими страстями и похотями, пригвождающими к земле. Где же тут *горé сердца*? Но горе нам, если мы... в такие минуты величайших чудес милости Божией к нам не *горé имеем сердца*. Значит, мы бесчувственны и несмысленны. В это время требуется от нас совершенная преданность Господу Иисусу Христу... полная доверенность... совершенное упование во всех прошениях, благодарениях, восхвалениях. При этом — чистое сердце, ненависть ко греху... и горячая любовь к правде».

«По произнесении возгласа» этого «я тайно говорю: “Возвыси Духом Твоим Святым всех предстоящих zde к Тебе, *Богу живота* нашего (Ср.: Пс. 41, 9), и отрини от сердец наших все страсти плотския и душевныя”».

«*Благодарим Господа*. Мы приносим благодарственную жертву о Пресвятой Богородице и о всех святых каждую Литургию. И они предстательствуют о нас пред Господом и просят нам прощения грехов и великой милости».

«После евхаристийного¹ возгласа *Благодарим Господа* читается молитва *Достойно и праведно Тя пети*² и прочее. При тайном чтении этой молитвы после слов *Ты от небытия в бытие нас привел еси* прибавляю для усиления благодарного чувства слова: “в разумное бытие и по душе бессмертное”, то есть *привел еси*. После слов *падших нас возставил еси паки* прибавляю: “и стократно на кийждо день возставляеши согрешающих и кающихся”. После слов *дондеже нас на Небо возвел еси и Царство даровал еси будущее* прибавляю тайно: “Ты и в самом Причащении нашем Животворящих Твоих Таин уже возводишь нас на Небо, ибо где Ты — там *Небо и Небо Небесе* (Втор. 10, 14), и даровав Себя Самого верным, Ты вместе с Собою даруешь и Царство Небесное, Царство будущее, в залог Пречистаго Тела и Крови Твоей”».

«*Свят, Свят, Свят!* При тайном чтении молитвы *С сими блаженными Силами* при словах *Сам Себе предаеше за мирский живот* прибавляю от себя для усугубления чувств благодарности и умиления слова: “паче же всех за меня грешнаго, да избавлюсь от смертоноснаго греха и да живу во веки”».

«*Приимите, ядите... Пийте от нея вси...* Кто постигнет величие благодеяния, подаваемого нам Господом Иисусом Христом в Таинстве

¹ Благодарим — греческое «евхаристисомен».

² Начало анафоры (евхаристической молитвы).

Евхаристии, или Причащении? Вполне — никто, ни даже ум ангельский, ибо благодеяние это — беспредельно, необъятно, как Сам Бог!.. Какая близость Божия к нам! Вот Он — тут!.. Существенно!.. Какое чудное общение...»

«Какое счастье, блаженство нашей природы...» «Вижу, вкушаю и осязаю Самого Божественного Спасителя моего в чудных Его Тайнах! Ощущаю Его во мне действия!»

«В словах *Приимите... и пейте* (и прочее)... — бездна любви Божией к роду человеческому!.. Священный трепет пробегает по всем членам... когда сердечным ухом слушает он сии слова: “Господь *Сый* (Исх. 3, 14), будучи Господом всех и Творцом, Сам Безпристрастный Бог, умалил Себя, приняв плоть Своего создания, Он стал Пасхой, пожелав умереть за избранных Им, будучи Сам всегда Сущим; и заранее на Тайной Вечери принес Себя в жертву, провозгласив: *ядите Тело Мое и верою утвердитесь*”¹.

«*Сие творите в Мое воспоминание* (Лк. 22, 19). Без Таинства Тела и Крови, без Литургии могло бы забыться величайшее дело любви, премудрости, всемогущества Спасителя нашего, могли бы утратиться плоды Его страданий, посему Он повелел творить Таинство Тела и Крови Его в воспоминание Его. И не только в воспоминание, но и в теснейшее сообщение с Ним. Громогласно, во всеуслышание, во всем мире совершается это всемирное Таинство.

¹ Ср.: Ирмос, песнь 3-я, канон в Великий Четверток на утрени, гл. 6-й.

Плоды Его — святыня, нетление и жизнь вечная!»

«После этих слов прибавляю тайно от себя, для возвышения чувства благодарности и изумления: *О божественного, о любезного, о сладчайшего Твоего гласа!*¹ (После каждого возгласа особо.) При этом представляю, по возможности, безмерную благодать и вольное истощание Господа, волею всего Себя истощившего² ради нашего спасения, *до Креста и смерти* (Ср.: Флп. 2, 8), и Его крайнее желание, чтобы все мы были общниками Его Божества и Человечества, *распяв плоть свою со страстьми и похотьми* (Гал. 5, 24)».

«*Твоя от Твоих Тебе приносяще о всех и за вся.* Когда я произношу слова» эти, — «я представляю торжественность и величие данной минуты, когда стоя лицом к лицу с вечною, совершенною, неизменною правдою Отца Небесного, карающего грех», я приношу «от лица всех и за всех единую, безмерную, всеправедную, умиловительную Жертву Христа Сына Божия, единую могущую приклонить на милость Бога Отца, искупить весь мир от праведного проклятия и исходатайствовать всем верующим прощение грехов и благословение... Принося эту Страшную, Всеспасительную Жертву, предстоятель молит и *милися деет* (то есть умиленно просит) *ниспослать Духа Святаго на предсто-*

¹ Тропарь 1-й, песнь 9-я, канон Пасхи.

² Умалившего, уничижившего до смерти.

ящих Престолу правосудия и милосердия *и на подлежащие Дары*. В эти особенно минуты все сердце священнослужителей должно быть всецело отдано Богу, толико страшно священнодействующему спасение наше и избавление от диавола, от греха, проклятия и вечной смерти. И ни о чем земном не помышлять, да не оскорбится Страшная Жертва Небесная недостойными, низменными страстными помыслами». «Ибо малейшее пристрастие» к ним «прогневляет Бога, Который не может как Праведный и Святой терпеть предпочтения Себе твари, одушевленной или бездушной».

Все это совершается через Спасителя — от Отца Духом.

«До Христа Небо заключено было для всех людей, даже для праведников. После Страданий, Смерти и Воскресения Его, оно — отверсто для всех верующих и кающихся искренно. О щедроты! О милосердие! О богатство благодати!»

«Тебе поем, Тебе благословим, Тебе благодарим, Господи, и молим Ти ся, Боже наш. Во время пения этих слов вся Церковь, все предстоящие в храме должны молиться вместе с священнодействующими, чтобы Отец Небесный ниспослал Духа Своего Святаго на нас и на подлежащие Дары — и читать про себя молитву: Господи, Иже Пресвятаго Твоего Духа в третий час Апостолом Твоим низпославый, Того, Благий, не отыми от нас, но обнови нас молящих Ти ся. Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утро-

бе моей. Не отвержи мене от лица Твоего и Духа Твоего Святаго не отыми от мене». В это время ни одна душа не должна оставаться холодной, но всякая душа должна быть воспламенена любовью к Богу, а охлаждают душу — напомним опять — житейские попечения и страсти. «Наипаче в это время да будут души наши, как светильники горящие, как кадило возженное и благоухающее, как дым фимиама, восходящий горé, ибо в эту минуту совершается Страшное, Животворящее Таинство — претворение Духом Божиим хлеба и вина в Пречистое Тело и Кровь Христову, и на Престоле является Бог во плоти».

«Таинство совершается в алтаре священнослужителями, изображающими Иисуса Христа, совершается при закрытых Царских вратах (если служит священник, а не архиерей), потому что первоначально это Таинство совершено было Иисусом Христом, в особенной, торжественно убранной горнице, в присутствии одних учеников Его», а также и для того (в алтаре), «чтобы соблюсти Великую Тайну от очей недостойных, к большому благоговению верующих, ибо сердце и око человеческое лукавы и по своей нечистоте и лукавству недостойны зрети Тайну, на которую и Ангелы со страхом взирают».

Во время пения *Тебе поем* священнослужитель теми же словами, что и миряне, призывает Святого Духа, прося Отца послать Его на Святые Дары и сотворить Телом и Кровию.

«Когда начинаешь молиться молитвою к Духу Святому», — а здесь — о Духе Святом, — «знай и помни, что Дух Святой вошел в мир по заслугам Господа Иисуса Христа и действует в мире, наипаче в Церкви Своей, и совершает наше спасение. Святой Дух все Таинства совершает... Вот почему мы начинаем» вообще «молитвы свои молитвою Духу Святому».

А тем более должны просить Его — на совершение Величайшего Таинства.

Благословляя крестообразно хлеб и вино, служитель Божий говорит: *Сотвори убо хлеб сей Честное Тело Христа Твоего, а еже в Чаши сей — Честную Кровь Христа Твоего, преложив Духом Твоим Святым.* — «После этих последних слов и благословения крестообразно рукою, во мгновение хлеб и вино прелажаются в Тело и Кровь Христову, но не прежде, ибо Божественное всемогущество ожидает *содействующего* Ему¹ слова священника: *Богу бо есть споспешник* (Ср.: 1 Кор. 3, 9)».

«Крестное при этом благословение именем Господним означает то, что Тайна совершается Духом Святым о имени Иисуса Христа и ради Иисуса Христа, ради Его ходатайства, благоволением Бога Отца».

«По благословении евхаристийного хлеба и вина и по произнесении подтвердительных *Аминь, аминь, аминь,* — все поклоняются до зем-

¹ Ср.: Молитва, читаемая при хиротонии во епископа и из чинопоследования пострига в малую и великую схиму («Богу содействующу...»).

ли. А я говорю про себя вполголоса: “Бог явился во плоти (1 Тим. 3, 16). Слово плоть бысть и вселися в ны” (Ин. 1, 14)».

Изрядно о Пресвятей... Богородице и Приснодеве Марии. Благодарственная Жертва приносится и за Пресвятую Богородицу как *Начальницу мысленного наздания*¹, то есть Главу искупленного, восстановленного, воссозданного человечества, — как вершину «мысленного» Дома Божия, Царства Божия. Но есть и другие основания к похвале Ей.

«Для чего мы, — вопрошает отец Иоанн, — непрестанно и особенно, изрядно» здесь «восхваляем Пренепорочную Владычицу Богородицу?.. Для того чтобы хотя отчасти воздать славу Ее величию, святине, правде, изумительной чистоте, смирению, любви к Богу и к нам, недостойным, Ее непрестанному ходатайству о нас, для того чтобы знать и помнить те бесконечно великие благодеяния, которые излил через Нее Господь на род человеческий». А «славить Пречистую Богородицу значит славить Самого Сына Ее Единородного, Господа нашего Иисуса Христа, Сына Божия», с Которым «вечно соединена есть Матерь Его», в Коей «Он престол Себе сотворил». «Слава Тебе, Марие Богоневесто Пречистая!»

«Всегда ли с искреннею верою и усердием, с дерзновением и любовью прибегаешь ты к Владычице и Матери по благодати — к

¹ Икос 10-й, акафист Пресвятой Богородице.

Пречистой Богородице — во всех обстоятельствах жизни, радостных, печальных, особенно в беде греховной, в буре страстей, в искушениях тяжких? — Величайшая для тебя потеря, если ты не научился, не уверился, не привык с упованием, уверенностью, со смирением и благодарзновением прибегать во всех скорбях и радостях к Матери Живота, к этой пучине милосердия и щедрот, готовому заступлению и покрову кающихся грешников. Когда я, — говорит о себе Батюшка, — прибегаю с верою и усердием, всегда спасаюсь и обретаю помощь против искушений. О, чаще взирай, христианин, на светлый материнский лик Преподобной, и поучайся, и спасайся! *Се, Мати твоя* (Ин. 19, 27)».

«Кто, какая мать, яко Матерь Божия, может любить нас так горячо, так чисто, так сильно, действительно? Какая мать столь благопослушлива, благомошна? Итак, да прибегаем к Ней всегда благонадежно, в покаянии, чистым сердцем».

«После возгласа о Богородице священник тайно воспоминает святых, начиная с *большаго всех рожденных женами* (Ср.: Мф. 11, 11) — *Крестителя Иоанна, апостолов, святых*, коих *память совершается* в день отправления Литургии, и просит Бога *посетить нас молитвами их*».

«Призывая или прославляя святых угодников Божиих, мы должны призывать или прославлять их всем сердцем, с горячностью души, чтобы таким образом приблизиться к ним, приблизить их к себе и по возможности уподобить-

ся им, ибо они тогда бывают с нами и за нас, когда мы призываем или прославляем их чистым сердцем, и возносят наши молитвы к Богу».

И тогда «потребно убеждение, что Бог, Божия Матерь, Ангелы и святые слышат нас. Они благопослушливы, благоуветливы и благоприменительны паче всякого живущего человека. Потому молиться надо всегда усердно, без лености, с живою верою, с живым упованием, с сердечною любовью, чистым сердцем».

Далее поминаются усопшие и живые.

Батюшка говорит, что должно «особенно молиться горячо за живых и умерших во время Литургии и преимущественно после пресуществления Святых Даров».

«Чрез эту горячность мы приближаемся сами к нему, — что весьма важно, — и приближаем их к себе, и приближается Бог к нам, Которому приятна любовь, приятно единение любви».

«Мы молимся за живых и своею молитвою искреннею привлекаем на них невидимо, незаметно, — а иногда и заметно, — великие милости Божии, и привлекаем их сердца к себе и к Богу, и к благочестию. Молимся за умерших, и они, если имеют дерзновение у Господа, молятся за нас, не оставаясь у нас в долгу, так что Господь возмемлет всегда за любовь, за все добро, которое мы по искренней любви делаем в пользу ближних. *Испытующий сердца и утробы* (Пс. 7, 10; Иер. 11, 20; 17, 10; Откр. 2, 23) наградит за искренний вздох, за каждую слезу о ближнем. Сказавший

через Апостола: *Молитесь друг за друга, да исцелете* (Иак. 5, 16) — не оставит без плода нашей горячей молитвы. Итак, будем дышать молитвою горячею за всех — как и делает Церковь всегда на всякой службе. — Особенно каждый священник должен быть исполнен горячей любви и молиться за всех как посредник между Богом и людьми, — как сам обложенный немощами и знающий по опыту немощь человеческой природы».

«Молитесь о всех близких и дальних искренно, ибо мы можем в сердечной молитве соприкоснуться духовно со всеми любовью своею, хотя с иными всю жизнь не видимся. Молитва всех объединяет, согревает, освящает, укрепляет... Например: близкого тебе человека ты почему-либо не можешь видеть и говорить с ним, но молитвою о нем искреннею ты можешь приблизить его к себе, к своему сердцу так, как бы он был с тобою и беседовал с тобою. Он будет в сердце твоём, и ты можешь согреть сердце его твоею любовью и споспешествовать ему в делах его. Так и о всех разумей. Много может молитва. Она преклоняет к нам Господа на милость, она низводит с Небес Божию Матерь (явление Божией Матери Сергию преподобному), святых Ангелов и святых угодников Божиих. — В Боге мы все имеем ближайшее соприкосновение, живую связь, хотя бы разделены были огромным пространством и временем — или властью, сном, званием, состоянием».

Желая объяснить это «соприкосновение», отец Иоанн учит о силе «имени» святых и вооб-

ще людей. «Когда мы призываем святых на молитве, тогда произнести от сердца их имя значит уже приблизить их к самому своему сердцу. Проси тогда несомненно их молитв и представительства за себя, и они услышат тебя, и молитву твою представят Владыце — скоро, во мгновение, яко везде сущему и вся ведущему.

Имя святых, из членораздельных звуков, значит как бы плоть святого или святой... В малом виде в устах наших и в душах наших как бы отражаются существа горнего и дольного мира, — и все это через веру, Духом Святым, Который есть един *Сый* (Исх. 3, 14) — *езде сущий и все исполняющий*¹.

«Помолившись о упокоении усопших» и живых, «я прибавляю тайно от себя: “*Помяни, Господи, всех православных епископов, носителей Духа Твоего, звания и сана Твоего, правды Твоея, власти Твоея, святости Твоея, бессмертия Твоего, новотворения Твоего, благоволения Твоего, освящения Твоего и обожения Твоего, носителей ума Твоего и сердца Твоего (мы ум Христов мамы* (1 Кор. 2, 16) по Апостолу), светлости и великолепия Твоего”», — вот как высоко возносит Батюшка епископа! Затем помяни — «*всякое пресвитерство*; и прибавляю тайно: “Ему же вверил еси служение примирения человеков с Богом, покаяния, пакибытия (Крещения), обновления, просвещения, благословения и все Пренебесныя Таинства, кроме рукоположения. Да будет оно достойно своего звания, и да правожительствует

¹ Ср.: Молитва Святому Духу.

и священнодействует и богоугодно приносит молитвы Тебе, Владыце, о всех и за вся". Помяни и во Христе диаконство, вспомоществующее священству и служащее Пренебесным Тайнам, и всякий священнический чин». «Еще приносим Ти словесную службу о вселенной, о Святей Соборней и Апостольстей Церкви, из всех народов составленной; в буре же мира сего и князя тьмы сущия Церкви умири и твердое благочестие в них насади. И так далее».

В заключение о нас, клириках, и о мирянах не бесполезно выписать вырвавшийся у отца Иоанна болезненный крик о нашем недостойнстве: «Вы, о иереи и миряне, часто воссылаете славу Отцу и Сыну и Святому Духу, Богу в Троице. Да будет эта слава Ему прежде всего в сердцах ваших, в вере и любви нелицемерной, в кротости, смирении, незлобии, воздержании, чистоте душевной и телесной, в простоте, в милосердии, в послушании друг к другу, в покаянии горячем, нелицемерном, в усердии ко всем благим делам. Вот в чем слава Святой Троице прежде всего должна быть от нас, грешных. А то, мы славу часто воссылаем, а сами бесславим имя Божие своею нехристинской жизнью, своими страстями, своим лукавством, гневом, завистию, враждою, невоздержанием, нечистотою, блудною жизнью, праздностью, леностью, корыстолюбием, жестокосердием, ропотом, непокорностью и прочими грехами».

Иначе что получается? «Сколько молитв у нас вычитывается всякий день! Но где пло-

ды? Где исправление? Где добродетель христианская. Все, как семя посеянное при пути или на камне, или в тернии, пропадает, или не приносит истинного плода». Отчего это? Оттого, что «священнослужители или миряне, принося службу Богу и говоря молитвы... нередко мало думают о Боге и святых Его, присутствующих благодатию тут же; или, мало благоговая к Богу и к святым и думая о предстоящих людях, и имея к кому-либо из них подобострастие, лицепрятие или страх, расстраивают дело молитвы, отпадают от Бога сердцем и потому остаются без плодов молитвы — холодными, пустыми, неумиротворенными, ненасыщенными духовно. И поделом! *Никто не может работать двум господам* (Мф. 6, 24). И мирская пословица говорит: “За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь”».

*«И даждь нам единем усты и единем сердцем славити и воспевати пречестное и великое имя Твое, Отца и Сына и Святаго Духа*¹. Благовременны эти возглас и молитвы (о всех). Великое дело — *едины уста и единое сердце* молящихся. Такая единокордная молитва может все исходатайствовать у Бога, всякие блага. Потому как можно больше и чаще надо всех увещевать к единокордной молитве и просить у Бога такой молитвы». «Церковь, вместе молящаяся, есть великая сила Божия, побеждающая полки демонские и могущая испросить у Бога всякий дар

¹ Возглас священника после анафоры.

совершенный, всякую помощь, всякое заступление, избавление, спасение».

«И да будут милости великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа со всеми вами. Помянув раньше в частности разные власти и сословия человеческие, теперь вообще всем желает милостей от Бога».

Далее следует просительная ектения: *Вся святыя помянувш...* «При тайном чтении священником молитвы: *Тебе предлагаем живот наш весь и надежду, Владыко Человеколюбче, и просим, и молим, и мили ся (умилительно) деем, сподоби нас причаститися Небесных Твоих и Страшных Таин, сея Священныя и Духовныя Трапезы, с чистою совестью, во оставление грехов, в прощение согрешений, во общение Духа Святаго, в наследие Царствия Небеснаго, в дерзновение еже к Тебе, не в суд или во осуждение, — я прибавляю тайно от себя: “В дерзновение пред всеми людьми Твоими, в искоренение тлетворных досаждающих, насилующих, омрачающих, посрамляющих, от Тебя разлучающих и душу умертвляющих страстей, в насаждение, возвращение, утверждение в душах всякия истинныя живоносныя добродетели, во исполнение премудрости, — во еже научити вся люди вере и заповедям Твоим, в просвещение света моего пред людьми Твоими, яко да видят моя добрая дела и прославят Тебя, Отца нашего, Иже на Небесех, да не вотще (не напрасно) ношу толикий — горний ангельский, боготворящий, владычествен-*

ный сан священства, — не в суд или во осуждение»».

«“Отче наш”. — Молитва Господня — кратка, но так высока и содержательна, так богата мыслями, что ее надо всегда читать — тайно или вслух — с величайшим вниманием, не спешно, спокойно, с размышлением и чувством, в ясном сознании присутствия Божия, и тогда она принесет нам много, много плода, много дарований духовных и телесных. Ведь Сам Богочеловек в ней за нас молится Отцу Небесному», то есть потому, что «Он включил Себя в слово “наш”, “нам”, присоединив Себя к людям — братьям по плоти, а также потому, что Бог Отец и Ему есть Отец».

«Когда мы читаем молитву “Отче наш”, то должны читать ее с особенным, ясным разумением и одушевлением, именно: 1) Выразуметь глубоко каждое слово и выражение. 2) Всею душой и всем сердцем желать того, чего просим. 3) Иметь ревность, рвение исполнять то, чего хочет в этой молитве от нас Бог. 4) И самим делом исполнять требуемое».

«О, какое высокое счастье и блаженство, какое величие, какое достоинство призывать Вечного Отца! Дорожи постоянно и неизменно этим высочайшим счастьем, этим блаженством, которое предоставила тебе бесконечная благость Бога твоего, и не забывайся во время молитвы твоей. Тебе внимает и Бог, тебе внимают Ангелы и святые Божии человеки. Февраль 26-го 1864. Прослезился я, писав эти строки!»

В этой молитве «заключается руководящая нить для жизни христианина, обновляющая сила». «Говоря слова *да святится имя Твое*, надобно желать всем сердцем жить свято и стараться жить свято», «небесно жить на земле», должно «всем сердцем желать и домогаться Царствия Божия»: «ищи и ты, человек, паче всякого сокровища, благодати Божией, и да царствует она в тебе непрестанно. *Да придет Царствие Твое!* Благодатию Пресвятая Богородица сохранилась от всякого греха и украсилась всякою добродетелью... благодатию Она сделалась Материю Божиею и Царицею всех тварей. Благодатию и все святые Божии человеки избавились греха и достигли богоугодной святости, нетления и славы в Царствии Небесном, благодатию укрепились во всех искушениях на земле, в подвигах и страданиях, украсились всякою добродетелью. Благодать для них была всем».

«Говоря *да будет воля Твоя*, — должно иметь ревность об исполнении воли Божией, святой, совершенной, спасительной, всеблаженной, премудрой, всемогущей, вечной». Через это «исполнение воли Божией» и должно, и возможно достигать «Царствия Божия». «Сохранение, исполнение воли Божией есть уже великая награда разумно свободному существу, Ангел ли он или человек, ибо воля Божия есть величайшее благо и блаженство разумных существ, их совершенство».

Хлеб насущный. Должно «воздержно всегда жить и не искать роскоши в столе. Воздер-

жание — мать здоровья и спутник благодати». «Воздержание и посты» «многим кажутся, по их неведению, стеснением их свободы». Наоборот, «через них Церковь желает дать нам самую широкую духовную свободу, ибо невоздержание порабощает дух наш телу, его страстям и порокам, да и самое тело отягчает и подвергает болезням».

Остави нам долги... «Должно каяться искренно всякий день во грехах и прощать обиды другим, столь обычные между людьми в общезжитии».

Не введи во искушение... Избави от лукаваго. Должно «удаляться соблазнов и не поддаваться лукавому, смущающему на грех, памятуя, что мы — *дети Божии* (Ин. 1, 12; 1 Ин. 3, 1, 2; Рим. 8, 6), что Богу удобно подать нам силу в борьбе с грехом и что за победу над грехом мы получим Царство Небесное, облечемся силою Божиею и прославимся в бесконечные веки». «До крови подвизайся против всякого греха! Помни, для какого блаженства, бесконечные веки имеющего продолжаться, подвизаешься, для какого Царства Божия, *Царства правды, мира, радости в Духе Святом* (Ср.: Рим. 14, 17), еще здесь начинающегося, подъемлешь труд правды, труд борьбы с грехом. Ведь после всякой успешной, с Божиею помощью, борьбы, ты ощущаешь в себе мир, довольство собою, сродство с Богом и тесное с Ним общение, свет, силу, дерзновение, торжество духа. А грех всякий уничтожает, оскверняет, повергает в мрак, скорбь, тесно-

ту, всякую душу расслабляет, убивает ее, лишая ее тирански благодати Божией и господствуя в сердце грешника нагло и разбойнически». А «виновник греха — диавол». Даже «когда я служу Богу», и «тогда чувствую по временам, — говорит о себе Батюшка, — как злые и нечистые демоны задерживают мою душу, не попуская ей в мысли и слове идти к Богу и делая мне различные запинания, — то блудными помыслами, то пристрастием к пище, к деньгам, к одежде, то злобою и гневом, то завистию, то непослушанием и противлением, то суетным страхом и боязнию, то унынием и разлением, и сонливостию», то другими... тончайшими помышлениями.

«Литургия есть — ...величайшая победа милосердия Божия над грехами человеческими, величайшая победа над диаволом, на всякий день совершаемая и на всю вечность доставляющая блаженство побеждающим диавола верою и Покаянием», а затем — и Причащением. «В Литургии наша сила против сильных врагов, победа над ними, побеждающими нас нередко страстями нашими».

«Яко Твое есть Царство и сила, и слава, Отца и Сына и Святаго Духа¹. Помни, в Чьем Царстве живешь, Кому вся тварь, разумная, одушевленная и неодушевленная, Небо и земля повинуются и Кому ты должен повиноваться! Господу Богу, Творцу и Промыслителю всего мира и всех, и Спасителю рода человеческого. О Боже!»

¹ Возглас священника после «Отче наш».

И во веки веков. «Боже Вечный и Царю всякаго создания¹, — следовательно, и мой Создатель, — прости ми всякое согрешение, вольное и невольное, и сподоби мя творити волю Твою, яко Ты еси Бог мой (Пс. 142, 10), яко у Тебе источник живота (Пс. 35, 10)...»

«Забываем мы каждый день эту непреложную истину: или тлен или нетление, время или вечность», а «опуская из виду нетление, вечность... избираем блага временные, забывая о вечных...»

«*Аминь*. Истинно — непреложно. Чудная молитва!»

Но в этот момент Литургии особенно, — а не только как всегда, — «должно благодарить Бога за то, что Он дал нам право называться чадами Божиими (Ср.: 1 Ин. 3, 1), приступать к Нему с молитвами, молениями, прошениями, благодарениями и радоваться о такой милости к нам Божией, и со всегдашнею готовностью, охотно, с дерзновением и благоговением приступать к Нему... Великая честь брэнному естеству человеческому беседовать, — а сейчас, в Тайнах, и теснейшим образом соединяться с Существом Бессмертным, Безначальным, Всеблагим, Всепрекрасным и Вседовольным!»

«Как возвеличен человек... Тайною воплощения Бога Слова! Бог стал Человеком, чтобы человека сделать богом! Как же тебе не уважать себя, человек! Как не возненавидеть грех,

¹ Молитва «Боже Вечный и Царю всякаго создания...», из молитв на сон грядущим.

унижающий тебя до бессловесного животного, губящий тебя! Как не возлюбить святыню, правду, Бога», Отца! «Человек есть возлюбленное творение Божие, *образ Божий* (Ср.: Быт. 1, 26, 27), *чадо Божие* (Ин. 1, 12; 1 Ин. 3, 1, 2; Рим. 8, 16), для которого сотворен мир, для которого с Престола Славы сошел Сын Божий на землю», — «...для искупления которого от грехопадения и мук вечных пострадал и умер жесточайшим образом!» Ради спасения его «нисходит на Святой Животворящий Престол каждый день и совершает величайшее чудо милосердия Своего, претворяя хлеб и вино в Пречистое Тело и Пречистую Кровь... и удостоивая верующих Причастия их».

«Какой чести сподобил Бог человека, вселяясь в него чрез Святые Тайны и ходя в нем и с ним, — словом, сделав его храмом Своим одушевленным, как Господь и сказал: *К нему* (творящему заповеди Его) *придем и обитель у него сотворим* (Ин. 14, 23)».

Со страхом Божиим и верою приступите...

Прежде всего *приступают* священнослужители в алтаре.

«Когда причащаюсь Святых Таин, — пишет отец Иоанн, — по прочтении положенных молитв: *Верую, Господи, и исповедую... и Вечери Твоя тайныя...* и прочее, тогда говорю тайно: “Господь во мне лично, Бог и Человек, ипостасно, существенно, непреложно, очистительно, освятительно, победотворно, обновительно, обо-

жительно, чудотворительно” (что я и ощущаю в себе)! Затем более ничего не прибавляю от себя».

После причащаются миряне. *Со страхом!*

«Великая задача и великий нравственный труд» даже «для священника совершать Литургию, ибо нужно тщательнейшее приготовление к служению, всегдашнее, а не одновременное. Одним словом, ему нужно ангельское бесстрашие, пламенная к Богу и людям любовь, горный ум, такое же сердце и совершенно соответствующая с волею Божиею его собственная воля». Но так же должны готовиться и миряне: «Вы, недугующие тлением, земнородные, приидите с очищенными чувствами и мыслями к святой Литургии и почерпните здесь нетление; земные и прилепившиеся к земле, приидите, насладитесь Небесного Царствия в благодатном Царстве Христа Бога».

Приступающий же недостойно уподобляется Иуде, о котором потому и упоминается в предпричастной молитве: «Кто приходит к святой Чаше с какою-либо страстию в сердце, тот — Иуда и приходит льстиво лобызать Сына Человеческого».

Со страхом приступите! Но и с «верою и любовью». Возгревай «в сердце своем веру в Иисуса Христа, в Его бесконечную любовь», вникай «в себя», старайся «видеть свою духовную бедность, свое окаянство, свою слепоту, наготу, иметь алчбу и жажду правды», то есть исправления и правоты. Без этого «нельзя ис-

кренно и с горячею любовью плодотворно причащаться Святых Таин! Надо отрешиться от пристрастия к земным наслаждениям, которые крайне препятствуют небесной любви».

Благословен Грядый во имя Господне, Бог Господь и явися нам! Эта песнь поется и после шестопсалмия, и здесь, на Литургии.

«Раздается радостная весть о явлении Господа в *зраке рабием* (Ср.: Флп. 2, 7), то есть в воплощенном образе, а здесь — вечное воплощение в Тайнах Тела и Крови. А навстречу Ему, Богу Господу Явившемуся, раздается радостное приветствие от земнородных: *Благословен Грядый во имя Господне! Бог Господь и явися (явился) нам!* Он не оставил нас вечно погибать, но пришел и *спас* нас, — *не ходатай, ни Ангел, но Сам Воплотившийся Господь* (Ср.: Ис. 63, 9)!»

«*Спаси, Боже, люди Твоя и благослови достояние Твое*¹. Что значит *достояние Твое*, кто — достояние Божие? Христиане. Почему? Потому что искуплены Иисусом Христом ценою Крови Его и суть собственность Его. *Спаси люди Твоя*. От чего спаси? От грехов, от диавола, наветующего нам непрестанно. *Благослови*. Что значит: *благослови*? Значит, изреки все благое на людей Твоих или дай им все благое: мир, святыню, добрую славу, являй непрестанно на них Свою силу, Свой Промысл!»

Но здесь выражается еще более глубокая идея, именно относящаяся к Литургии. Мы уже

¹ Возглас священника по причащении мирян. Ср.: Пс. 27, 9.

не раз слышали от отца Иоанна, что вообще «в своем Богослужении Церковь проводит мысль и учение о единстве верующих как человек *единого тела* под *Главою Христом* (Ср.: Рим. 12, 5; Кол. 1, 18, 24)». И в особенности в Литургии проникает основная мысль: *да вси едино будут* (Ин. 17, 21) во Христе. Это единение теперь и достигается выше всего — телесным и духовным приобщением Тела и Крови Главы Церкви: «Святая Церковь... верна своему понятию, своей идее как Дома Божия, как общества или общения всех святых и верующих во Христа». И теперь «Бог в них жительствоует, как написано: *вы есте церкви Бога Жива, писано бо есть, вселюся в них и похожду, и буду им во Отца, и тии будут Мне в сыны и дочери, глаголет Господь Вседержитель* (Ср.: 2 Кор. 6, 16, 18)».

Это и совершилось в Причащении. Единство достигнуто. Остается благодарить.

*Видехом Свет Истинный!.. Нераздельней Троице поклоняемся: Та бо нас спасла есть! Да исполнятся уста наша хваления Твоего, Господи!*¹ «Человек — падший образ Божий», теперь «восстановлен крайним истощанием за него Сына Божия». Совершилось воссоздание, возобновление, воссоединение, обожение, спасение! «Благодарение Святой Троице, спасшей нас! Человек непрестанно восстанавливается, обновляется, спасается Пречистым Телом и Кровию Христовою. Обожается!»

¹ Стихиры после возгласа священника: *Спаси, Боже, люди Твоя.*

«Какая отрадная... мысль, когда представишь, что все... составляют одно духовное Царство Божие, как сыны Царства, одну Церковь Божию, одно тело, один дух, одну виноградную Лозу» Христову, «со множеством *рождий* (Ср.: Ин. 15, 5)!» О, «если бы во всех обитал Дух Святой!.. Если бы во всех жил Христос!.. Какое было бы восхитительное зрелище на земле! Как бы все были благополучны, довольны!»

Было бы Царство Божие еще здесь! Царство Троицы! Так конец Литургии возвращается к началу ее, — где возглашалось: *Благословенно Царство Отца и Сына и Святаго Духа*. Это Царство теперь совершилось, осуществилось в причастниках.

Яко Ты еси освящение наше, и Тебе славу возсылаем, Отцу и Сыну и Святому Духу... (возглас после благодарственной за Причащение ектении). А после заамвонной, благословляющей молитвы раздается тотчас торжественное громгласное ликование всего народа троекратно песнью: *Буди имя Господне благословенно отныне и до века! Слава Тебе, Христе! Слава Отцу и Сыну и Святому Духу*.

Так «Богослужение... и начинается и заканчивается словами благословения, славы Троице и Христу Богу». «Держава Царства Святой Троицы праведно и достойно должна быть благословенна и препрославленна от разумных тварей, созданных *по образу и подобию* Ее (Ср.: Быт. 1, 26, 27) и искупленных Кровию Единного от Троицы, соединенных снова — по разруше-

нии средостения греха и проклятия — с Богом и имеющих получить вечную жизнь как величайший дар, которого выразить языком невозможно! Слава убо буди во веки Святой Троице от всех нас человеков, столько облагодетельствованных Господом!»

Наконец — отпуст: *Христос Истинный Бог наш... помилует и спасет нас.*

Христос — последнее напутственное благословение дается именем Христа Спасителя.

«Святейшая, Всемогущая, Всеблагая Глава Церкви Своей» есть Он, «Господь Иисус, *Альфа и Омега, начало и конец*» (Откр. 1, 8) всего. «*Альфа и Омега* всякого Богослужения... есть Иисус Христос, Единственный *Милостивый и Верный Первосвященник пред Богом* (Евр. 2, 17) за нас, и вместе с Ним, без сомнения, — Бог Отец и Дух Святой, Троица Единосущная и Нераздельная. К Нему надо взирать непрестанно!»

«Ради страдания и смерти на Кресте Безгрешного, Всесвятого Любителя нашего, Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа», совершилось примирение: «Иисус Христос наполнил всю землю благоуханием благодати Духа Святого». «Эту благодать восприяли Матерь Божию и все святые угодники Божии». Его милостью и их молитвами «удостаиваемся и мы» ее.

«И Кресту сообщена от Страдавшего и Умершего за нас животворящая и спасительная сила на веки. И мы по всей справедливос-

ти» лобызаем «Животворящий Крест Господень как чудотворящий» и как знамение нашего спасения.

При этом, замечает Батюшка, «на отпустах церковных служб, Таинств и молитвословий священник обращается лицом к людям со словами милости и спасения от Господа: *помилует и спасет*, — спасения... столь нужного и утешительного для нас, достойных по грехам нашим всякого наказания. Это слово и этот обряд внушает нам благую надежду». Эту добродетелью, этими словами обещания спасения, упованием на милость Спасителя Церковь провожает своих чад, — подавая в знак этой надежды Крест для целования и еще раз побуждая к благодарности за спасение. Поцелуй есть знамение нашей благодарной любви.

А вместе с этим он напоминает и о нашей виновности. Так в Кресте запечатлелись и покаяние, и надежда, и любовь, и благодарение, эта «согласная четверица» чувств.

«Сколько в Кресте благодати, любви Божией ко мне грешному, силы, избавления и спасения. Пострадавший пострадал и за все мои грехи, принял бесчестие за все мои страсти, бесчестные и скверные, пролил кровь и воду, чтобы меня омыть и очистить, и освятить ими! Сколько во Кресте милости и благоволения ко мне, грешному и недостойному, и непотребному».

«Весьма много говорит нашему сердцу и одна какая-либо вещь, например, оставляемая

нам каким-либо высоким, благодетельствовавшим нам лицом или вообще любимым и уважаемым человеком, который отправился куда-либо в дальнюю страну или умер. Мы бережем, чтим, часто украшаем эту вещь, ставим ее на видном месте, чтобы она всегда была на виду и напоминала нам о нашем благодетеле, и в нас пробуждала чувства любви и благодарности, гложущие и засыпающие от житейских забот и сует. Таков есть для нас именно, — и наиболее, — Животворящий Крест нашего Господа Иисуса Христа, умершего на нем Жертвою за нас праведного гнева Божия и искупившего нас на нем от греха, проклятия и вечного мучения».

«С какою верою и любовью, с каким вниманием и благомыслием мы должны» лобызать Крест и «изображать на себе крестное знамение, это оружие против злых демонов, ищущих поминутно нашей гибели! Как вспоминать то, что совершилось на Кресте для нашего вечного спасения! Как отвращаться от греха! Как любить правду и творить ее всем сердцем! Как любить Возлюбившего нас до Креста и смерти (Ср.: Флп. 2, 7)! И друг друга любить!..»

Крест и крестное знамение «напоминает нам о важнейших догматах нашей веры — о Святой Троице, воплощении Сына Божия... двух естествах во Иисусе Христе... о главнейшей заповеди Закона Божия — *любить Бога всем помышлением* (Ср.: Лк. 10, 27) (знамение на челе), *всем сердцем* (на сердце) *и всюю силою* (Ср.: Втор. 6, 5)

(на обоих плечах). А в этом все существо христианской веры!»

15. Струи благодати

Кончилась Литургия... Люди расходятся от Богослужения. С чем же?.. Вот что получал и чувствовал отец Иоанн и как бы и нам подобало чувствовать: «Священнослужением в Святой Церкви Православной достигается служащим и простым верующим милость Божия величайшая, очищение грехов, примирение с Богом и своею совестью, освящение, обновление духа и тела, утверждение в вере, надежде и любви, дерзновение пред Богом, здравие душевное и телесное, святое веселие и радость, — коих лишены не работающие Богу». Это все преимущественно относится именно к Литургии, которую он служил ежедневно.

«Церковь, Богослужение, вообще молитва есть родная жизненная стихия души, в которой, как рыба в свежей воде, как птица в воздухе, душа истинно живет, покоится, наслаждается, укрепляется, играет и веселится, где “и верится, и плачется, и так легко, легко”¹!»

Молитва просвещает, облагораживает лицо человека молящегося, тогда делает его — как лицо Ангела.

Но «надо войти во вкус молитвы... и Богослужения, иначе молитва не принесет нам пользы ощутительной. И во всем так». А «мы молим-

¹ Строки из стихотворения М.Ю. Лермонтова «Молитва».

ся нередко дремлющими от житейских страстей сердцами и говорим дремания сердца своего, а не истинную, живую горячую молитву, без глубины и искренности» или «с поспешностью или борзостью». От этого «люди часто теряют весь плод молитвы. И молитвы наши хоть брось, как говорится, так они бывают пусты, ничтожны! Дело молитвы — великое дело. Она есть беседа с Богом, словесная жертва наша Богу! Кто же для нас Бог? Чем мы Его себе представляем? И пред этим-то Всесовершеннейшим, Всеправедным, Всеведущим, Всеблагим, Премудрым и Всемогущим Существом мы приносим нерадивую, неосмысленную, несердечную молитву! Пред Тем, от Кого мы получили жизнь, дыхание и все! Да будет нам стыдно!»

«Стоя в храме, мы должны помнить, что Бог есть око всевидящее, которое в тысячу раз светлее солнца и видит все тайное и сокровенное в сердцах человеческих!»

«Молись же не поверхностно, но всем сердцем из глубины души, доходя сам своим размышлением до оснований каждой мысли... Тогда молитва твоя будет разумная, сердечная, животворная, исполнена светом и благодатию». Тогда «она доставит тебе глубокое наслаждение духовное, мир, радость. Тогда ты возлюбишь ее более всего на свете. А поверхностная молитва как неплодящая наводит скуку, зевоту и неохоту».

«Многие не любят быть у Богослужения потому, что не знают его хорошо, во всем его богатстве, величии, мудрости, сладости, живот-

ворности. А узнают, — не расстанутся никогда. Так оно привлекательно, питательно, сладко для души!»

«Струи благодати обильно истекают в храме при общественном Богослужении и напояют души верных».

Отец Иоанн это очень хорошо знал: «Божественная служба, при всех борениях наших с грехами и противными злыми силами, удивительно обновляет, укрепляет, очищает, ободряет. И она есть для меня величайшее благо в жизни».

«Благодарю за сие Господа! Бесценное благо дано мне от Господа в Богослужении. В нем вся жизнь нашей души, все сокровище! Тут ее родина, ее сила, ее слава».

«Господи Иисусе!.. Дажь же мне благодать всегда от начала до конца благополучно, свято, мирно, твердо, пламенно совершать всякое Богослужение при всяких обстоятельствах, при многом и малом народе, в праздники и будни, в храме и вне храма! Дажь мне, даждь благодать сию, — и очисти сердце от всякия страсти, скверны плоти и духа, избавь от всякого навета вражия. Воспламеняй Небесным огнем во время моего служения и сердца всех предстоящих и молящихся! Смирй сердца богатых и знатных, ученых или мудрых века сего, обуяя их мудрость и покоряя умы и сердца их слову Твоему. Смягчай сердца закосневших в страстях, воссозидай, обновляй люди Твоя. Аминь. Я — немощен. Но да совершается сила Твоя в немощах

моих (Ср.: 2 Кор. 12, 9). Я грешен и прегрешен, но *идеже умножися грех, там преизбыточествова благодать* (Рим. 5, 20). Так и во мне да будет!»

Впрочем, бесплодным Богослужение и в особенности Литургия никогда ни для кого не остается, не может остаться: «Разве туне (напрасно) молимся... в храме? Нет, но великие и богатые милости получают от Бога все усердно молящиеся: помилование, оставление грехов ради Бескровной Жертвы, приносимой на алтаре, освящение, избавление от скорбей, умирение душ и утверждение в вере и добродетели. И можно ли туне уйти из дома Божия, из дома *Отца щедрот и всякия утехи* (2 Кор. 1, 3), от Которого *свыше сходит всяк дар совершен* (Ср.: Иак. 1, 17)», — как утешает нас Церковь пред самым выходом из храма в заамвонной молитве. Аминь!

Угодник Божий отец Иоанн Кронштадтский

Великий угодник Божий жил в наши дни! Кто из православных русских людей не слышал и не чтит святое имя Батюшки отца Иоанна Кронштадтского?! И за границей известны его сочинения. Католиками же написан огромный труд о жизни и воззрениях его. Бог даст, и Православная Церковь за рубежом дождетя пространныго жизнеописания этого «последнего святого» на Руси. Здесь же предлагается самый краткий очерк, скорее — перечень событий из его жизни.

Отец Иоанн Сергиев родился 19 октября 1829 года в селе Суре Пинежского уезда Архангельской губернии в семье дьячка; отца его звали Ильей, а мать — Агафией¹. Ребенку дано было религиозное воспитание от колыбели: благочестивая и твердая мать заложила в нем прочные основы пламенной веры и подвижничества на всю жизнь, а отец приучил его

¹ Имя матери святого праведного Иоанна Кронштадтского — Феодора. Она происходила из семьи Власия Порохина, диакона храма в селе Сура Архангельской области. Отец Иоанна Кронштадтского, Илья Михайлович Сергиев, был причетником того же прихода, где служил и отец Феодоры. — *Ред.*

с младенческих лет к храму. На шестом году ему явился Ангел хранитель совершенно явно.

С этого года начали учить его и грамоте, а на десятом году отправили учиться в Духовное училище в Архангельске. Но сначала учение давалось мальчику очень туго. Тогда он решил вымолить у Бога «свет разума». Ночью стал на колени и горячо начал молиться. И «вдруг точно потрясло меня всего. У меня точно завеса спала с глаз; как будто раскрылся ум в голове». И скоро из «последнего ученика» он стал в первые ряды, а семинарию кончил уже самым лучшим воспитанником и потому был отправлен в Петербургскую Духовную Академию. Здесь он особенно полюбил творения святителя Иоанна Златоуста.

По окончании учения юноша хотел сначала принять монашество и идти в миссионеры для проповеди христианства язычникам; но потом понял, что и на родине непочатый край для религиозной работы, и решил сделаться пастырем. Необходимо было жениться, и он избрал себе подругу жизни, дочь протоиерея кронштадтского Андреевского собора, Елизавету Константиновну Несвицкую. Но они всю жизнь провели в девстве, как брат и сестра.

Отец Иоанн, рукоположенный к тому же Андреевскому храму, отдает всего себя молитве, Богослужению и заботе о меньших братьях, в особенности — о бедном рабочем классе. Вместе с принятием священства вменил он себе в правило непрестанную молитву и впоследствии говорил, что она есть дыхание души и что он не понимает,

как можно жить без нее. И скоро кронштадтцы заговорили о необычайном Батюшке, Божиим служителе. Скорбящие сердца потянулись к нему, как к теплому солнышку цветочки. Отец Иоанн отвечал им любовью, ежедневным ходатайством за Божественной литургией и наставлениями.

А скоро Господь открыл в нем и дар чудотворений, — о чем он свидетельствует и сам в своем дневнике «Моя жизнь во Христе» и что записано тысячами исцеленных. Между прочим, лично мне известный и мною рукоположенный священник отец Василий Шустин (ныне в Сербии) рассказал и напечатал факт исцеления его чахоточного отца: доктора (проф. Симановский и другие) пророчили ему жить лишь две-три недели. А по молитвам Батюшки и после Причащения у него он жил еще 25 лет¹.

Слава о чудотворце пронеслась по всему лицу земли Русской; и даже из-за границы просили его иноверцы о молитвенной помощи. Иногда приходило до 1000 писем и телеграмм в день. Тысячи народа стекались ежедневно в Кронштадт за молитвою, исцелением, поучением, благословением угодника Божия. Огненное слово его жгло сердца людей и обращало на путь спасения самых погибших грешников². При-

¹ *Священник Василий Шустин*. Из личных воспоминаний // Святой праведный Иоанн Кронштадтский: Воспоминания самовидцев. М., 2004. С. 352–353.

² От него кроме указанного «дневника» осталось множество проповедей, «катехизические беседы» и проч. В Кронштадте был выстроен «Дом трудолюбия» с массой мастерских, богадельней, лечебницей, убежищем для детей и тому подобное.

глашали его служить и в другие города и веси Руси Святой; и всюду несметные толпы устремлялись к благодатному светочу.

На семидесятом году жизни, в Слове на Новый год, праведный служитель Божий между прочими благодарениями Бога изрек поразительные слова, в его устах, несомненно, истинные:

«Благодарю Тебя о непорочном житии моем, еще и привлекает меня к себе грех на всяк день и томит меня; ибо, аще бы не Ты хранил меня, яко зеницу ока, сотворил бы всякий грех. Нет числа милостям Твоим ко мне, Господи! И за все благодарю Тебя!»

Так дожил он до начала восьмидесятого года своего бытия в непрерывной Божией работе. Еще в 1908 году 29 ноября на фотографии своей он сделал надпись: *Пою Богу моему, дондеже есмь* (Пс. 145, 2). А через 20 дней, 20 декабря мирно почил; и с необычайной торжественностью при невероятном скоплении народа погребен в созданном им женском монастыре в Петрограде, на Карповке, где поживает и доньне.

Царство тебе Небесное! Помолись и о нас, угодниче Божий Иоанне!

Архиепископ Вениамин

Оглавление

<i>К читателям</i>	3
1. Великий служитель Литургии.....	4
2. Небесное служение.....	8
3. Райское жительство.....	19
4. Брак Агнца.....	27
5. Чаша Жизни.....	36
6. Угль палящий.....	47
7. Рычаг мира.....	55
8. Тайна Премудрости.....	64
9. Преддверие Неба.....	83
10. Оглавление Литургии — проскомидия.....	92
11. В Царстве Славы.....	99
12. Нужные молитвы.....	110
13. Сокращение Евангелия.....	121
14. Объяснение Литургии.....	124
15. Струи благодати.....	168
<i>Угодник Божий отец Иоанн Кронштадтский</i>	172

Митрополит Вениамин (Федченков)

НЕБО НА ЗЕМЛЕ

Редактор *М. Земцова*, корректор *Е. Алешина*,
технический редактор *А. Гулина*, компьютерная верстка *Е. Платонов*,
дизайн обложки *В. Михалицын*

Подписано в печать 2.06.17. Формат 84 × 108^{1/32}. Физ. п. л. 5

Тираж 10 000 экз. Заказ №4885

ООО Издательство «Отчий дом»

119017, Москва, Старомонетный пер., д. 9, стр. 1

Тел. 8 (499) 261-18-87

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

В книге выдающегося иерарха Церкви, богослова, духовного писателя митрополита Вениамина (Федченкова) «Небо на земле» собраны размышления о Божественной литургии святого праведного отца Иоанна Кронштадтского. По мнению владыки, в творениях отца Иоанна – «великого служителя Литургии» – наилучшим образом раскрывается дух и смысл главного христианского Богослужения.

Книга содержит общие воззрения Всероссийского пастыря на Литургию и последовательное истолкование службы «от самого входа в храм... до выхода после причащения». Для читателя книга имеет несомненную ценность, поскольку она представляет собой собрание мыслей и личных, взятых с собственного опыта, переживаний тайнодействия Божественной литургии, записанных в своем дневнике святым праведным Иоанном Кронштадтским – и бережно отобранных, систематизированных и связанных в единое повествование горячим почитателем Батюшки и великолепным знатоком его наследия – митрополитом Вениамином. Очень важным представляется также тот факт, что митрополит был лично знаком с отцом Иоанном и сослужил ему за Литургией.

Отчий
дом

